

С-19

В. Сахарин

СУД
НАД

ТАНТАЛУСОМ

В. Сапарин

СУД

над

ТАНТАЛУСОМ

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

Издательство **КХВЛКСМ**
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1962

СУД НАД ТАНТАЛУСОМ

В аргаш летел над Тихим океаном, когда его машина вдруг сообщила: «Иду на вынужденную посадку». Поскольку в действие пришла противопожарная система, он понял, что где-то что-то горит.

В иллюминатор он увидел, как левый бортовой огнетушитель пустил струю в носовую часть. Оттуда повалил густой дым, потом вырвался язык пламени. Огнетушитель сбил пламя, и дым снова пополз жирными клубами. Прошла минута-другая, и тонкая струя пламени вновь потянулась вдоль борта.

Вокруг, сколько ни смотрел Варгаш, он не различал ничего, кроме глади океана. Но машина, видимо, отыскала на карте какой-то клочок суши и тянула к нему из последних своих механических сил.

Наконец и Варгаш разглядел, что разыскала машина: вулканический островок, сверху удивительно похожий на одно из тех пятнышек, что покрывали листья зараженного танталусом тростника. Вблизи он оказался нагромождением скал, небрежно брошенных посреди океана.

Дым валил из машины так, что временами Варгаш ничего не видел. Он сообразил только, что она два раза прошла над обнаруженным ею островком. Но сесть на эти торчащие, как шипы, скалы не могла даже машина «Скорой помощи».

Когда машина пошла на третий заход, Варгаш вдруг почувствовал, что пол под ним проваливается и он вместе с креслом, в котором сидел, летит вниз.

Вися под куполом парашюта, он видел, как его аппарат, оставляя дымный след, падал все ниже и ниже, приближаясь к поверхности океана.

Скалы внезапно угрожающе выросли и, казалось, нацелились на него зубастыми пастями. Он больно стукнулся коленкой об острый выступ и почти одновременно грудью о вертикальную стенку. У ремня отскочила пряжка, и Варгаш вывалился из кресла — к счастью, с небольшой высоты.

Кресло, висевшее на стропах, полетело дальше и исчезло вместе с запасом продовольствия и медикаментами, уложенными в герметические карманы под сиденьем.

Прошло несколько минут. Первым, почти машинным движением Варгаш достал из нагрудного кармана блок-универсал. Упругая пластмасса корпуса осталась цела, но аппарат был поврежден. Сколько Варгаш ни нажимал на кнопки — сигнальная лампочка не загоралась. Он лишился главного — связи с окружающим миром.

Стиснув зубы и волоча ушибленную ногу, Варгаш взобрался на скалистый гребень, чтобы оглядеться.

Вокруг расстилался океан, синий и казавшийся бездонным. Волны равнодушно бежали из-за горизонта, тыкались в скалы, составлявшие островок, словно удивляясь, зачем он здесь.

Этот безвестный островок, веснушка на лице скелана, скорее всего не имел даже названия.

Варгаш повернулся на спину. Лежа на камнях и глядя на кусок неба, словно обгрызенный по краям силуэтами скал, он принялся восстанавливать в памяти недавние события.

Первым перед его мысленным взором предстал Свенсен.

2

...Тюрьма выглядела так, как и представлял ее себе Варгаш по многочисленным фотографиям: десятка четыре зданий, целый научный городок без единого кустика или травинки на гладкой пластмассовой мостовой, и все это покрыто огромным прозрачным колпаком.

— Убежать отсюда невозможно, — говорил убежденно Свенсен. Его чуть запавшие глаза и жесткие складки у рта придавали ему вид пророка. — Сюда есть только вход. Как в дантов ад. Обратно? Ха! В этой стене вы не найдете даже шва.

— А трещины?

Свенсен ударил кулаком по прозрачной стене. Кулак отлетел, как от тугой резины.

— Она многослойная. Все слои самозатягивающиеся. Масса гибкая, нетрескающаяся... Ее не прошибет даже пуля!

— Но ведь есть вход! — настаивал Варгаш.

— Вы хотите сказать: тем самым и выход? Человек может выйти. Микроб же — нет.

— Один все-таки вышел?

— Среди наших заключенных нет того, кого вы ищете.

— Охотно верю. Но ведь и не с Марса же он свалился!

— И это совершенно исключено. Ракеты обезза-

раживаются с полной гарантией. За этим следит Контроль безопасности.

— Но ведь есть бактерии, которые специально доставляются с других планет. Они тоже поступают к вам?

— В специальных сосудах и прямо в особый корпус. Вон, видите, тот дальний, как бы в дымке. Там еще два таких колпака, как этот. Дополнительная изоляция.

— А вы не думаете, что на Луне могли уничтожить не всех микробов? — спросил Варгаш. — Ведь ракеты с Луны не обеззараживаются.

— К сожалению, это исключено, — сказал Свенсен сурово. — И вы отлично знаете, что на Луне были только анаэробные бактерии. Подумать только, — воскликнул он, — уничтожить все микроорганизмы на целом небесном теле! Это была трагическая ошибка! Просто не верится, что такая же судьба угрожала и Земле. Помните, как начали уничтожать все вирусы гриппа, возбудителей дизентерии, холеры? Некоторых так вывели начисто. Теперь их ищут на Венере. Пойдемте, — добавил он другим тоном.

— Куда? Ведь здесь нет входа.

— Он перед вами.

Только приглядевшись, Варгаш увидел на простиравшемся перед ним участке стены тонкий, как волос, стык и почти совсем прозрачные петли.

— Это единственное место на земном шаре, — пояснил Свенсен, — где существуют еще сторожа. Конечно, никто не подумает войти сюда без спроса. Но Контроль безопасности настаивает... Откройте! — произнес он громко.

Часть стены отошла. Открылся проход, такой узкий, что им пришлось входить по одному. Вытянув руку в сторону, Варгаш почувствовал, что она упирается во что-то твердое. Они очутились не прямо под куполом, как он думал, а в коридоре.

— Обработка уже началась, — сказал Свенсен, указывая на пол, усеянный пупырышками с крохот-

ными отверстиями. — На ногах ведь приносится больше всего бактерий.

— А им запрещен и вход?

— Разумеется. Нелегальный — я имею в виду. И ваш танталус не смог бы проникнуть к нам, даже если бы хотел. Понимаете теперь, почему я так твердо заявляю, что его у нас нет?

— Однако не для того же, чтобы я в этом убедился, вы пригласили меня сюда?

Свенсен промолчал.

Коридор упирался в глухую стену большого корпуса. Минута ожидания — и пупырчатый пол стал медленно опускаться. Когда он остановился, отверстие наверху закрылось глухой шторой. Теперь им предстояло удивительное путешествие.

Свенсен и Варгаш разделись, одежду сложили в герметические ящики. Потом они стали переходить из одного помещения в другое через тамбуры с двойными дверями. Их обрызгивали и обдували, мыли и терли струями растворов разного состава и температуры... Это походило на путешествие сквозь фонтан. Варгаш, зажмурив глаза, шел за Свенсеном. После обмываний начался цикл облучений; шли то в оранжевом, то в голубом, то в зеленом свете, который излучали просвечивающие стены, то в полной темноте.

В одном месте контрольные приборы, следившие за всеми процедурами, выразили какое-то сомнение, и им пришлось повторить заново одну из только что проделанных серий обработки.

Наконец было получено разрешение надеть новенькие комбинезоны. Легкие костюмы висели в герметических шкафчиках с цифрами размеров и роста на дверцах. Глухие, на пневматических застёжках, они оставляли открытыми лишь лицо и руки. Еще один контрольный осмотр — и вот двор тюрьмы.

Свенсен указал на длинный корпус.

— Тут гриппы. Все, сколько их ни есть. Сто с чем-то. А этот корпус чумной. Тоже, как видите, не маленький.

Чистый анахронизм, — поспешил добавить он,

заметив, что Варгаш поежился при слове «чумной». — Один из парадоксов медицины заключается в том, что чума за то время, пока она находится здесь, под замком, так изучена и против нее найдены такие сильные и быстродействующие средства, что вырвись она даже сейчас на свободу, это причинило бы только некоторые лишние хлопоты — и все. Если бы человечество располагало этими средствами прежде, чума считалась бы невинной болезнью, гораздо более безобидной, чем хронический насморк. Я имею в виду обыкновенную чуму, конечно.

— А есть и особые?

— О, в последнее время открыто много видов, которых прежде не знали. Их не различали потому, что они встречались в виде ничтожных примесей к обыкновенной бубонной чуме. Недавно открыта бацилла, — в голосе Свенсена зазвучал оттенок гордости, — по сравнению с которой все, что знало человечество, — ничто. Против нее не действуют сыворотки.

— Я вижу, вы в восторге от нее. Так, чего доброго, вы станете приветствовать и танталуса?

— А почему бы и нет, — немедленно откликнулся Свенсен. — Вспомните историю с возбудителем возвратного тифа, — сказал он, останавливаясь. — Медики единодушно приговорили его к уничтожению. И его уничтожили. Что произошло дальше? Через десять лет после того, как был убит последний экземпляр, один микробиолог, изучая возбудитель уже по книгам, установил, что этот жизнедеятельный организм мог быть чрезвычайно полезен. Его спирохеты, попав в кровь человека, вызывали образование очень ценных веществ, уничтожающих бактерии. В укрощенном виде эти спирохеты можно было бы использовать и сейчас как очень эффективный лечебный препарат. Попробуйте поищите теперь возбудителя возвратного тифа по всей вселенной!

Свенсен сжал руку Варгаша с силой, которую трудно было ожидать в человеке столь щуплого телосложения. Варгаш посмотрел на собеседника. Его предупредили о «коньке» знаменитого тюремщика.

— Нет микробов только вредных, — торжественно, словно с кафедры, произнес Свенсен, — как нет и микробов только полезных. Взгляды на микробов меняются и будут меняться, но микробы — все, какие только существуют на Земле и других планетах, — должны быть под рукой у исследователя. Вот почему тюрьму микробов или санаторий микробов, называйте как хотите, я считаю гениальной идеей, надо отдать должное ее автору Коробову.

Варгаш с интересом выслушал эту тираду, хотя слово «одержимый» приходило ему раза два на ум.

— У нас немного бывает посторонних посетителей, — заговорил Свенсен совсем другим тоном. — Поэтому каждый, кто проникает за эту стену, становится как бы экскурсантом. Если вы хотите...

— Разумеется, — оживился Варгаш.

— А именно?

— Чумной корпус, — сказал Варгаш твердо.

В чумной корпус их пустили без особых церемоний. Видимо, считалось, что под куполом никаких микробов уже нет.

Широкий коридор вел в глубь здания. По обеим его сторонам виднелись узкие двери с надписями — черными буквами по желтому полю — названия разных видов чумы.

Свенсен остановился у одной из дверей.

— Вот, — сказал он. — Та самая.

Глубоко заинтересованный Варгаш переступил порог. К его удивлению, их выдерживали в промежуточной камере довольно долго, пока, наконец, лампочка на потолке не вспыхнула зеленым светом.

— Чего же вы опасаетесь? — удивился он. — Запоса бактерий из коридора? Но что можно занести сюда более опасного?

— Мы вообще против смешения бактерий, — возразил Свенсен. — Это искажает картину. Ведь, собственно, из-за этого и нашу героиню долгое время не могли обнаружить.

Лаборатория имела самый обыденный вид. Простой стол с колбами и пробирками. Ряды термостатов у стены.

«Тут она», — подумал Варгаш, покосившись на аккуратные шкафчики.

Двое людей в таких же комбинезонах, как на Варгаше и Свенсене, но в белых масках, закрывающих лица, и в белых же перчатках работали за длинным столом.

Варгашу вдруг захотелось, чтобы и у него на руках очутились перчатки, а лицо закрыла маска. Он взглянул вопросительно на Свенсена. Но этот энтузиаст микробиологии, видимо, пренебрегал мерами предосторожности.

— Хотите взглянуть?

Свенсен подвел его к микроскопу, стоявшему на столе. Варгаш приблизил глаза к окулярам и вздрогнул: на светло-желтом фоне бульонной жидкости ворочалась огромная змея — правда, без головы и без утончающегося хвоста. Темное ее тело конвульсивно дергалось.

Свенсен тронул рычажок манипулятора, и Варгаш увидел, как к вытянутому туловищу приблизилось тончайшее острие ножа. Змея дернулась и подпрыгнула, но нож улучил момент и отрубил от змеи кусок. Затем быстрым, совсем неуловимым движением он рассек змею вдоль.

Автомат-оператор продолжал оперировать бациллу. Варгаш почувствовал что-то вроде тошноты. Ему приходилось много иметь дела с чудовищами, не видимыми невооруженным глазом, и наблюдать картины их страшного разрушительного действия — он не был трусом. Но эта увеличенная бацилла, словно готовая схватить охотящийся за нею нож, производила неприятное впечатление.

Должно быть, мужественные люди работали в этой лаборатории, вырабатывая средства защиты против болезни, которые пригодятся, может быть, когда-нибудь при посещении другой планеты. Молчаливые люди в масках спокойно передавали друг другу пробирки с самой страшной смертью из всех существовавших когда-либо на Земле.

Свенсен вдруг спохватился.

— Пойдемте! — сказал он поспешно. — Наши

временные маски на лицах и руках скоро выдохнутся.

Так, значит, пока они стояли в промежуточной камере, открытые части их тела были подвергнуты какой-то обработке! Варгашу стало немного легче.

«Ну все», — с облегчением подумал он, когда лампочка на потолке выходной камеры загорелась зеленым светом.

Но радость его оказалась преждевременной. Выходная дверь оставалась закрытой. Прошла минута, и пол в камере тихо пошел вниз. Затем повторилось почти все то, что уже было при входе в тюрьму: обмывания, облучения, и, наконец, контрольные приборы объявили, что выход разрешается.

— Ну, а если бы? — спросил Варгаш.

— Карантин, — пожал плечами Свенсен. Уколы! И все прочее.

— Но ведь сыворотка бесполезна?

Свенсен ничего не ответил.

— В отдел вирусов? — предложил он.

В отделе вирусов Свенсен долго водил Варгаша по всем лабораториям. Варгаш уже не надеялся найти здесь ни танталуса, ни какого-либо отдаленного его родственника. Тем не менее вирусы, заключенные в тюрьму, завладели его вниманием: многое из того, что делалось тут, нельзя было наблюдать в обычных земных лабораториях, где работали лишь с безвредными существами.

В одном месте он долго смотрел, как делились и размножались крохотные существа, похожие на пружинки. Форма «пружинок» без конца менялась. Это был какой-то фейерверк формообразования. Как объяснили сотрудники лаборатории, процесс был вызван искусственно.

— Мы уже создали около шестисот новых форм, — сказали они.

Варгаш достал блок-универсал и запечатлел и «пружинки» и рассказ сотрудников.

— Я очень благодарен за предоставленную возможность посетить тюрьму, — сказал Варгаш, рас-

ставаясь со Свенсеном. — Мне кажется, я не зря провел здесь время.

— Я на это и рассчитывал, — ответил тот несколько загадочно.

Сейчас Варгашу, томящемуся на заброшенном вулканическом островке, кажется, что у Свенсена была какая-то тайная мысль, которую он так и не высказал. Зачем он уговорил осмотреть тюрьму? Для чего водил по всем вирусным лабораториям?

Варгаш снова оглядел торчащие вокруг скалы. Больная нога не давала покоя. Колено распухло и посинело, острая боль пронизывала тело при малейшем движении. Он оторвал рукав от рубашки и сделал повязку. Если бы была еда и он мог развести огонь! Тогда все выглядело бы иначе.

Ищут ли его? Конечно! Но попробуй найти на просторах Тихого океана человека, который не может дать вести о себе.

Ему надо устроиться получше. Лежать на этих камнях просто невозможно. Как ни трудно было воложить больную ногу, Варгаш решил перебраться в более удобное место — впадину, поросшую чем-то вроде мха. Здесь было мягче.

И вдруг он увидел воду. По ложбинке в камне, похожей на линию ладони, струилась прозрачная тонкая ленточка. Вода! Он приложил язык к шершавой поверхности скалы и несколько минут пил.

Заходящее солнце коснулось горизонта. Светило тонуло так быстро, точно соскочило с какого-то гвоздика на небе. Набежал ветерок.

Варгаш решил попробовать заснуть. Но мысль не хотела успокаиваться. В сознании возникали все новые картины недавнего прошлого.

3

...Он увидел поля сахарного тростника. Остролистые, обычно зеленые растения словно опалены солнцем, покрыты какими-то пятнами, кое-где изъедены невидимыми грызунами.

Варгаш только что вернулся из облета. На всей Ямайке сохранилось не больше трети плантаций сахарного тростника, не тронутых танталусом.

Варгашу, испытанному следопыту, ветерану Биологической защиты, поручили трудное дело — выяснить тайну происхождения танталуса. Но пока он получает со всех сторон лишь одно «ниет». С полсотни воздушных опрыскивателей, похожих на гигантские зонтики, шло в шахматном порядке низко над полями, оставляя за собой пелену лимонно-желтого тумана. Химики и биологи Центральной лаборатории, сменяя друг друга, работали круглые сутки, пытаясь найти эффективное средство против опаснейшего вредителя.

Уже поговаривали о том, что придется объявить на Ямайке карантин, закрыть остров для въезда и выезда.

Воздушные опылители, которые маячили на горизонте, как фантастические подсолнухи, стали один за другим исчезать: пошли на посадку.

Варгаш все еще смотрел на поля, когда его блок-универсал подал сигнал: «Вас вызывают».

На экране, едва Варгаш нажал кнопку «прием», появилось лицо Кэрри, начальника Биологической защиты.

— Послушайте, Варгаш, — сказал Кэрри. — Вы все возитесь с вашим танталусом? Отвлечитесь немного. Забудьте о нем. Ну, на два или три дня. Послушайте меня. В Центральной Африке разразилась какая-то болезнь среди слонов. Что-то новое, совсем неизвестное. Честное слово! Нужно действовать быстро и решительно, пока она не распространилась. Предлагаю вам отправиться туда. А потом вернетесь к вашему танталусу, и, уверяю вас, вы найдете тот ход, которого сейчас не видите. Я всегда так поступаю. Согласны?

— Да, Кэрри, — сказал он, — с удовольствием.

— Зденек и Чарли уже вылетели, — сообщил Кэрри. — Вы будете третьим. Держите связь со мной.

Он назвал координаты и исчез с экрана.

Через пять минут Варгаш был уже в воздухе. Его машина со свистом резала воздух, направляясь к точке, которую он указал ей на карте.

Прошло два часа, и впереди показалось озеро с зарослями тростника на берегу, а внизу промелькнул домик и большая лужайка. Это был слоновый заповедник, в котором ставил свои опыты Нгарроба, вице-президент Африканской Академии наук, находящийся сейчас на Венере. Варгаш нажал кнопку «спуск». Машина принялась выбирать место для посадки. Она прошлась раза два над лужайкой, опускаясь все ниже, стремительно понеслась к земле. Там стоял уже самолет «Скорой помощи». Машина Варгаша подкатила к нему. Не успел он поздороваться с Чарли, как в воздухе показалась машина Зденека.

Не теряя времени, все трое отправились к озеру.

Слонов они застали на песчаном берегу, истоптанном их могучими ногами. Менее красивые, чем их индийские собратья, с непропорционально большой головой, животные стояли или лежали, не выказывая признаков обычного оживления. Огромные уши свешивались, как тряпки, а хоботы, увядшие, бессильные, касались земли или лежали на ней наподобие обрывков толстого каната.

Банди, помощник Нгарробы, ходил среди слонов, словно это были не живые существа, а серые скалы, принявшие форму животных. И слоны обращали на него не больше внимания, чем на птиц, прыгавших на песке.

— Скверно, — сказал Зденек, наблюдая эту картину.

Черное лицо Банди от волнения и усталости казалось серым.

— Это началось вчера, — сказал он. — И вот видите...

— Что они ели? — поинтересовался Чарли.

— То же, что и всегда, — пожал плечами Бан-

ди. — Вот, — он кивнул в сторону зарослей тростника, — их любимое лакомство.

Предоставив Чарли и Зденеку вместе с Банди заниматься большими слонами, Варгаш направился к зарослям.

Он срезал несколько растений и внимательно осмотрел их. Ничего подозрительного. Тогда он прошел по берегу километра два — тростник всюду был одинаковый. Взяв из разных мест образцы для анализа, Варгаш направился к стоянке машин «Скорой помощи».

Зденек и Чарли были уже там.

— Похоже на анемию, — сообщил Зденек. — В какой-то незнакомой форме. А может быть, еще что-нибудь.

— Взял кровь, — добавил Чарли. Внутри его машины светились лампочки, что-то тихо булькало, цветные жидкости переливались по трубочкам: автомат-анализатор делал свое дело.

Варгаш поднялся в свою машину. Принесенный тростник он нарезал на куски и роздал лаборантам-автоматам, а сам, чтобы не терять времени, уселся за микроскоп. В срезах на предметном столике он не замечал ничего особенного и вдруг...

На нежно-зеленом фоне пестрели мелкие, еле различимые крапинки.

Варгаш вырезал крошечный кусочек с одной крапинкой и прибавил увеличение. Теперь крапинка выглядела как маленький вулканчик с кратером посередине.

Два лаборанта-автомата прогудели, что их работа закончена. Не вставая с места, Варгаш протянул руку и взял голубые бланки. Первый содержал анализ золы: все в норме, кроме неизвестно откуда взявшегося марганца. Другой бланк перечислял состав плазмы — тут были отклонения, в них следовало еще разобраться.

Зато Варгаш прямо вздрогнул, когда взял в руки бланк, подготовленный третьим лаборантом. То были увеличенные фотографии микробов, обнаруженных в тростнике, и среди них — Варгашу захотелось

протереть глаза — столь знакомые ему очертания танталуса. Положительно он начал ему мерещиться!

Варгаш не спеша, как мог спокойнее, рассматривал снимки. Нет, эта похожая на знак параграфа фигура не оставляла никаких сомнений. Танталус, самый настоящий танталус!

Четвертый, пятый, шестой лаборанты гудели, докладывая, что порученная им работа выполнена, но Варгаш, не глядя, откладывал их рапорты в сторону — он вызывал «Клару».

Когда она, наконец, ответила, стол Варгаша был буквально завален ворохом сводок. Перебирая их и бегло просматривая, он задавал «Кларе» вопрос за вопросом. Та выдавала все, что хранилось в ее электронной памяти.

На вопрос о крапинках «Клара» дала неожиданный ответ: она назвала вирус, открытый в бассейне Амазонки полстолетия назад.

Амазонский вирус, информировала «Клара», был безобидным существом, ничем особенным не отличающимся, настолько бесцветным, что все сведения о нем заняли едва пять строк в Полной Энциклопедии Микробов. Влияния на жизнь растения, в котором обитал, он, по-видимому, не оказывал. Открытый случайно, он существовал в неизвестности, пока им сегодня не заинтересовался Варгаш.

Варгаш вызвал Кэрри. Ямайка ответила тотчас же.

— Попробуйте дать тростник, зараженный танталусом, слонам. Желательно — африканским.

— Хорошо. А что случилось?

Варгаш рассказал.

Широкое лицо Кэрри стало еще шире.

— Вот это оборот!

Он сиял. Про Кэрри недаром говорили, что, если когда-нибудь у Биологической защиты не останется больше никаких дел, он зачахнет и умрет от неизвестной человечеству болезни.

Начальник Биологической защиты попросил передать ему все материалы, полученные Варгашем от

лаборантов. Варгаш нажал кнопку «Передача информации» и вышел из машины.

Зденек и Чарли тоже передавали первые сведения в Центр.

— Заболевание, связанное с питанием, — сказал Зденек.

— В крови повышенное содержание марганца, — констатировал Чарли. — А у вас что?

— Похоже на тантакус. — Варгаш пожал плечами. — И в то же время совсем непохоже. Марганца много и в тростнике.

— Он, вероятно, в почве.

— Остается еще проверить инсектарий, — сказал Зденек. — Вот еще одна из проблем нашего времени! Оставляя нетронутыми заповедные уголки природы, человек сам сохраняет очаги заразы. Вопрос: что лучше — сохранить или уничтожить? Другими словами: от чего человечество больше потеряет, а от чего больше приобретет? Может быть, на самом деле зараза идет оттуда?

...Зеленая сетка, накинутая над тропическим лесом, тонкая и мелкая, как вуаль, была незаметна даже вблизи. Банди нашел вход и, отстегнув клапан, пропустил вперед остальных. Они прошли сквозь три ряда сеток, а Банди застегивал позади себя невесомые двери. Он настоял, чтобы все надели индивидуальные предохранительные сетки.

Они вступили на территорию инсектария.

Мир существовал здесь в своей первозданной дикости. Крылатые твари, одного укуса которых было достаточно, чтобы человек заболел тяжело и неизлечимо, плодились и размножались беспрепятственно в этой влажной, словно жирной атмосфере. Это был лес, который в прошлые времена приводил в ужас самых отчаянных смельчаков.

Варгаш был солдатом Биологической защиты. И, как солдат, он шагал уверенно, соблюдая разумные меры предосторожности. Крылатые пули свистели у него над ушами, тыкались в сетку, вились над головой.

Он любил работу в «Скорой помощи» вот за эту

калейдоскопическую смену обстановки, за опасности, которыми она почти всегда сопровождалась, за то, что работать приходилось, не считаясь со временем. Варгаш поймал себя на том, что лицо у него стало расплываться от удовольствия, совсем как у Кэрри.

Нет, он не мог бы провести всю жизнь за глухой прозрачной стеной, как этот Свенсен. Хотя, если говорить честно, работа в лабораториях тюрьмы микробов не менее опасна и увлекательна, чем работа Варгаша. Но ей недоставало разных непредвиденных случаев, перемены мест, то есть всего того, что называют приключениями.

Банди наклонился к земле и показал на большие вмятины.

— Здесь проходили слоны.

Зденек с минуту внимательно рассматривал следы.

— Животные здоровы, — заключил он.

— Кровь взять не удастся? — поинтересовался Чарли.

Банди покачал головой.

— Со здоровыми слонами это проделать невозможно.

— Значит, и не нужно, — резюмировал Зденек. — Здоровые слоны — неподходящий объект для нас. Наше дело — больные животные.

— Посмотрим, что покажет тростник.

Нарубив стеблей и сложив добычу в герметические мешки, исследователи с теми же предосторожностями отправились в обратный путь. Выведя их за тройную сетку, Банди долго щелкал спрятанными в кустах выключателями.

— Она под током, — пояснил он. — Чтобы не порвали крупные животные.

...Лаборантам-автоматам задали новую порцию работы.

— Ну что? — спросил Зденек, просовывая голову в дверь лаборатории Варгаша.

— Пятен нет.

— Анализы?

В это время подал сигнал первый лаборант-автомат.

— Марганец? — спросил подошедший Чарли.

— Марганца нет, — ответил Варгаш, просмотрев бланк.

— Гм, — лицо Чарли приняло озабоченное выражение. — Может быть, весь секрет в марганце?

Варгаш снова вызвал Кэрри. Тот сообщил, что на двух африканских слонов, которых накормили ямайским тростником, зараженным танталусом, это не произвело никакого впечатления.

— Надо взять еще слонов, — предложил Чарли. — И попробовать кормить тем же тростником, только предварительно обработанным марганцем.

— Ладно, — проворчал Кэрри. — На вас слонов не напасешься. Если получите сыворотку, мы вам пришлем. Спасайте хоть тех, которые у вас.

— Надо перебазировать слонов, — сказал Зденек после окончания разговора. — На здоровый участок.

— Вероятно, подойдет любой, где нет марганца в почве, — высказал предположение Чарли.

Варгаш сел в машину и отправился выбирать место.

Остальные занялись слонами. Животные так ослабели, что многих не удавалось поднять на ноги. Банди вызвал транспортные вертолеты. Прошло около часа, и огромные вагоны один за другим начали садиться на лужайке. Слонов грузили краном, опуская обмякшие тела в вагон и задвигая затем крышку.

Некоторых, совсем обессилевших, с трудом заставили приподняться хотя бы настолько, чтобы продеть лямки.

— Это как раз те, с которыми делал опыты Нгароба, — сказал Банди. — Будет очень досадно, если они погибнут.

Чарли, Зденек и Банди провозились всю ночь, пока, наконец, не переправили слонов на новое место. Уже светало, когда Банди отослал вертолеты.

— Ну что ж, — сказал Зденек, оглядев слонов, бессильно лежавших на траве. — В сущности,

мы можем позволить себе отдых. Один спит, двое работают — так, что ли?

Варгашу выпало спать первым. Он плотно закрыл дверь кабины, поставил стрелки приборов на привычные для него температуру и влажность воздуха. Из стены выдвинулся матрац конструкции Института сна, тот, что держит вас словно в воздухе, так что вы не отлежите ни руки, ни ноги. Включив электросон на «естественное пробуждение», Варгаш разделся. Какое это все-таки удовольствие спать, принимая воздушную ванну! Сколько веков человечество куталось в звериные шкуры и одеяла, пока не сумело, наконец, расстаться с этим первобытным способом согревания! Еще какая-то мысль пришла было Варгашу на ум, но он уже коснулся головой подушки.

4

Сейчас звериная шкура представляется Варгашу верхом блаженства, о котором можно только мечтать. Он отлежал руку, бок и плечо, а ночью чуть не замерз.

Солнце снова накаляет воздух. Вокруг все тот же пустынный океан, над которым опрокинулось безжизненное небо. Коленка распухла еще больше, и он не может сдвинуть ногу с места.

От жары и утомления мысли Варгаша начинают путаться. Он пробует привести их в порядок.

Что, собственно, произошло там? Он проспал три с половиной часа, больше обычного на целых полчаса.

Тут же, после пробуждения, его вызвал Кэрри.

— Послушайте, — сказал он. — Пусть Зденек и Чарли занимаются слонами. А вас я прошу все отложить и слетать на острова Туамоту, там обнаружен вирус, стремительно ускоряющий рост бамбука. Положительно с нашей планетой что-то стряслось! Или действительно принесло какую-то живую пыль

из космических глубин? Последнее поручение, а потом вернетесь к танталусу!

...Что произошло дальше? Варгаша подстерегло то самое приключение, которого так жаждала его романтическая душа. И вот он уже вторые сутки на этом безвестном острове. Он снова восстанавливает всю цепь событий, тщательно перебирает каждое звено. О, у него сколько угодно времени для обдумывания. Времени, которого так не хватало в предыдущие суматошные дни.

И вдруг Варгаш вздрагивает как ужаленный. Он даже делает попытку приподняться, но острая боль в ноге заставляет его снова повалиться на камни.

Словно в каком-то откровении Варгаш вдруг совершенно ясно и отчетливо представил себе, откуда взялся танталус на нашей планете. Ну, как же он этого не понимал раньше? Ведь Свенсен подводил его к этой идее вплотную, только что не ткнул в нее пальцем. Для этого-то он и показывал ему тюрьму микробов, так долго держал в отделе вирусов!

Ну, конечно, танталус возник в результате быстрой и многократной смены форм какого-нибудь давно существовавшего на Земле вируса. Сейчас Варгашу кажется, что эта мысль в смутной форме пришла ему в голову еще тогда, когда он рассматривал бесчисленные вариации «пружинок». Он вспоминает, что Свенсен очень внимательно наблюдал за ним все то время, что они находились в лаборатории.

Свенсен не захотел почему-то высказать Варгашу своей догадки. Почему? Может быть, думал проверить самого себя? Или боялся, что, навязывая свое мнение, собьет Варгаша с другой, возможно более правильной гипотезы? Свенсен, как ученый, очень осторожен в своих выводах.

Варгашу сейчас ясно одно: все новые вирусы, которые наделали столько шума, явились результатом изменения формы одного какого-нибудь вида.

А началось, конечно, все с того тихого и скромного вируса, что существовал, может быть, тысячи лет безвестно в тропических дебрях Южной Америки.

Он-то и есть родоначальник танталуса и вируса, поразившего тростник в Африке. Видимо, в тростнике произошли какие-то изменения, которые сделали его непригодным в пищу слонам. И скорее всего он предок и того вируса, который ускоряет рост бамбука. И марганцем надо было действовать не на танталус, а все на тот же «родительский» вирус, что нашли в бассейне Амазонки полвека назад. Тогда бы наверняка получили форму вируса, поразившего африканский тростник и тем самым вызвавшего заболевание слонов!

Ах, как жаль, что эти мысли пришли так поздно! Проклятый блок-универсал! Как бы он пригодился сейчас... И вдруг — Варгаш подумал, что ослышался! — блок-универсал издал явственный сигнал: «Срочное сообщение».

Варгаш хватает блок и лихорадочно крутит ручку настройки. Увы, лампочка зажигается только при переводе стрелки на волну срочных сообщений. Ну, конечно: ведь для приема этой волны в блоке имеется отдельное устройство! Очевидно, оно-то и уцелело.

Пока он, растерянный, соображает все это, диктор произносит:

— «Венера-8» возвращается на Землю.

В первый момент Варгаш не может полностью оценить смысл сообщения.

«Хорошо, что Коробов скоро будет на Земле! — мелькает как-то механически у него в голове. — Он поможет разобраться в этой истории с танталусом». Но тут же все существо Варгаша как бы пронзает электрическая молния. Что случилось с «Восьмой»? Ведь срок ее пребывания на Венере истекает только через два месяца!

Диктор сообщает только одно: ракета летит к Земле. Это установлено наблюдениями. Но связи с ракетой еще нет.

Ее и не будет, вспоминает Варгаш, пока ракета не подойдет к Земле ближе. Он прислонил блок-универсал к скале так, что мог видеть экран, не поворачивая головы, а кнопку поставил в положение «прием».

Ночь прошла спокойно. Утром он услышал, как диктор, чуть волнуясь, произнес:

— Восьмая обнаружила на Венере разумные существа.

Варгаш чуть не подпрыгнул на месте. Так вот почему они возвращаются! Нужно же было ему очутиться здесь как раз в момент, когда происходят такие события!

Потом были еще какие-то сообщения. Но Варгаш находился в полузабытии. Сколько прошло времени? Очевидно, немало. Потом он явственно услышал голос Зденека.

— Алло, Варгаш! Где вы? Что с вами случилось?

На экране возникло лицо Зденека, бледное, с прядью черных волос, свешивающихся на лоб; он всматривался напряженно в Варгаша, словно пытаясь его увидеть.

— Почему молчите?

Зденек исчез, а Варгаш в каком-то тумане долго думал, показалось ему это или он на самом деле видел Зденека. Один раз резкий голос вернул его к действительности. На экране виднелось смутное пятно, оно ползло по диагонали, словно мокрица. Это корабль входил в зону космических маяков, и его изображение передавалось по телевидению.

Варгаш снова опустил веки... Очнулся он от шума, который раздавался где-то совсем близко. Открыв глаза, увидел на экране блок-универсала толпу народа, заполнившую огромный стадион. Варгаш узнал Мельбурнский восьмیارусный стадион на полмиллиона мест.

На экране показался открытый вихрелет. Ухватившись за поручни, на площадке стоял Коробов. Знакомое энергичное лицо с голубыми глазами, в которых всегда таилась скрытая улыбка. Рядом Нгарроба, огромный, сияющий, размахивающий рукой. Тут же — сдержанно-спокойный Сун-лин и маленький изящный Гарги, которого Варгаш знал только по портретам. Четверо участников экспедиции неторопливо сошли на помост.

Потом Коробов говорил, а автоматические теле-

визионные камеры передавали изображения участников экспедиции и снятые ими на Венере кинокадры.

Еще раз на экране появился Зденек. Лицо его выглядело растерянным.

— Куда же вы запропалились, Варгаш? — вопрошал он, озираясь по сторонам. — Передайте хоть координаты! Мы с ног сбились...

Зденек снова исчез.

Усилием воли Варгаш отогнал все лишние мысли и попробовал забыть. Он должен продержаться как можно дольше — возможно, его все-таки найдут.

...Зденека он увидел как в тумане. Тот так внимательно вглядывался в Варгаша, словно на этот раз видел его. Потом Зденек сделал шаг вперед, и Варгаш понял, что это живой Зденек, а не изображение на экране.

— Наконец-таки! — сказал Зденек. — Что у вас с ногой?

В ответ Варгаш только пошевелил губами.

— Я обшарил весь Тихий океан, — продолжал Зденек. — Больше всего мы боялись, что вас пронесло мимо островка. Машина не подтвердила приземления. Она только радировала, что сбросила вас на парашюте, и дала неверные координаты. Она уже горела в воздухе...

Варгаш подождал, пока туманное изображение Зденека не прояснилось, а голос его зазвучал в ушах более явственно.

— Танталус, — закричал он, напрягая все силы, — и африканский вирус — одно и то же. И тот, с Амазонки...

5

Традиция требовала, чтобы участники суда лично присутствовали в зале. По тем же неписаным законам и защитники и обвинители всегда являлись в черном. Историки утверждали, что обычай идет еще с тех давних времен, когда судили людей и судьи надевали специальные черные мантии.

И вот день суда наступил.

Доклада по обыкновению не было. Присутствующим просто напомнили вкратце суть дела.

Светящийся купол круглого зала погас, стены исчезли, и собравшиеся как бы очутились в девственном лесу на берегу Амазонки. Деревья росли по сторонам, их ветви местами сплетались, образуя зеленый свод. Птицы перелетали с ветки на ветку, прямо над головами притихшей аудитории, оглашая воздух резкими звуками. Зал, вернее его пол, напоминал теперь островок, заброшенный в глубь зеленого океана. Вот этот остров двинулся, деревья обтекали его по краям, смыкаясь позади в непроходимую чащу. Впереди посветлело, мелькнула полоса воды и исчезла, заслоненная зарослями бамбука. Остров остановился. Вокруг, касаясь друг друга, шуршали стебли бамбука, метелки его кивали налетевшему ветерку. Раздался треск, какие-то удары, заросли в одном месте раздвинулись, и из сплетения стеблей показалась фигура человека. Высокий, с загорелым лицом, он срубил обыкновенным мачете несколько зеленых стеблей, отделявших его от зала, и протянул стебли в зал.

Огромная рука появилась в воздухе и взяла стебли. Тотчас же лес исчез, а собравшиеся очутились в лаборатории, заставленной множеством лаборантов-автоматов. Приглядевшись, можно было заметить, что это не одна, а шесть совершенно одинаковых лабораторий, вплотную примыкавших к залу.

Для удобства зрителей картина создавалась одновременно в нескольких местах зала. Шесть огромных кругов вспыхнули высоко над головами, и в них появились увеличенные изображения танталуса-I, как теперь называли родоначальника всех танталусов. Все шесть танталусов-I подергивались и шевелились одинаково и в такт, словно проделывали гимнастические упражнения в фантастическом физкультурном параде. Это и был своеобразный парад. Один танталус сменялся другим, вплоть до последнего, десятого, открытого недавно на Соломоновых островах.

Затем были продемонстрированы преступные деяния обвиняемого.

Зрители увидели поникшие растения на сахарных плантациях Ямайки, африканских слонов, беспомощно распростершихся на земле.

— Дело не только в слонах, — сказал диктор, — но и в опыте Нгарробы.

Варгаш, конечно, знал про этот опыт, о котором было так много разговоров. Найдя тушу мамонта в слое вечной мерзлоты в Сибири, Нгарроба сумел оживить некоторые его клетки, в том числе производительные. Он ввел их двадцати слонихам из Африканского заповедника. Нгарроба рассчитывал, что, если эксперимент удастся, он получит помесь мамонта со слоном. Тогда во втором поколении тем же искусственным путем, используя новую порцию размороженных клеток мамонта, можно будет вывести животных, которые уже на три четверти станут мамонтами. Четвертое потомство, если бы удалось довести опыт до конца, дало бы «чистокровных» мамонтов с ничтожной «чужой» примесью, в $\frac{1}{16}$, с которой можно было бы и не считаться.

Мамонтами Нгарроба предлагал населить Антарктиду, единственную часть света, где животный мир был все еще беден.

И вот танталус сорвал самый первый опыт. Если его и начать снова, одним поколением мамонтов будет меньше.

— За одно это, — сказал сосед Варгаша, — танталус заслуживает сурового осуждения.

Но не только это числилось на преступном счету танталуса. Плановое бюро огласило цифры: бесчинства многоликого вируса дорого обходились человечеству.

— Танталус, оказывается, может не только вредить, — сказал диктор. — Есть одно смягчающее вину обстоятельство. Установлено одновременно, что танталус способствует росту растений. Даже сахарный тростник в первый период заболевания делал быстрый скачок в росте, а потом развитие останавливалось, и растение погибало. На рост же бамбука

один из танталусов, известный под номером четвертым, оказывает удивительное воздействие. Бамбук, как известно, и так растет быстро, но тут он вытягивается прямо на глазах. Кроме того, улучшается структура тканей — бамбук становится прочнее и гибче. Для всех художественных работ «танталусский бамбук», как его называли, считается теперь самым лучшим.

Варгаш с нетерпением ждал, когда диктор перейдет к тому вопросу, разрешению которого Варгаш отдал столько сил.

И диктор сказал наконец:

— Танталус-I жил в верховьях Амазонки тихо и мирно, пока человек, охвативший своей деятельностью всю планету, не добрался и до этих глухих мест. Прорубленные просеки открыли дорогу в лес солнечным лучам. Сооружение плотин, городов, заводов способствовало занесению в растительные дебри разных химических веществ, с которыми танталус-I прежде не сталкивался. Он оказался повышенно чувствительным к некоторым из них — не только к марганцу, породившему танталус-III, но и кобыкновенной извешке или бетонной пыли. Началось бурное формообразование с изменением свойств.

И вот теперь нужно решить, как с ним поступить.

— Заключение в тюрьму, — сказал сосед Варгаша, первый попросивший слова. — И немедленно. Как изолируют сумасшедшего. Ведь о сумасшедшем никто не может сказать, что он сделает в следующий момент. Так же обстоит дело и с танталусом.

--- Подвергнуть заключению вирус со столькими положительными свойствами? — удивился Свенсен. — Такого не бывало за всю историю существования тюрьмы микробов!

— Отказаться от возможности ускорять рост растений? От сверхпрочного бамбука? — поддержал его еще кто-то из защитников танталуса.

— И от гибели сахарного тростника и от заболевания слонов, — иронически добавил голос с противоположного конца зала.

— Против танталуса-II и танталуса-III сейчас найдены эффективные средства!

— А кто знает, что принесет танталус-X? — Как и всегда, почти всякий сидевший в зале стремился высказать свое мнение.

Больше всех горячился Свенсен.

— Если мы оборвем стихийный эксперимент, поставленный природой, — говорил он, — мы не узнаем много такого, до чего дойдем в наших лабораториях, может быть, только через десять или двадцать лет.

— Что важнее: человек или микроб? — возражал представитель Планового бюро. — И какова тут роль природы? В конце концов активность танталуса вызвала не природа, с которой он жил в мире тысячи лет, а человек. Вся деятельность танталуса за последнее время — это фактически восстание против человека, против его дел...

— Вы забываете про бамбук! — взволнованно крикнул кто-то.

— Ну, знаете, бамбук получается слишком дорогим!

По несколько человек сразу нажимали кнопки, требуя дать им возможность бросить хотя бы реплику. Диктор-диспетчер едва успевал предоставлять слово.

В самый накал страстей, когда на пульте диктора горела добрая дюжина лампочек, раздался голос Коробова:

— Вношу предложение!

Шум в зале стих. Основателя заповедника микробов знали и к его мнению прислушивались.

— Предложение такое, — сказал Коробов. — Танталусов — всех без исключения — изъять и заключить в тюрьму микробов. Оставшихся вне тюрьмы полностью уничтожить. В тюрьме отвести танталусам отдельный корпус: для каждого — лабораторию и тридцать в резерве для будущих, которые еще возникнут. Мы заменим стихийный эксперимент природы планово поставленными опытами. Используем все средства воздействия на микроорганизмы, кото-

рые нам известны. И как только получим стойкие виды с полезными свойствами, будем выпускать их на свободу.

Предложение поставили на голосование. На табло, вспыхнувшем на потолке, замелькали цифры. Они сменялись по мере того, как собравшиеся в зале нажимали кнопки у кресел.

— 500 — «за», 00 — «против».

Диктор сообщал о решении всему миру.

Противники танталуса и защитники, только что ожесточенно спорившие, устремились к выходу.

Коробов беседовал о чем-то с Нгаррой и Сунлином. Все трое внимательно посмотрели на подходившего Варгаша.

— Знаете что, — сказал Коробов. — Мне кажется, вам больше нечего делать на Земле. То, чему мы были свидетелями сегодня, — по-видимому, последний на Земле бунт природы против человека. На Венере — дело другое. Там, можно сказать, сплошной заповедник дикой природы. И на каждом шагу опасности. Мы подбираем сейчас первую смену для постоянной научной станции на Венере. Подумайте об этом, а?

опки, могучие складки на теле планеты, покрывали все видимое пространство, толпились в хаотическом беспорядке, загоразивали горизонт. С левой стороны, прямо по меридиану, шла, не сворачивая ни на шаг в сторону, Большая Полярная Дорога. С воздуха Игорь отчетливо видел, как она перескакивала через пади, ныряла в тоннель, снова появлялась вдали.

Остроконечная, как и всегда, показалась не сразу, и, увидев ее, Игорь инстинктивно чуть приподнял-

ся в кресле. Чувство нетерпеливого ожидания, знакомое охотникам, рыболовам, любителям природы, охватило его. Вибролет, словно угадав желание седока, взмыл кверху, а затем направился к Остроконечной со всей скоростью, на которую только был способен. Прозрачные крылья неутомимо и ритмично вибрировали. Полет был чудесным, и Игорь вновь подумал о том, что управление с помощью биотоков, возникающих в организме человека при одной только мысли о движении, — замечательная вещь: достаточно пожелать лететь — и летишь. Великолепное ощущение! Жаль только, что это не годится для трансконтинентальных лайнеров.

Едва вибролет очутился над вершиной сопки, как кресло вместе с седоком повисло в воздухе, а затем, повинувшись желаниям Игоря, принялось описывать круги и зигзаги.

Тех, кого он искал, нигде не было видно.

Наконец на полянке, у подножия сопки, мелькнуло желтое пятно. Вслед за красавицей тигрицей из зарослей тростника выкатились два огромных полосатых котенка и принялись возиться на траве.

Кресло опустилось и замерло метрах в десяти над полосатым семейством. Звери, очевидно, привыкли к подобным вещам: во всяком случае, безмятежная игра продолжалась. Теперь Игорь мог в свое удовольствие наблюдать за тиграми.

Идея устройства заповедника, которого не касалась бы нога человека, принадлежала Игорю — как никак биология была его второй профессией. Первая же... Он вздохнул.

Налюбовавшись вдоволь, Игорь, вынув из нагрудного кармана блок-универсал и направив объектив на тигров, стал смотреть на экран. Когда кадр казался ему подходящим, он нажимал кнопку «съемка». Он вел кинолетопись тигриной семьи уже несколько месяцев и полагал, что года через полтора документальный фильм будет готов.

Он уже сунул было блок-универсал обратно в карман, как тот подал сигнал: «вас вызывают».

— Слушаю, — сказал Игорь.

По самой последней моде он вкладывал блок в нагрудный карман так, что микрофон торчал наружу. Это давало возможность вести разговор, не вынимая блока.

— Что ты делаешь и где находишься? — спросил веселый голос.

О, кажется, придется поработать. Игорь вынул плоский, из упругой пластмассы, блок и повернул экраном к себе. Рыжие волосы, веснушчатый нос, насмешливые глаза...

Портрет, который он держал в руках, раскрыл рот и сказал:

— Наконец-то ты вынул меня из кармана. Ну-ка, покажись, какой ты. Сто лет не видались.

Игорь повернул глаз объектива к себе.

Рыжий Лешка скривил губы.

— Настоящий стилига, как говорили в старину. Даже пуговица «орбис» с радиостанцией внутри. Как будто недостаточно блока-универсала! Игрушки... Серьезные люди не станут баловаться такими пустяками. Ты, кажется, находишься где-то в воздухе. А что внизу? Покажи. Ах, это Голубые сопки. Ну что ж, затея интересная. А где знаменитое тигриное семейство? Вижу, действительно красавцы! Итак ты в родной стихии — в воздухе и на природе...

Алексей явно подсмеивался над приятелем. Означало ли это, что у него приготовлен какой-то сюрприз?

— Между прочим, — сказал он, — когда ты летишь? Через час? Куда? В Австралию? Так заходи... Я сейчас как раз в Австралии. В Платобурге. Ну, пока, как говорили в старину. Что ты смеешься? Сам читал в одной книге. Ведь история литературы — у меня увлечение еще со школьных лет... До скорой встречи!

Алексей исчез, а на экране Игорь увидел самого себя, как в зеркале. Длинное, словно вытянутое лицо, довольно унылый вид, или это только так кажется по сравнению с Лешкой? Рядом с ним кто не покажется печальным!

— Пора на аэродром, — сказал Игорь на экране Игорю, разглядывавшему свое изображение.

Ах, так вот почему у него на экране был такой унылый вид! Ведь он уже думал о предстоящем рейсе.

Впрочем, именно сегодня полет будет интересным хотя бы уж потому, что в конце его предстоит встреча с Алексеем.

Игорь решительно сунул блок в карман. Подчиняясь его желанию, вибролет помчался к аэродрому.

2

На пластмассовом, в рифленую шашку, поле стоял, вытянув тело и отнеся круто назад острые крылья, трансконтинентальный лайнер на пятьсот мест. По трем трапам поднимались на эскалаторах пассажиры.

Вибролет осторожно опустился у четвертого «командирского» трапа. Игорь встал с кресла, нажал кнопку «спасибо», и кресло со сложенными крыльями послушно, как собака, побежало на своих колесиках на стоянку. Хорошая модель, последний выпуск!

Поставив ногу на нижнюю ступеньку трапа, который тотчас же услужливо понес его в кабину управления, Игорь невольно усмехнулся. Прежде, когда экипаж состоял из нескольких человек, вероятно, имело смысл ставить отдельную лестницу. А теперь? Впрочем, тогда и слова «экипаж» и «командир корабля» оправдывали свое название.

Сколько условностей в жизни и как долго существуют в языке слова, потерявшие первоначальный смысл! Кажется, Игорь изберет своей третьей специальностью лингвистику. В последнее время у него появляется все больший интерес к словам. Не поговорить ли на эту тему с Алексеем?

Лешка? Человек с шестью специальностями и готов овладеть еще шестью. У другого это было бы проявлением легкомыслия, Алексей же все делает талантливо и удачно. Игорь в этом отношении сла-

бее своего друга. У него всего две профессии и то вторая только потому, что никакая даже самая большая страсть не поглощает человека целиком. Всегда люди поступали так: человек, допустим, увлекался химией, работал с душой, самозабвенно, а дома для себя играл на скрипке или писал акварели, разводил кактусы, собирал редкие книги или занимался художественной фотографией, «выкраивая», как нишут в старых романах, которые любит цитировать Алексей, «время» или «урывая редкие свободные часы». Да, конечно, когда человек спал не три-четыре часа в сутки, а целых восемь — смешно даже подумать об этом теперь, в XXI веке, — и отдавал первой, главной страсти еще восемь часов, успевая сделать гораздо меньше, чем сейчас выполняют за четыре или пять, вероятно, это составляло проблему. Сейчас любительские увлечения людей перестали быть только их личным делом, они превратились во вторые-третьи специальности, а у некоторых, вроде Алексея, таких любимых дел целых шесть, и у него еще остается время для спорта и других занятий, ничего он не «урывает» и не «выкраивает». Они как-то говорили на эту тему с Алексеем: тот очень хорошо знает литературу.

Однако не слишком ли много философствования спозаранку? В конце концов он успеет заняться этим, сидя в так называемой кабине управления. Игорь открыл дверцу.

Человек в голубом комбинезоне возился в кабине, устанавливая пластмассовый ящик с как бы обрубленными углами.

— Привет пилоту, — сказал он. — Вот, установил новый прибор. По требованию Контроля безопасности, не то Планового бюро. Какой-то спор там у них.

— От меня что требуется?

— Не обращать на него внимания. Я и сам не знаю, что это такое. Он под пломбой. Присоединил провода по схеме, и все. Ну, счастливого пути! — Монтер шутливо помахал рукой.

Игорь занял свое место. Инструкция требовала,

чтобы пилот во время взлета и посадки находился непременно в кабине управления. Зачем? Это знал только Контроль безопасности.

Почти машинально наблюдал он за тем, как давали приказ к отправке, как машина отвечала — огоньки перемигивались на табло, стрелки приборов занимали свои места между ограничительными штрихами. Лишь прибор под пломбой, укрытый глухим пластмассовым футляром, оставался безжизненным.

Заработали моторы. Здание аэровокзала слева в окне сдвинулось с места. Деревья на краю поля слились в ленту. Короткий, очень короткий разбег, могучий рывок — и вот внизу быстро проваливающийся бело-розовый город среди сопок, кусок трассы — прямой, как меридиан, снова город, но уже гораздо дальше, еле угадываемый в очертаниях. Разворот, и корабль несется ввысь, рассекая слой легких облаков, которые только что снизу казались такими далекими.

Ровно и мягко гудят моторы.

3

Пассажиры, достав свои блок-универсалы, читали книги, просматривали журналы, смотрели кинофильмы. С тех пор как Центральная библиотека, Главная журнальная экспедиция и Генеральный фильм организовали передачи для индивидуального обслуживания обладателей блок-универсалов, многое изменилось в этом мире. Всего лет пять назад на полках самолета лежали настоящие книги и журналы, небольшая библиотечка в сотню-другую томов. Сейчас каждый носит в кармане библиотеку в десятки миллионов томов с отделом уникумов и редких рукописей — любую книгу можно посмотреть в блок-универсале, передав заказ и прождав несколько минут. Тиражи журналов, недавно достигавшие астрономических цифр, в последнее время сильно сократились, и уже всерьез обсуждают вопрос, нужно ли вообще их печатать и рассылать. В сущности, достаточ-

но нескольких экземпляров для автоматической передачи изображений через блок-универсалы. Только отдельные любители старины предпочитают держать журнал в руках, перелистывая пальцами страницы.

Про кино и театр нечего и говорить. Премьеру, как правило, смотрит несколько миллионов человек, где бы они в этот момент ни находились. А обсуждение премьеры? Вы можете высказать ваше мнение всем, кто им интересуется, и, наоборот, выслушать любое высказывание, не покидая кресла самолета. И вы не мешаете соседу, достаточно нажать кнопку «немой разговор» — и голос певца, изображение которого вы смотрите на экране блок-универсала, будет слышен только вам (а давно ли надевали громоздкие наушники!).

Да, техника развивается невероятно быстро. Что будет через десять-двадцать лет?

...У Игоря было достаточно времени, чтобы размышлять о чем угодно и сколько угодно. Он мог сесть в свободное кресло, достать, как все пассажиры, свой блок-универсал и смотреть «Лебединое озеро» или новую пьесу. Надо только разузнать, в каком из театров земного шара она сейчас идет.

Стоило ему только захотеть, и он мог нажать кнопку «повтор» в блок-универсале и прослушать записанные на тончайшем волоске утренние наблюдения или продиктовать свои мысли, потом машинка-автомат все аккуратно перепечатает. Мог прослушать любую лекцию, даже ту, что читалась неделю назад или год, мог делать еще тысячу вещей.

Не мог Игорь только прикасаться к кнопкам на пульте управления.

О эти кнопки, высмеянные в юмористических журналах! «Долой кнопки!» — правильное, прогрессивное движение, за ним, несомненно, будущее. Игорь мог убедиться сегодня, как хорошо и приятно летать, не думая ни о каких кнопках. Но как хотелось ему сейчас положить пальцы на клавиши управления и почувствовать, что огромный корабль подчиняется самому легкому их нажатию. Увы, дотрагиваться до кнопок ему разрешается лишь во

время тренировочных полетов, которые для того и устраиваются, чтобы пилоты не разучились обращаться с самолетом. А ведь он любил управлять машинами — это, собственно, и заставило его выбрать профессию водителя воздушных лайнеров. Но если признаться честно, скучной стала эта профессия, не доставляет она ему того удовольствия, как прежде.

4

Прожаживаясь, Игорь остановился у входа в один из салонов. В углу сидел высокого роста человек и, глядя задумчиво на блок-универсал, едва заметно шевелил губами. Разговаривал с кем-нибудь, а быть может, работал. Ближе к дверям несколько пассажиров вели беседу. Разговор шел преимущественно на местные темы: об отоплении Камчатки за счет тепла Земли, о Якутском руднике-автомате.

Это дало повод одному из собеседников, розовощекому юноше, заявить, что использование природных руд уже устарело. Давно пора месторождения создавать искусственно.

— Вам мало изменений на поверхности планеты, — улыбнулся пожилой пассажир, — вы хотите и глубины Земли переделать?

— А почему бы нет? — удивился юноша.

Его собеседник ответил не сразу.

— Третьего дня я разговаривал с одним... гм, тоже довольно молодым человеком, — пассажир чуть усмехнулся, — и он мне объяснил, что человек может получать все, что ему угодно, из чего угодно. Например, из обыкновенного булыжника — железо, золото или колбасу. Для этого просто нужно — он так и сказал «просто» — расщепить атомы на составные части и сложить из этих частей новые атомы.

— Увлекательнейшая идея! — немедленно откликнулся юноша.

— Их много, этих увлекательнейших идей, —

снова усмехнулся пожилой пассажир. — Но вот вопрос, какой отдать предпочтение? Какую из них осуществлять сегодня?

— Ту, реализация которой сегодня выгоднее обществу, — вмешался вдруг пассажир, сидевший в углу. — Словом, делать то, что целесообразнее.

— А что считать целесообразным? — тотчас же накинулся на него юноша. — Каков критерий?

— Ну, например, затраты человеческого труда. Это, конечно, прежде всего. Потом — затраты энергии. И не вообще, разумеется, а с учетом общего ее баланса в данное время. Затем — сложность и дальность транспортировки. Да мало ли что еще...

— О, — несколько разочарованно протянул юноша, — вы, я вижу, из тех, кто учитывает все на свете.

— Сотрудник Планового бюро, — поклонился с лукавой улыбкой пассажир. И, помедлив, добавил: — Вы ведь знаете, мы не скупимся на любые эксперименты — сколько угодно смелые и самого большого масштаба. Но... — он оглядел собеседников, как бы желая убедиться, интересуют ли их эта тема, и продолжал: — Когда речь идет о нормальной эксплуатации, тут слово берет математика. Возьмите, к примеру, плотину через Берингов пролив с ее насосами, перекачивающими воды Тихого океана в Арктику. С современной точки зрения, это сооружение не так уж совершенно. В самом деле, вдумайтесь хорошенько: чтобы поддерживать теплый климат в северном полушарии, нужно добыть урановую руду, извлечь из нее расщепляющиеся материалы, доставить их к плотине и загрузить камеры генераторов. Конечно, почти все это делается автоматически, но почти все, а не все. В этом отношении Якутский рудник-автомат стоит на более высокой ступени. Однажды запущенный, он будет работать 51 год без всякого вмешательства человека. А вот наш самолет, — неожиданно закончил он, — во многом устарел.

Девушка с русыми косами, в легком платье,

внимательно слушая разговор, оглядела внутренность салона.

— Я имею в виду не удобства для пассажиров и не летные качества, — чуть улыбнулся сотрудник Планового бюро. — Но обращали вы когда-нибудь внимание на пилота?

Игорь невольно вздрогнул. Он даже отодвинулся в глубь коридора.

— Пилота? — переспросила девушка. В голосе ее прозвучало легкое удивление. — Но ведь он сидит где-то там в своей кабине. Он невидимка.

— Не только невидимка, но и ничегонеделайка. И знаете, это одна из интереснейших проблем нашего времени. Пока в воздухе происходят случаи, подобные тем, которые когда-то где-то уже бывали, можете спокойно положиться на машину. Но если произойдет что-то непредвиденное, случай, для которого в «памяти» у машины нет аналогий, она бессильна. Вот из-за этого и летит квалифицированный водитель. Сколько пилотов болтаются в воздухе, несут простое дежурство, вместо того чтобы заниматься творческой деятельностью, как это подобает людям! При этом каждый случай их вмешательства в работу машины рассматривается как чрезвычайное происшествие. Во всех машинах делаются необходимые изменения, чтобы подобный случай уже никогда не мог повториться. Таким образом после каждого случая в воздухе вероятность происшествий вообще уменьшается. И у пилотов все меньше работы... Так же обстоит дело и с нашим пилотом. Конечно, он честно служит обществу, но мы лишили его естественной радости труда. Это просто жестоко.

— Ну, он делает, конечно, что-нибудь, — возразила девушка, — этот пилот.

— Да, читает, диктует, может быть, сочиняет поэму. Разумеется. Но ведь это не решение вопроса.

— Я понял только одно, — сказал полушутя, полусерьезно пожилой пассажир, — пилоты будут вечно кататься на самолетах. Потому что, если даже останется вероятность одного несчастного случая на всех авиалиниях за десять лет, Контроль безопасности

все равно оставит пилотов на всех самолетах. Я стал-кивался с этой организацией. Я ее знаю.

— Они беспокоятся о пассажирах, — ответил сотрудник Планового бюро. — И в принципе они правы. Задача, однако...

В этот момент Игорь ощутил три легких толчка в грудь: машина управления вызвала его. В первый раз за последние два года.

5

Вызов не был аварийным. Когда он вошел в кабину, зеленая лампочка сигнализировала: «Все в порядке». Игорь сел в кресло и внимательно оглядел табло. Немым языком сигналов машина сообщала о том, что случилось, и о принятых мерах. «Система охлаждения», — прочел он на табло. «Не подавалась охлаждающая жидкость», — докладывал откинувшийся бленкер. «Насос в порядке», — бодро рапортовал его сосед. «Неисправность в трубопроводе», — делала вывод машина. И докладывала: «Продута система», «Подача возобновилась». Ну, с таким пустяком справится и ребенок.

Игорь глубоко задумался, сидя в кресле. Три легких толчка в грудь вернули его к действительности. Лампочка горела оранжевым светом: «Не подается охлаждающая жидкость», — прочел он. Значит, засорение было устранено только временно! Быстро, быстрее, чем это сделал бы человек, машина обследовала каждый участок подающей системы и сделала неожиданное заключение: «Все в порядке». Однако сигнал «Не подается охлаждающая жидкость» продолжал ярко гореть. Подали весть моторы. «Перегрев стенок камеры сгорания», — вспыхнул сигнал на табло.

Игорь почувствовал, как руки его потянулись к клавишам пульта управления. Но он не имел на это права — лампочка горела оранжевым светом. Машина быстрее, чем это сделал бы Игорь, нашла, что можно предпринять в таком случае. Замигали лампочки контроля приборов. Машина решила про-

верить, исправны ли сигнализирующие приборы. Молодец машина! Правильное решение! К тому времени, когда он это сообразил, машина уже проверила всю систему сигнализации. Все оказалось в порядке, только какая-то неясность возникла с указателем работоспособности насоса.

«Черт с ним, с прибором, включить запасной насос! — в азарте подумал Игорь. — Ведь моторы греются...» — Он даже приподнялся в кресле. «Включен запасный насос», — прочел он с облегчением.

На этот раз машина пришла к решению, может быть, на одну лишь десятую секунды позже Игоря. Конечно, она методично и хладнокровно перебрала сначала все варианты, затем, сравнив друг с другом, отбросила все, кроме единственно правильного. У Игоря же это было первой мыслью, пришедшей в голову, почти импульсивным порывом. Тем не менее Игорь почувствовал глубокое удовлетворение: в сущности, он одержал победу над машиной. Вот что значит живой человеческий опыт, пусть даже и не вполне осознанный, опыт, заключенный в клетках мозга и в мускулах его руки, которая сама потянулась к кнопке «второй насос». И пилоты кое на что годятся, черт возьми!

Лампочка успокоенно светила зеленым светом, а он все сидел в кресле. Моторы давно просигнализировали, что температура нормальная. Табло явно намекало, что пилот здесь, в кабине, совершенно лишний.

Но Игорь не спешил уходить. Он пережил редчайшее ощущение: он не прикоснулся ни к одной кнопке, но все же как бы управлял машиной. Игра? Пусть игра! Но ведь это игра в работу, в работу пилота, которая ему противопоказана в силу его должности.

И тут лампочка зажглась оранжевым светом в третий раз. Такого не случалось за всю историю существования трансконтинентальных линий. Само по себе это уже было сверхприисшествием.

Однако настоящее изумление охватило пилота, когда он взглянул на табло. «Второй насос неисправ-

вен», — профессорски спокойно констатировал прибор. Как, второй насос вышел из строя? Плохо дело, третьего-то ведь нет.

Вспыхнул экран манипулятора. Машина взялась за починку. Игорь видел на экране, как тонкие и гибкие механические руки быстро и споро ощупывали насос, замкнутый в тесном пространстве, куда не доберется рука человека. Что за чертовщина! Все было на месте.

«Снять крышку!» — чуть не крикнул Игорь, но механические пальцы уже отвинчивали ее. Проникли внутрь и выполнили все, что мог придумать Игорь, и тем не менее неисправность не была устранена.

«Нижний патрубок!» — промелькнуло в голове у Игоря. Он опоздал. Пальцы завили крышку с быстротой, не позволяющей следить за их движениями, и накнулись на нижний патрубок. Не ограничиваясь нижним патрубком, железные пальцы разобрали, прочистили и собрали все, что только подворачивалось под руку. Машина делала тысячу страховочных, может быть, совсем бесполезных действий, а время уходило...

Игорь почувствовал, что и у него начинают путаться мысли. Что делать? Вдруг его осенило: засорился соединительный шланг. Тот короткий шланг, что соединяет оба насоса: основной и запасный. Он подумал об этом только потому, что однажды, играя с товарищем в «Логическую сообразительность» и пользуясь для этого схемой моторов самолета, сам придумал это повреждение и заставил партнера искать его по косвенным признакам. Ну да, этим партнером был Алексей! Тогда Игорь выиграл одно очко. Лешка, быстрый на соображение Лешка, не смог догадаться! Ведь тогда, как это произошло и сейчас, он сначала продул всю систему охлаждения, а затем уже включил запасный насос. И соединительный шланг, короткий, всего в несколько сантиметров, отросток, оказался непродутым.

Машина, ясно, не знала об этом случае! Она делала все, кроме единственного, простого и необходи-

мого сейчас действия. Наконец, перепробовав все, на что она была способна, машина сдалась. Лампочка вспыхнула красным тревожным светом.

Пора! Игорь наклонился вперед... Моторы уже были близки к истерике! И тут он услышал приказ, прозвучавший в его ушах, как удар грома.

«Ничего не делать!»

Он почти растерянно огляделся вокруг.

«Не вмешивайтесь», — подтвердил голос.

Вслед за этим он услышал легкое, совсем легкое постукивание внутри пластмассового корпуса прибора, что был установлен в кабине перед отлетом.

Кнопки на пульте управления сами стали вдавливаться, точно человек-невидимка коснулся их руками. Вновь вспыхнул экран. Кто-то медленно, по-человечески искал повреждение.

Но ведь этот кто-то не знает про соединительный шланг! Это известно только Алексею. Игорь поднялся с кресла, но его снова остановил приказ:

«Ни с места!»

Невидимка *знал* про соединительный шланг. Он включил продув, и, как и рассчитывал Игорь, система охлаждения тотчас же заработала.

Самое время! Игорь вытер вспотевший лоб. Еще несколько секунд — и моторы вышли бы из строя.

Да, переживаний сегодня хватало!..

Он посидел еще немного, чтобы успокоиться. Все работало нормально. Тогда он вышел из кабины. Пассажиры занимались своими делами, даже не подозревая о том, что только что разыгралось в кабине самолета. Прошло всего семь минут!

* * *

— Вот такой эксперимент мы сейчас и ставим, — говорил сотрудник Планового бюро, поблескивая своими живыми глазами и поглядывая на собеседников, — с полного согласия Контроля безопасности, конечно. Однако, кажется, мы садимся.

Лайнер сбавлял высоту. Игорь снова прошел в ка-

бину и сидел там в царственном бездействии, пока колеса не остановились у начертанной на поле линии и все двери автоматически не раскрылись.

Он сошел на землю последним.

6

Вибролет попался старой конструкции, и Игорь мог наслаждаться сколько угодно, нажимая кнопки управления. Но — странное дело! — это не доставляло ему сейчас удовольствия. Более того: он находил обременительным держать пальцы на клавишах. Сегодня утром он летал лучше. Руки были свободны, мысль тоже, крылья подчинялись почти бессознательным желаниям. Это походило на полет во сне. Полет? Да, тогда, утром, было ощущение полета. Сейчас же он просто перемещался в пространстве. Обыкновенная транспортная операция, которой приходится заниматься почти всем людям Земли примерно так же, как раньше, если верить старым фильмам, на работу ездили на велосипедах.

...Алексей сидел в небольшой комнате перед пультом управления — точной копией того, перед которым пережил волнующие минуты час назад Игорь. Рядом стояли еще одно кресло и еще один пульт.

— Вот так я и летаю, — сказал Лешка, обедая рукой свое хозяйство. — Не отрываясь от Земли.

Он посмотрел на Игоря и засмеялся.

— Зато я работаю, — добавил он. — Веду сразу сто самолетов. Следовательно, случаев для вмешательства в работу машин у меня в сто раз больше, чем у тебя. Сегодня выпросил еще десять рейсов — еле уговорил. Запасный пульт поставили. Это если два случая произойдут сразу. По теории вероятностей...

— Ах, эта теория, — махнул рукой Игорь. — Сегодня я с ней познакомился на практике.

— И твой лайнер оказался среди этих десяти. Представляю, как ты был разочарован, когда выяснилось, что тебе не надо помогать машине! Такие же

ощущения, вероятно, испытывал последний извозчик или последний шофер. Твоя песенка спета, Игорек!

— Я просто люблю летать.

— Кто же теперь не летает! И чем ощущения пилота отличаются от ощущений пассажиров? Хочешь настоящих ощущений — иди ко мне в напарники. Правда, летать уже не придется. Для моей профессии это совершенно излишняя роскошь. Зато интересная работа. Имей в виду: всех пилотов с будущего года все равно с самолетов снимут. Даже испытания будут производиться автоматически — программным устройством.

Рыжее лицо Лешки смеялось, веснушки расплзлись, даже нос сиял. Он не считал нужным выводить веснушки или менять форму ушей — растопыренных, похожих на приставленные к голове ладони, — Лешка считал, что вполне можно жить и таким, каким создала природа.

— У тебя, брат, ведь есть и другие профессии! Ты можешь выбирать. Ну, будешь летающим биологом в конце концов. Ведь твой заповедник и предназначен для осмотра с воздуха. Уверяю тебя, все это не так трагично, как тебе кажется. Потом на Венере еще летают по старинке. Попросись в экспедицию. Коробов набирает людей.

...В самом деле, что изменилось в мире? Ощущения, которые испытываешь, когда управляешь машиной? Этих ощущений даже прибавится, если Игорь пойдет в наземные дежурные. Полет? Чудеснее полета на вибролете без пульта управления еще свет не видел.

Романтика? Да, но романтика есть в любом деле. И в том, что делает Лешка, очень много романтики, хотя он ее и не признает.

* * *

Игорь вышел на улицу и с помощью блок-универсала подзвал к себе вибролет. Подбежал старый, наивный романтичный вибролет с кнопками, натыканными на крохотном пульте.

Игорь сел в кресло и положил пальцы на клавиши.

— Лети! — приказал он.

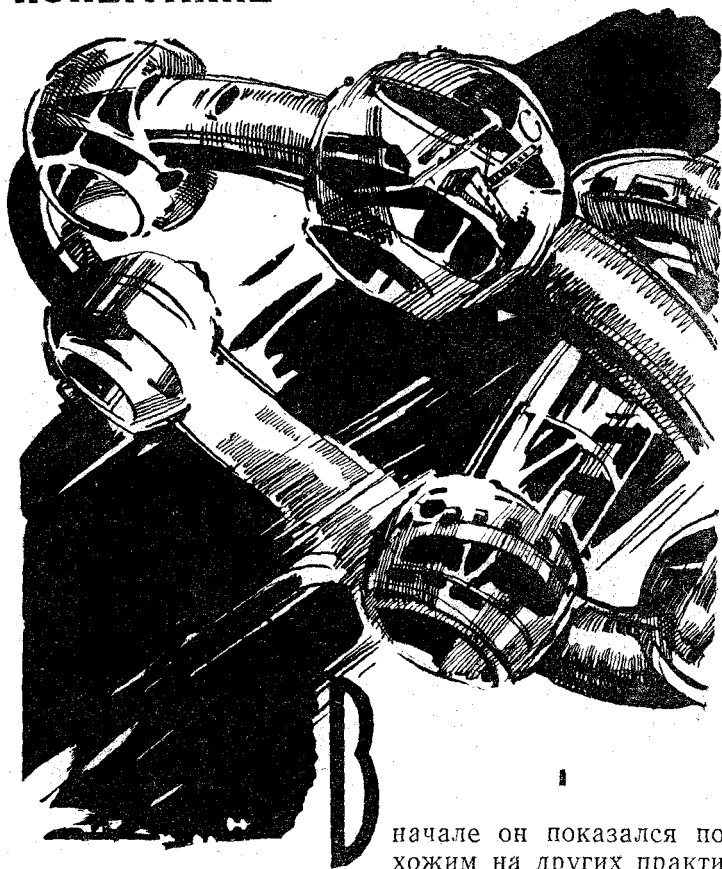
Кресло стояло неподвижно.

— Лети, — повторил он.

Кресло не шелохнулось.

Тогда он нажал на кнопку, мягкую и расшатанную, она легко осела — за спиной раскрылись крылья, и вибролет полетел.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ИСПЫТАНИЕ

В начале он показался похожим на других практикантов, каких немало побывало в конструкторском бюро Гребнева. Он был так же розовощек, и голубые его глаза взирали на мир с тем же оттенком легкого снисхождения. Как и они, он очень уверенно судил обо всем на свете — об искусственном перемещении планет путем сооружения на них особых мощных двигателей, о пробуривании скважин до центра Земли и тому подобных вещах, которые, на его взгляд,

не были осуществлены до сих пор просто потому, что некому было взяться по-настоящему за дело.

Он весьма критически оглядел оборудование бюро — с полсотни чертежных роботов, походивших на фантастических длинношеих птиц с тонкими блестящими клювами, и безапелляционно объявил:

— В сущности, ужаснейший анахронизм.

Гребнев и сам знал, что чертежные роботы — не последнее слово техники. Станки, читающие чертежи и казавшиеся еще недавно чудом техники, ныне выходят из употребления. Гораздо проще дать станку все исходные данные, а он уже сам сообразит, что и как надо изготовить.

Но чертежи бывают пужны в некоторых случаях самому Гребневу. В конце концов он человек, а не машина. Он не может представить себе будущую конструкцию, глядя на крошечную катушку с паутинной нитью. Иногда он должен заглянуть в чертеж, а другой раз и собрать сложный узел на модели.

Но как объяснить это человеку, который знает, кажется, решительно обо всем и все понаслышке?

— Попробуйте спроектировать скрепки для сборки узлов станции, — сказал Гребнев просто.

Задание он выбрал самое легкое.

На другой день Гребнев не успел еще позавтракать, когда его вызвал по блок-универсалу инженер Мищенко с Экспериментального завода.

— Слушайте, — сказал Мищенко, его похожие на кустики крыжовника брови ушли далеко на лоб. — Скажите, сделайте одолжение, чего ради вы заказали сто сорок две тысячи женских головок из пластилина? Вы знаете, я привык ко всяким вашим затеям, но на украшения могли бы пустить и другой материал в конце концов.

Гребнев, в свою очередь, захлопал глазами. Он ничего не понимал.

— Ваш помощник прислал заказ, — Мищенко показал похожую на облатку катушку. — Я передал его станку. И он начал выдавать вот такие штуки.

Гребнев увидел на экране блок-универсала абрис девичьего лица с прямым тонким носом и круглым,

чуть выдающимся подбородком — почти в натуральную величину. Профиль был отштампован из пластика толщиной в палец.

— Сколько вы их нашлапали? — спросил Гребнев.

— Штук пятьсот...

— Остановите станок. А мне пришлите одну.

Когда Гребнев пришел в бюро, женская головка из прочнейшего и легкого пластика лежала у него на столе.

— Откуда эта прелестная вещица? — удивился практикант. — И потом... — он удивился еще больше, — она мне знакома!

Гребнев минуты две молча разглядывал юношу.

— Послушайте, — сказал он наконец. — И слушайте меня внимательно: если вам еще раз взбредет в голову рисовать ваших знакомых на чертежах, постарайтесь делать это по крайней мере на полях! Эта машина, — Гребнев кивнул на робота, стоявшего в углу и изготовлявшего на основе чертежей программы для станков, — не разбирает, что относится к делу, а что нарисовано просто так, для удовольствия. Она запрограммировала все без исключения, а станок, которому передали заказ, стал делать то, что ему приказали. Я думал, вы знаете принцип устройства автоматов!

Практикант ужасно смутился.

— Ну ладно, вы по крайней мере доказали, что чертежи действительно не всегда удобны, — смягчился Гребнев. — В конце концов все мы были молды. — И он дал практиканту новое задание. Тот взялся за него с пылом и выполнил безукоризненно.

Практикант сказал, что его можно звать просто Костя. Итак, он любил рисовать. Другой его чертой, обнаружившейся тоже с первого дня, была нелюбовь, или, точнее сказать, антипатия, к чертежным роботам. Проявлялась она в самых разных формах. На третий или четвертый день, придя утром в бюро, Гребнев обнаружил, к своему удивлению, что один из роботов работает как одержимый. Он хорошо помнил, что все машины выключил накануне перед уходом. У робота был такой вид, словно он и огорчен и изумлен

одновременно. Перед ним стоял на подставке небольшой ящик, соединенный с машиной гибким рукавом.

Походило на то, как если бы чертежная машина всунула хобот в кормушку. Впрочем, это и на самом деле была кормушка, как моментально сообразил Гребнев. Конечно же, сюда практикант сложил подготовленные для робота задания — листки из блокнота. И тот работал всю ночь напролет, изготавливая чертеж за чертежом. Целая кипа их лежала в корзинке сбоку. Листы бумаги уже не умещались в ней и падали на пол. Гребнев подобрал с пола чертежи и стал ожидать, что произойдет дальше.

Практикант появился очень скоро с самым веселым видом.

— Работает? — кинул он взгляд на робота. — Ну и пусть работает.

И он приступил к своим делам.

— Это что, эксперимент? — поинтересовался Гребнев.

— Просто он лучше всех изготавливает фасонные профили. Я и решил: пусть уж над ними работает более квалифицированный чертежник. Что касается остальных... Я бы половину просто выкинул на свалку. Тут есть настоящие тупицы: никакого воображения! Перечерчивают, высунув языки, то, что им задано. Какие-то заскоруждые чиновники.

— Гм, — неопределенно произнес Гребнев. Некоторых из этих «чиновников» сконструировал он сам когда-то. Тогда, десять или восемь лет назад, они не представлялись ему тупицами. Может быть, стареет он, Гребнев?

А Костя стал передвигать роботов, устанавливая наиболее способных так, чтобы они были под рукой, «тупиц» же загоняя в самые дальние углы. Роботы, старательные чертежные роботы, с которыми была связана часть жизни Гребнева, честные работяги, изведшие не одно ведро туши по его заданиям, выглядели сейчас какими-то беззащитными. Те, до которых еще не добрался практикант, стояли с виноватым видом и словно втянули головы в плечи. А жертвы его неумного стремления все перестроить по-своему уны-

ло торчали как неприкаянные в новых местах. Привычный уют бюро был нарушен.

Костя поднял руку даже на тех роботов, которым «даровал» право на существование. Он предложил полдюжины из них подключить к программной машине, которая переводила язык чертежей на язык, понятный станкам.

— Мы выключим их чертежное устройство, — убеждал он. — Результаты своих вычислений они будут передавать не рейсфедеру, а по проводам прямо сюда, — он похлопал по станине программной машины. Кажется, это была единственная машина, которая ему нравилась. — Тоже, конечно, не первый класс. Но поскольку завод дает не серийную продукцию, а работает по одиночным заказам, с этой кустарщиной придется смириться.

Гребнев не стал спорить. В бюро было две программные машины. Одну из них он согласился пожертвовать для Кости. Когда агрегат был смонтирован, практикант уговорил Гребнева разрешить ему самостоятельно спроектировать целый узел — обзорную башню. И он с азартом взялся за дело: скоро катушка с записью лежала на столе Гребнева.

Но Гребнев не мог проверить работу практиканта, глядя на паутинную нить с невидимыми формулами, поэтому он попросил Мищенко изготовить детали в уменьшенном виде — для контрольной сборки. На другой день два ящика деталей поступили в бюро.

Известно, что родители пристрастны к своим детям, но Костя не скрывал отвращения, глядя на безобразное сооружение, которое выросло на столе перед ним. Башня походила на кривой гриб, у которого сползла шляпка. В разных местах от гриба отходили какие-то нелепые наросты.

— Что это? — в ужасе воскликнул он. — Разве я этого хотел? Эти безобразные линии! И она еще нагнулась, словно собирается боднуть кого-то...

— Вы забыли дать роботам одно важное условие — форму будущего сооружения. Конструктор обязан знать, что должен делать сам, а что можно поручить машине.

Гребнев разъяснил юноше, что роботы, находящиеся в его бюро, лишены чувства красоты. Им дали условия — машины нашли наиболее рациональное решение. Им сообщили, что на Венере господствующие ветры в широтном направлении, — они нагнули башню навстречу ветру. Им объяснили, что желательно иметь улучшенный обзор к югу. Они не нашли ничего лучшего, как приделать к башне этот безобразный нарост. Законы сопротивления материалов соблюдены. Упрекать роботов не за что.

— Значит, вся затея впустую? — Костя кивнул на агрегат.

— Почему же? Ведь есть случаи, когда форма не играет существенной роли. Вот такую работу мы и будем отдавать ему. И чертежи действительно не всегда нужны, — добавил Гребнев. — Надо только заказать настоящую машину. Вместо этого вавилонского столпотворения.

Агрегат, слепленный Костей, и на самом деле выглядел технически нелепо: чертежные роботы, собравшись в тесную кучку, толпились вокруг машины-переводчика, протягивая к ней металлические руки. Все вместе напоминало заговорщиков из старинного романа.

— Можно даже научить машину и законам формы, — заметил Гребнев. — Геометрии, золотым сечениям...

— А что же делать сейчас? — спросил Костя.

— Взять рейсфедер, — усмехнулся Гребнев, — и тушь.

И Костя покорно склонился над бумагой, рисуя «старомодные загогулины» и «ником не нужные линии», над которыми так издевался.

Но, видимо, машины решили в отместку поиздеваться над Костей.

Когда Гребнев через час подошел к своему помощнику, тот сидел с выражением крайнего отчаяния на лице, а стол перед ним был завален набросками башни — один красивее другого.

— Что ж, — заметил Гребнев, взяв в руки один из рисунков, — очень мило! Знаете, вы — художник.

И вам нет смысла уступать право на выдумку машине. Другое дело я. Я умею только чертить.

— Но посмотрите, что делают с моими рисунками машины! — простонал Костя. Он ткнул рукой на чертежи, сфабрикованные роботами. Гребнев взглянул и невольно улыбнулся: рядом с рисунками Кости лежали аккуратно вычерченные карикатуры на них. Линии теряли плавную форму, башни превращались в уродцев, по сравнению с которыми первый «гриб» выглядел просто красавцем. — А когда я настаиваю на своих линиях, — продолжал жаловаться Костя, — они вычерчивают такие сложные конструкции, что вся работа теряет смысл. Посмотрите, сколько дополнительных креплений добавили они к этой модели. А ведь хороша? — Костя вытащил рисунок, похожий на увеличенное яйцо, поставленное вертикально.

— У вас, — сказал Гребнев, — рука художника работает отдельно от мысли конструктора. Дайте-ка я... — Он сел за Костин стол, минут пять подумал и быстро набросал силуэт башни.

— Ну как?

— Ничего... — Костя критически оглядел набросок. — Вы знаете, мне даже нравится. Но как отнесутся к этому чертежные роботы?

— А вы отдайте им!

Машина, к явному удивлению Кости, вычертила нечто очень близкое к рисунку Гребнева. Тот еще подумал, кое-что изменил и опять отдал машине. Теперь работа Гребнева и машины совпала.

— Я никогда не буду конструктором, — огорчился Костя. — Удивительно, как вы скоро справились с делом!

Гребнев рассмеялся.

— Я пользовался вашими готовыми рисунками. Иначе я провозился бы неделю. Знаете, мне иногда кажется, что мы с вами вдвоем составляем одного идеального конструктора. Так что не отчаивайтесь вы, половинка!

Вскоре Гребнев сделал еще одно открытие: его новый практикант собирался написать большую настоящую картину. Он хотел изобразить молодежь Ве-

ликой Эпохи, неповторимого периода в истории человечества, когда закладывались первые камни коммунизма.

— Понимаете: все должно быть просто. Героические люди — это люди, которые просто делают великое дело.

Костя добавил, что ему недостает одного важного условия. Однако не художественного мастерства, как думал Гребнев, — по-видимому, Костя в своих способностях не сомневался, — а, как выяснилось, совсем другого.

— Участия в каком-нибудь большом деле, — сказал Костя.

«Удивительно это стремление молодежи к великим делам, — подумал Гребнев. — Кто же, спрашивается, будет заниматься делами повседневными, которых еще немало на нашей планете?»

— Ну, великого дела я вам обещать не могу, — сказал он. — Но станция для Венеры, вся, с потрохами, должна стоять на полигоне ровно через два с половиной месяца. Какой-никакой, пусть прозаический, но все-таки труд!

Костя разочарованно махнул рукой.

Постепенно бюро изменяло свой облик. Пяток новых, изящных и быстродействующих машин, работающих без чертежей, заменил штук сорок роботов, корпевших над листами ватмана. В помещении стало свободнее.

На долю Гребнева и Кости осталась теперь почти чисто творческая деятельность. Работа стала более напряженной: отпали паузы, передышки, невольные секунды отдыха, когда мозг занят машинальным ходом мысли или привычными умозаключениями. Зато проектирование быстро продвинулось вперед. Они работали только по три-четыре часа по утрам, на свежую голову — и все же станция была готова за две недели до срока.

Последние дни, как заметил Гребнев, практикант был поглощен еще чем-то, кроме работы в бюро. Иногда он в полном самозабвении чертил, именно чертил совершенно фантастические конструкции, которые при

проверке их машинами оказывались никуда не годными. Тогда Костя отбрасывал чертежи в сторону, морщился и накидывался на текущую работу, как бы стараясь наверстать упущенное время.

Иногда он, отложив в сторону чертежи, рисовал что-то, а потом вздыхал и снова принимался за работу. Чаще всего на рисунках была девушка, уже знакомая Гребневу, та самая, что вызвала в свое время такое возмущение у Мищенко. Гребневу показалось, что в лице ее по сравнению с первым профилем из пластилита происходят какие-то изменения. Взгляд стал как будто серьезнее. На некоторых рисунках девушка словно впервые задумалась над чем-то. Гребнев, естественно, ни о чем не спрашивал Костю: мало ли какие вопросы волнуют современных юношей и девушек.

Однажды Костя пришел веселый, брызжащий бодростью, как ионный душ. Он шутил и смеялся целый день и наработал такую уйму дел, что удивил даже Гребнева, выдавшего виды, и не совершил ни одного самомалейшего промаха. Все, что выходило из его рук, машины принимали с полным одобрением, словно и им нравилось иметь дело с таким веселым конструктором. С таким подъемом практикант проработал три дня. Потом он ходил увядший и растерянный, упавший духом и работал механически. Прошло несколько дней, и он пришел тихий, серьезный, словно повзрослевший. Работал не менее производительно, чем в дни подъема, но молча, с каким-то внутренним упорством, точно стиснув зубы. И опять все, что он делал, было безукоризненным с чисто профессиональной стороны.

«Кажется, из малого будет толк», — подумал Гребнев.

2

Краны, двигавшиеся по ровному бетонированному полю, держали в своих руках странные предметы, похожие то на перевернутые зонтики, то на ежей, иглы которых покрыты блестящей обмоткой.

Из толстой трубы, соединенной со сверкающим резервуаром на краю полигона, расходились веером трубы потоньше.

«Автошпаргалка» — так в просторечии именовался этот умный механизм — ячеистый шар, напоминающий увеличенный глаз пчелы, с рожками антенн, на высокой подставке, — следила за тем, чтобы все делалось как надо. Прибор отдавал распоряжения кранам с магнитами и автоматическим вентилям и выслушивал их короткие рапорты.

Люди — их было всего трое: Гребнев, Мищенко и Костя — ждали, когда будет закончена черновая подготовительная работа: Гребнев и Мищенко спокойно, Костя с нетерпением.

Наконец автомат доложил: «Все готово».

Мищенко поднес к губам микрофон.

— Приготовиться, — скомандовал он.

И хотя Мищенко отлично знал, с чего должно начинаться, «автошпаргалка» тут же прокомментировала: «Выдвигается центральный блок».

Из отростка трубы в середине поля стала выдвигаться капля размером с двухэтажный дом. Сначала она была круглой, как футбольный мяч. Через несколько минут, расширившись, осела и походила теперь на исполинскую тыкву. Краны подошли к ней со всех сторон, нацелились своими зонтиками и ежами, затем начали отступать. Масса, выдутая в огромный полупрозрачный пузырь, потянулась за ними. Словно растягиваемая невидимыми руками, она разлезалась во все стороны, не касаясь кранов.

Наконец пузырь приобрел очертания низкого здания округлой формы с куполообразной крышей и несколькими отростками по бокам. Дом-пузырь висел в воздухе. Механические ножницы отрезали его от трубы, та уползла на своих коротких ножках, и здание легло на землю.

— Ну, что же, идет как надо, — сказал Мищенко. — Пустим все разом?

Гребнев кивнул.

Мищенко отдал распоряжение.

И тут Костя увидел необычную картину. В разных концах поля из отверстий труб стали выдвигаться пузыри, они росли словно грибы-дождевики при ускоренной киносъемке. Одни походили формой на огурец, другие своими очертаниями напоминали звезду с тупыми лучами, третьи — просто отрезок толстой колбасы. Из трубы рядом с первым выдутым зданием полез вверх полупрозрачный конус, он все вытягивался и вытягивался, наливался в боках, пока не превратился в башню — точное подобие рисунка, сделанного когда-то Костей и исправленного Гребневым.

— На Венере придется выдвигать их по очереди, — сказал Мищенко. — Кранов не хватит на такую феерию.

— А магнитные поля?

— Перенастройка занимает от одного до двух часов. Излучатели отправим универсальные.

Костя слушал и все понимал. Пластит, свежесделанный, с добавками, сообщающими ему магнитность, принимал форму в соответствии с рисунком силовых линий, который создавали магнитные излучатели, укрепленные на кранах. Но это рассудочное представление заслонялось картиной волшебного сотворения из ничего целого научного городка в течение каких-нибудь тридцати минут. Хотя он и знал, что в подготовку этого мига вложены многие месяцы упорного труда, создаваемый мир не делался от этого менее прекрасным.

На ровных шашках бетона, голубея под прозрачным небом, раскинулось около десятка зданий жемчужного цвета, плавной обтекаемой формы. Почти прозрачные стены и куполообразные крыши делали ненужными окна. Рассеянный свет Венеры беспрепятственно проникнет внутрь и создаст ровное освещение в залах и лабораториях.

— Подумать только, — не мог удержаться Костя. — Из двух резервуаров вылез целый городок, как дух из бутылки.

— В этом-то и вся соль проекта, — заметил Мищенко. Он посмотрел на Костю. — Вы разве не знали?

Костя знал. Но он просто не представлял себе, как это будет происходить в жизни. Гребнев прав. Человек должен видеть свои создания собственными глазами.

Такие здания в «сложенном» виде — попросту говоря полужидкий пластилит — легко забрасывать на Венеру. Полдюжины кранов с заранее запрограммированной последовательностью автоматических действий выдуют их в точности такими, какими они стоят сейчас на полигоне. Гребнев неплохо придумал.

Однако для полной и окончательной проверки еще предстояло установить внутренние перегородки и межэтажные перекрытия, начинить здания эскалаторами, самозакрывающимися дверями и всем прочим и соединить их друг с другом. Вместе они должны образовать водонепроницаемую «черепаху», которая ляжет на болотистый грунт Венеры.

К делу приступили автосборщики. Членистоногие, похожие на пауков, они хватали своими металлическими руками с подъезжавших тележек стандартные детали, изготовленные на Экспериментальном заводе под наблюдением Мищенко, и устанавливали их на место. Одни части приклеивались прямо наглухо и навсегда, другие присоединялись временно с помощью скрепок. После изучения городка на полигоне составляющие его здания будут испытываться на прочность порознь. Поэтому пока их тоже соединили друг с другом скрепками, спроектированными Костей в первый день его работы в конструкторском бюро Гребнева. Последними поставили на место тамбуры.

Костя посмотрел на часы. Прошло восемь часов с начала работ, а станция, сколотая скрепками, как новое платье на булавках, почти полностью готова. Конечно, на Венере все пойдет гораздо медленнее: придется разгружать ракеты, приводить пластилит в рабочее состояние и выдуть здания последовательно одно за другим. Но все же...

Здания с ровно раздутыми боками заняли почти все поле. Через сутки пластилит окончательно затвердеет, и его можно испытывать. Впрочем, он сохранит

известную гибкость и упругость — в этом, помимо сверхпрочности, особая его сила.

Интересно, какой проект утвердят? Плановое бюро отобрало три лучшие идеи из полсотни предложенных и решило изготовить в натуре три станции, чтобы всесторонне их испытать. Как всегда в тех случаях, когда ставился эксперимент и речь шла о благополучии и жизненных потребностях людей, Плановое бюро не скупилось на затраты.

После всех испытаний одна конструкция будет принята для воссоздания на Венере, а две остальные займут место в Музее Неосуществленных Проектов. Они будут изучаться там молодыми инженерами и архитекторами, экскурсантами и туристами...

Гребнев, глядя на станцию, тоже думал о том, какая судьба уготовлена его детищу. Он разбирал плюсы и минусы каждого из столь не похожих друг на друга вариантов. Вариант № 2 гениально прост. Взял куб, геометрически абсолютно строгий, — вот и вся станция. Преимущества: все компактно, собранно, недалеко одно от другого. Связь между этажами — лифтами, в коридорах — бегущие дорожки: найти любого человека можно через минуту. И еще одно удобство: куб просто делится на стандартные по размерам секции. Значит, можно использовать для заброски на Венеру одинаковые же серийные грузовые ракеты.

Вариант № 3, прозванный «Свайной постройкой», — огромное кольцо, как бы висящее в воздухе. Оно опирается на бесчисленное множество свай, которые предстоит вогнать в грунт Венеры. Достоинства «Свайной постройки»: станция, ее рабочие и жилые помещения надежно изолированы от заболоченной почвы планеты. Кольцевая форма и широкие коридоры позволяют осуществить бесконечное движение дорожек разной скорости. Можно мчаться быстро в дальний конец кольца по средней экспрессной дорожке, а можно передвигаться медленно по боковым. Пешая ходьба в коридорах совершенно исключалась.

Отличие станции, сконструированной Гребневым, заключалось в том, что все ее помещения имели фор-

му и размеры, наиболее благоприятные для целей, для которых они предназначались. Форма сооружений здесь не диктовала условий для внутренней планировки, как это было в других проектах. Недостатком следовало признать разбросанность станции. Гребнев полагал, что небоскребы на Венере не нужны, и спроектировал здания невысокими, кроме обзорной башни.

Костя, по-видимому, не сомневался, что отобран будет именно их проект. Но Гребнев в этом вовсе не был уверен. Сейчас он вдруг начал обнаруживать в своем проекте все новые и новые недостатки.

Завтра! Завтра начнется испытание...

3

Как все произошло? Гребнев, конечно, знал, так же как и Мищенко, что в шестидесяти километрах от полигона проходит ураган. В этом не было ничего неожиданного и опасного. Ураган шел в точности по маршруту, который заранее выводила на карте синоптическая машина. Временами казалось, будто не машина следила за ураганом и вычерчивала его путь, а он шел покорно по линии, начерченной машиной, — так, словно в парном танце, совпадали до мелочей их шаги. А потом что-то произошло! Мало вероятно, чтобы ошиблась машина. Скорее всего в игру вступили факторы, которых машина не знала и не могла учесть, — произошел тот случай, один на миллион, когда природа словно напоминает, что человек еще не всемогущ.

Поскольку ось движения урагана проходила вдалеке от полигона, Гребнев без всяких раздумий вошел внутрь только что собранной станции. Он знал, как точна современная синоптика, построенная на твердых математических расчетах, и вовсе выкинул из головы этот ураган. Не думаем же мы, как бы не попасть под поезд, находясь в нескольких километрах от железной дороги.

Мищенко и Костя остались снаружи. Сквозь про-

зрачные стены переходных коридоров Гребнев видел, как они спокойно о чем-то разговаривали. Потом, когда Гребнев удалился метров на сто, он увидел, что они засуетились и стали размахивать руками. Пластиковые стены станции не пропускали радиоволн, поэтому блок-универсал Гребнева не принимал сигналов от Мищенко и Кости. А расстояние было слишком большим, чтобы можно было разобрать значение жестов.

Но ощущение тревоги дошло до Гребнева. Ему оставалось одно из двух: проникнуть в обзорную башню и подключиться к антенне, напаянной на ее корпус, чтобы узнать, в чем дело, или же поскорее выбраться наружу. Он не успел сделать ни того, ни другого.

Крайнее здание вдруг запрыгало на месте. Станцию не закрепили наглухо, так как считали, что в этом нет необходимости. Ее просто привязали к кольцам, ввернутым в бетон площадки.

Потом начали лопаться швартовы в разных местах. Взглянув туда, где были Костя и Мищенко, Гребнев не увидел их. По земле катились клубы пыли, стволы деревьев, какие-то извивающиеся в воздухе листы. На миг Гребневу показалось, что он различает знакомую фигурку практиканта. Костя, если это был он, упал, сбитый ветром, тут же встал, снова упал и покатился как лист, сорванный с дерева. Затем все вокруг поглотила такая мгла, что Гребнев стал протирать глаза, точно в них попала пыль. Сильный толчок подбросил его, он упал на спину. В следующий момент конструктор почувствовал, что поднимается в воздух.

Однажды на пляже Гребнев видел, как сильным порывом ветра унесло рубашку: она летела, болтая рукавами. Сейчас соединительный коридор, в котором он очутился, напоминал гигантский рукав, он сгибался во время полета. Ощущение было такое неприятное, что Гребнев поспешил перейти в более надежный, менее колышущийся отсек. Хватаясь за какие-то кольца, вклеенные в стены (сейчас Гребнев не мог даже припомнить, для чего они должны были

служить), он стал пробираться к двери. Опустив глаза вниз, он различил сквозь прозрачный пол мутные клубы, вспухающие пузырями, — казалось, он заглянул в гигантский кипящий котел.

За дверью прямо вверх поднималась лестница. Гребнев стал на нижнюю ступеньку, но она не сдвинулась с места. Ну да, ведь эскалаторы еще не работали. Он стал подниматься, хватаясь за поручни.

С верхней площадки лестницы открывался вход в круглый зал. Его прозрачные стены под действием урагана гнулись, то вминаясь, то выпрямляясь; временами по ним пробегала дрожь. В тот момент, когда Гребнев вступил в пустой зал, сооружение сильно накренилось, Гребнев успел схватиться за стойку для оборудования у стены, иначе он полетел бы к противоположному концу зала.

По ту сторону стен, в пыльной мгле, проносились полупрозрачные здания округлых форм с крышами-куполами, напоминая гигантскую связку воздушных шаров, пущенных по ветру. Какой-то рукав мотался как иступленный, и Гребнев до боли ощутил напряжение, которое испытывали скрепки: когда-нибудь начнут же они вываливаться!

Заметив, наконец, какую-то дверь, он шмыгнул в нее и очутился во внутреннем коридоре. Здесь стены не просвечивали и обстановка казалась безопаснее. Возникавшие крены напоминали качку корабля в бурю — ощущение вполне земное.

Он решил осуществить то, что собирался сделать перед тем, как налетел ураган, — проникнуть в обзорную башню. Там он, возможно, сумеет подключиться к наружной антенне.

В беспорядочных рывках, которыми обрушивался ураган на детище Гребнева, видимо, была какая-то закономерность. Преимущественно бортовая качка сменилась на килевую, то есть направленную вдоль коридора. Держаться на ногах стало почти невозможно. Гребнев решил, что лучше всего передвигаться по способу далеких предков человека. Но он никак не мог сообразить, что это за отсек, в котором он сейчас очутился. Он открывал все оказывающиеся на пути

двери: за ними были пустые помещения. Подползти к последней, дальней двери, замыкавшей коридор, удалось не сразу. Раза два Гребнева сильными толчками отбрасывало назад с такой легкостью, с какой ребенок, балуясь, сбивает букашку с травинки. Зато третий толчок подбросил его прямо к двери, он едва не стукнулся об нее головой. Он открыл дверь, протянул руки, нащупывая пол, и в ужасе отпрянул назад.

Руки ничего не встретили. За дверью зияла пустота, провал, колодец, темный, казавшийся бездонным. Дрожь и внезапная слабость охватили Гребнева, когда он сообразил, что следующий толчок сбросит его в пустую шахту подъемника. Тело его ослабло, но следующий толчок, который не замедлил произойти, отшвырнул его от двери, словно мешок с песком.

4

Горлиц откачнулся на спинку стола. На лице его отразилось смятение.

— Она разорвалась... — произнес он сдавленно.

Ян быстро подвинулся к экрану. По нему проносились бледные полосы, клубы и завитки, словно космическая туманность в стадии образования. Вверху мельтешила темная тень, округлая, похожая на рыбу в мутной воде. Другая тень протянулась чуть не через весь экран вниз. Она извивалась, словно пиявка в аквариуме.

— Вы думаете: конец? — спросил он.

— Скорее всего начало конца... Главное — мы ничего не можем предпринять. Ураган треплет и треплет свою добычу, не выпуская из зубов, как бульдог. Расстреливать его надо было раньше...

Оба одновременно подумали о главном.

— Знать бы, жив ли Гребнев?

— И где находится? В какой из двух половин.

— Еще бы лучше — в каком отсеке, — сказал Горлиц. — Без этого мы не можем даже применить ракеты!

Они прикинули к экрану. «Пиявка» внизу сжималась или поворачивалась: она стала короче. Серые клубы временами закрывали ее совсем.

— Да, в этот котел вихрелеты едва ли проникнут!

— Шестнадцать уже разбились! А наводил их лучший из наших пилотов. Пытались взять на буксир то, что можно, и то, что находится еще в воздухе. Смотрите!

«Пиявка» вдруг вытянулась, от нее оторвался кусок и исчез за кромкой экрана.

— Она рассыпается... — произнес Ян хрипло. Кажалось, его душат. Он рванул ворот.

— Гребнев!.. — крикнул Горлиц, словно тот мог слышать.

5

Отброшенный от колодца-ловушки, Гребнев по-лежал с минуту, не больше, потом пополз назад, из тупика. Он выбрался снова в круглый зал и скользнул в соседний выход. Длинный узкий коридор. Тут было гораздо светлее, а боковые толчки легче парировать, протянув руки в стороны.

Зато сюда выходило множество дверей... О эти двери, стандартные двери, не распахивающиеся, не занимающие лишнего места, убирающиеся вверх или в стороны с быстротой, с которой срабатывает затвор фотоаппарата, блестящая выдумка Гребнева! Сейчас они превратились для него в настоящий кошмар. Каждую дверь он, открывал, словно тащил билет в лотерею: что там?

Вдруг Гребневу показалось, что во внешнем мире словно бы посветлело. Значит, станция или, во всяком случае, та ее часть, где он находится, выходит из зоны урагана? Что теперь будет удерживать ее от падения? С одной стороны, спасенье, а с другой...

...Гребнев бежит по коридорам, похожим на корабельные, с множеством выходящих в них дверей, инстинктом и чутьем находя направление. Все-таки он

проектировал это сооружение, хотя и не видел своими глазами всех чертежей. Он находился, по его расчетам, уже где-то поблизости от башни, когда здание, внутри которого он находился, не то чихнуло, не то икнуло. Гребневу показалось, что им выстрелили. Он врезался плечом в какой-то угол и, ошеломленный, упал. Губы его раскрылись, он издал короткий стон.

Тотчас же у самого уха раздался ответный стон. Он подумал, что у него начались галлюцинации. Стон повторился. Затем все стихло. Гребнев успел только сообразить, что звук слышится из-за стены совсем рядом.

Где же дверь? Он прошел ее. Гребнев кое-как встал на ноги и сделал шага три назад. Дверь. За ней комната, в комнате... Костя!

Гребнев стоит как оглушенный громом. На минуту ему показалось, что он сходит с ума. Но Костя живой, хотя нельзя сказать, что невредимый, лежит, подогнув левую ногу и протянув руку с распростертыми пальцами. Он в обмороке.

Гребнев бросился к юноше. Глаза Кости на миг ожили, он пытался пошевелиться и мучительно застонал.

«Нога», — догадался Гребнев. Нога лежала как-то неестественно.

Мысли быстро сменяют одна другую в сознании Гребнева. Оставить Костю здесь? Его будет валять по полу при каждом толчке. Отказаться от намерения проникнуть в башню? Это может означать гибель для обоих. Надо дать о себе знать. Тогда их легче будет спасти.

Гребнев размышляет всего несколько секунд. Затем наклоняется над распростертым на полу телом, берет его на руки. В коридоре относительно спокойно, и Гребнев стремится использовать передышку. Он бежит, мелко перебирая ногами и стараясь держать Костю так, чтобы больная или, возможно, сломанная нога не болталась.

Костя тяжел. Гребневу кажется, что вес его с каждым шагом увеличивается. Гребнев содрогнулся от

мысли, что у него не хватит сил дотащить раненого товарища. Он решительно ринулся в очередную дверь и тотчас же остановился. Они очутились в обзорной башне.

Высоко вверх уходил купол, похожий на сильно вытянутое яйцо с острым концом. Поперек «яйца» проходил балкончик, на котором они и находились.

Теперь Костю можно было, наконец, положить на пол. На миг глаза его открылись, в них промелькнуло удивление и еще что-то, губы усиленно зашевелились, но он тут же снова впал в забытие.

Теперь следовало найти конец антенны, впаянной в корпус башни. Как раз вдоль балкона располагались вводы кабеля. Гребнев бросился к ближайшей розетке и подключил свой блок-универсал.

Руки его тряслись. Вдруг блок откажет! Едва была нажата кнопка «прием», как послышался тревожный голос:

— Гребнев!.. Вы слышите? Гребнев! Вы слышите?

— Слышу, — ответил Гребнев, и он так много, видимо, вложил в это короткое слово, что голос сразу замолк.

— Гребнев! — через секунду закричал вызывавший. — Где вы находитесь? В башне? Или где-нибудь образовалось отверстие и вы им воспользовались?

— В башне! На уровне третьего этажа. На балконе.

— Уфф!.. — радиоволны донесли радостный вздох оттуда, из внешнего мира. Вероятно, говоривший утирал лоб.

— Считайте, что вам повезло. Мищенко подобрали едва живого. Ваш практикант, этот юноша, пропал! Его видели с Мищенко за минуту до того, как все началось, — собеседник Гребнева говорил торопливо, спеша сообщить все, что считал нужным сказать.

— Он здесь, — произнес Гребнев ослабевшим вдруг голосом. — Со мной.

Он навалился на стену башни — и не потому, что

крен был силен: Гребнев почувствовал, что не может стоять на ногах. Все стало вращаться вокруг. Гребнев закрыл глаза. Но вращение продолжалось.

— Держись! — крикнули ему. Видимо, там, откуда с ним разговаривали, почувствовали, что он падает в обморок, хотя Гребнев забыл включить экран, — следовательно, его не могли видеть. — Мы выхватим вас, как только чуть стихнет. Вихрелеты не могут войти в зону.

— Скрепки... — сказал или подумал Гребнев.

Толчок отбросил его, шнур выскочил из розетки, голос из внешнего мира оборвался.

5

— Башня отрывается... — Горлиц тронул рукоятку, и Ян увидел то, что первым заметил его товарищ. Нижняя половина станции давно исчезла с экрана. Сейчас перед глазами обоих проплывала, как диковинная рыба в аквариуме, верхняя часть. В нее входили центральное здание, башня и какие-то ответвления, напоминающие шлейф. Миг — и она повернулась к ним головой-башней, похожей на вертикально поставленное яйцо. Горлиц прибавил увеличение, и башня, сильно вытянутая, теперь напоминала палец, она заняла весь экран. Палец качался. В том месте, где башня соединялась с остальной конструкцией, зияло отверстие. Оно росло, словно невидимая сила разрывала перчатку.

— Как раз, когда Гребнев откликнулся! — Горлиц был вне себя.

— Подводным лодкам — внимание! — скомандовал Ян в микрофон. — Он падает.

«Палец» на экране оторвался совсем и, описывая спираль, быстро двигался к нижней кромке.

— Ведите вниз, — сказал Ян.

На экране все поползло вверх. Стало темнее, прибавилось пыли. Потом в клубах тумана показались кипящие волны. Белая пена просвечивала даже в полумраке.

— Все, что мы можем сделать, — сказал Ян, как бы оправдываясь, — подлодки идут с ураганом, они держатся его оси. Включите воду!

Горлиц протянул руку. Экран на мгновение погас и тут же вспыхнул. Вихри, клубы — все исчезло. Теперь это и правда был аквариум. Гигантский аквариум, именуемый океаном. Спокойная глубина, равнодушная ко всем волнениям там, на поверхности. Ровный зеленоватый фон, слабо светящийся. Но вот выдвинулось что-то длинное и остроносое. Вдали показалась такая же, только уменьшенная и не столь ясная тень. Еще дальше, в глубине, угадывалась третья.

— Сколько их? — спросил Ян.

— Двенадцать.

Горлиц сманипулировал рукояткой, и на экране вдруг возникло много туманных теней. Как стая рыб, медленная и молчаливая.

— Идут строем!

— Не похоже, чтобы сверху что-нибудь падало.

— Пластилит не тонет.

— Может быть, они удержатся на нем?

— А для этого плавучесть пластилита недостаточна. Если бы башня не оторвалась у основания, конечно, она плыла бы как пузырь. Но сейчас ее заливают водой. Хорошо, если люди сумеют выбраться... Вот что-то или кто-то!

Горлиц прибавил резкости. Предмет походил на длинную соринку. Он не делал никаких самостоятельных движений. Выше появилась еще соринка. Она медленно опускалась в вертикальном положении. В стае «рыб» произошло изменение: там, видимо, заметили странные предметы. Две тени метнулись к соринкам и поглотили их, словно склевали.

— Мы выбрали их, — раздался громкий голос через минуту. — Но оба в отчаянном положении.

— Выходите из зоны урагана, — распорядился Ян, — и немедленно всплывайте. Воздушную помощь высылаем.

Горлиц передавал координаты вихрелетам.

— Ну вот, — сказал спокойно руководитель местной Службы здоровья, — вам разрешается первое свидание.

Сидевший в кресле увидел перед собой полверанды, часть балюстрады и дерево, усыпанное яркими розовыми цветами. Сбоку за пределами видимости слышался шум прибоя. Он хотел повернуть туда голову, но кресло, словно понимая, что это ему трудно, само повернулось в ту сторону и подкатилось на своих бесшумных колесах к самому краю, обращенному к морю. Волны шли и шли из-за горизонта и накатывались, шурша галькой: брызги долетали до каменного пола.

— А диета? — спросил Гребнев и не узнал своего голоса. Он был забинтован так, что из-под белой марли выглядывали одни глаза. — Я имею в виду диету впечатлений. Можно мне, наконец, узнать, что делается на белом свете? — закончил он уже почти твердым голосом.

— Постепенно, — улыбнулся врач. Его улыбка относилась к тону голоса Гребнева. Он неслышно удалился.

Минут пять Гребнев пробыл наедине с морем. Потом ему почудилось, что позади кто-то есть. Он не успел ничего подумать, как рядом с его креслом очутилось второе. В нем сидел укрытый пледом, с вытянутой неподвижной ногой Костя. На лице его Гребнев различил множество небольших пятен — следов синяков и кровоподтеков. Но голубые глаза Кости сияли, и Гребневу показалось, что и розовость, хотя и ослабленная, вернулась снова к его щекам.

— Я давно просился к вам, — сообщил Костя.

После этого оба вдруг замолкли. Слишком много они могли сказать друг другу. Говорить не имело смысла.

Гребнев вспомнил, что служба здоровья разрешила им лишь несколько минут разговора.

— Как нога? — спросил Гребнев.

— Будет работать, — отмахнулся Костя. — Через полгода.

Он сказал это с таким видом, словно какое-то более важное событие заслонило другие заботы.

Гребнев, наконец, догадался:

— А как ваша... знакомая? Та девушка?

Костя ничуть не сконфузился; наоборот, он весь расцвел.

— По-моему, получилось, — сказал он. Он протянул руку к карману сбоку кресла, достал прямоугольный кусок картона и протянул Гребневу.

Гребнев взял прямоугольник в руки. С картона на него смотрел человек, в котором смутно проглядывали какие-то черты Кости. Тоже юноша, но чуть повзрослее, в смятой рубашке с засученными рукавами, он стоял, чуть наклонившись, и протягивал Гребневу сильные и довольно грязные руки. В них сверкал, именно сверкал, кусок мыла, скользкий, давший уже несколько пузырей, блещущих на солнце. Девушка с кувшином в руке, облупленным в одном месте и помятым в другом, оживленно что-то рассказывала, глядя в лицо юноше. Ее лицо было повернуто в профиль, и Гребнев узнал ее. Струя воды лилась в руки и мимо рук юноши, разлетаясь светлыми брызгами. Поодаль стояла палатка, а прямо от ног юноши и девушки тянулась до горизонта и, чувствовалось, дальше за горизонт ровная свежая просека с не убранными еще кое-где, спиленными под корень деревьями. И больше ничего. Только толстые вмятины от трактора, следы на земле, в один из них налилась вода и отражала голубое небо с облаками.

Костя смотрел вопросительно.

— Ну как? — тревожно спросил он. От сияния его не осталось и следа. Он стал неуверенным, сомневающимся, готовым упасть духом, как в те дни, что предшествовали окончанию работы над проектом станции. Гребнев готов был выругать себя. Ну как же он не догадался — ведь его практикант в ту пору мучился над своей картиной, страдал от неудач, а он-то думал... Впрочем, Гребнев решил не спешить

с выводами. В конце концов, может быть, он был все-таки прав.

Он рассматривал картину. Прибой шумел у их ног.

— А почему вы бросились внутрь станции? — спросил вдруг Гребнев. — Что вас заставило сделать это?

Щеки Кости порозовели и приобрели обычный свой цвет.

— Скрепки... — сказал он смущенно. С минуту он боролся с чем-то, но потом прямо взглянул в глаза Гребневу. — Скрепки, те, что пошли на башню, были из пластилита «300», как вы сказали. Ну я заменил его потом на марку «600». Марка «300» слишком жесткая. Вы понимаете, — мучился Костя, он говорил торопливо, — мы привыкли, что то, чем мы скрепляем, должно быть тверже скрепляемого. Например, булавки, которыми мы скалываем бумаги. Вы называли марку «300», даже не задумываясь. Но я потом подумал, раз скрепки останутся навсегда в теле станции, даже после того, как проклят все швы, значит они должны быть такими же, как и весь материал, а не посторонними включениями. И я заменил марку пластилита. А когда начался этот ураган, я прежде всего подумал о башне. Туда пошли скрепки старой марки. Мне стало ясно, что они вырвутся из гнезд или начнут ломаться раньше других. Вы были неподалеку от башни и, конечно, должны были попытаться проникнуть туда. И я бросился наперехват... Я не сказал вам раньше об этих скрепках, — Костя умоляюще посмотрел на Гребнева, — потому что не придавал этому большого значения... Если б не ураган...

— Гм... — Гребнев выглядел несколько озадаченным. — Так вот почему башня так легко оторвалась...

Он перевел взгляд с Кости на картину, которую продолжал держать в руках. Но сейчас он смотрел только на юношу. Ему бросилось в глаза то, чего он не замечал раньше. В беззаботном лице юноши чувствовалась какая-то суровинка, словно тот пережил что-то серьезное и настоящее. Еще бы! Можно считать чудом, что они выпутались живыми из этой исто-

рии. Действительно, нога, что заживет через полгода, — сущий пустяк. Костя совершенно прав. То, что досталось на их долю там, в вышине, в отсеках рассыпающегося здания, заставляет все бледнеть.

Гребнев снова взглянул на Костю.

— Ну как? — спросил тот.

Да, ведь он не ответил на вопрос.

— Видите ли, — сказал Гребнев, — я думаю, не ошибусь, если скажу, что вы самый толковый из моих практикантов. Теперь я уже спокойно могу сказать вам, что вы прежде всего художник, а потом конструктор.

— А эскиз?

— Вещь хорошая, но... — Гребнев пальцем освободил от повязки рот, чтобы удобнее излагать замечания. Но тут снова появился представитель службы здоровья.

— Уже? — спохватился Костя. — Ну, до завтра...

— Сегодняшняя порция впечатлений исчерпана? — осведомился Гребнев.

— Завтра, — сообщил врач, — будут рассматриваться проекты научной станции для Венеры. Вам разрешено присутствовать, заочно разумеется.

— Ураган уже вынес свой приговор, — спокойно сказал Гребнев. — Посмотрим, что скажут теперь люди.

«В конце концов, — подумал он про себя, — я не могу заставлять подвергаться опасности, которую чудом перенес сам, людей, которые будут работать на Венере. В этом отношении урагану надо сказать спасибо: он разыгрался вовремя!»

8

— Ураган оказался как нельзя кстати, — сказал Коробов. Гребнев видел на экране высокую спокойную фигуру начальника научной станции на Венере, крупные черты лица, доброжелательный взгляд голубых глаз с легкой усмешкой в глубине зрачка. — Ураган создал условия, близкие к тем, что случают-

ся на Венере, если не считать, что там такие штуки в несколько раз сильнее. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Потери только материальные, но они оправдали себя: ураган осуществил эксперимент, который без него трудно было бы воспроизвести. Если рассматривать его именно в этом плане, то трудно придумать лучший вариант урагана, который бы годился для этой цели.

Коробов обвел аудиторию внимательным взглядом и продолжал:

— Во-первых, ураган напал внезапно. Так, вероятно, и будет на Венере, где нет синоптической службы. Он нацелился на все станции, стоявшие на полигонах, словно это были кегли, а он — шаром, пушенным опытным игроком. И он сшиб все кегли... — Коробов усмехнулся. — И вот теперь мы должны проанализировать этот тройной удар. Первой подверглась нападению урагана «Свайная постройка». Она сразу обнаружила свое слабое место. Кольцо плохо держало само себя, оно было составлено из множества секций, и эти секции напоминали толпу, собравшуюся в кружок и нетвердо держащуюся за руки. От дуновения ветра толпа рассыпалась и разбежалась. — Коробов сделал паузу. Гребнев представил себе, как сминал и разбрасывал ураган кольцо, висящее в воздухе. Этот поддув снизу и оказался в данном случае ахиллесовой пятой. — «Куб», — продолжал Коробов, — более монолитен. Авторы проекта соорудили жесткую замкнутую конструкцию, напоминающую знаменитый спичечный коробок. Его, как известно, трудно раздавить и совсем невозможно разрушить ветром. Но... — Коробов акцентировал каждое слово, словно сформулировал приговор, — напор ветра был так силен, что опрокинул куб, как спичечный коробок. Конечно, вы можете сказать, что куб не был закреплен, — если сделать это, опрокинуть его будет не так-то просто. Но ураганы на Венере, повторяю, гораздо сильнее, а поверхность, представленная им кубом, слишком велика — я имею в виду грани куба, которые обращены, как нарочно, во все четыре стороны, — откуда ни налети ураган, он

встретит плоскую стену. Остается последний вариант...

Гребнев невольно отодвинулся к спинке кресла. До этого он сидел, подав корпус вперед.

— Этот вариант, — услышал он, — может быть, покажется кое-кому странным, но мне лично нравится больше всех. Конечно, «Лабиринт» оказался очень легким, эта легкость, собственно, и спасла его от полного разрушения. Если бы его не подняло в воздух, а он был прикреплен твердо к земле, его разметало бы в клочья. Но это потому, что все части станций не были склеены в одно целое, а держались на скрепках. Соедини вы все в единый панцирь — вы сможете завязать пластилит в узел, но не разорвете его. Именно гибкость пластилита составляет его особую силу. Однако в данном случае гибкость была кое-где излишней. Некоторые узлы, мне кажется, следует сделать более жесткими. В частности, нужно поработать над башней. Я бы, например, не хотел во время работы находиться в башне, которая чересчур сильно гнется, хотя и не ломается. Удачным следует считать и то, что все здания, кроме обзорной башни, невысоки и имеют плавные очертания. Сдуть такую станцию, поставленную на прочные якоря-шпунтины, загнанные в тело планеты, будет невозможно. Вот мое мнение...

Гребнев сидел неподвижно. Слева, со стороны невидимого моря, доносился шум прибоя. С другой стороны, с экрана, неслись голоса — там тоже разыгрывался небольшой шторм. Гребнев не глядел ни направо, ни налево. Он совершал сейчас заново путешествие по станции. Вот здесь он стукнулся головой о стойку. «Стойка слишком слабая, — думает он, — надо ее усилить». А в круглом зале, где стены вминались от бешеного ветра, потребуются дополнительные крепления. Он шел и шел, и новые мысли приходили ему в голову.

Чей-то голос настойчиво звучал с экрана. Там о чем-то еще спорили. А Гребнев уже снова работал...

осадка, — сообщил голос в динамике.

Ракета плавно и мягко снижалась — не быстрее опускающегося лифта. Стоп!

— Мы на Луне, — лаконично сообщил водитель. Он вышел из своей кабины и стал в дверях, потягиваясь; желание пойти размяться или посидеть за столиком в кафе было написано на его лице. Но он терпеливо ждал.

Прежде приходилось надевать громоздкие скафанд-

ры и шагать по пыльным холмам к зданию космовокзала, удерживая тело от прыжков. Теперь все упростилось.

— Трап подан, — доложил автомат. Ольсен встал с кресла, подошел к выходной двери, она сейчас же распахнулась, он вступил на площадку, а затем на верхнюю ступеньку лестницы. Она понесла его вниз. Все это происходило внутри телескопического тамбура, который выдвинулся снизу и вплотную прилип к выходу из ракеты. Лестница опустила Ольсена в тоннель и передала ленте, бегущей вдаль.

Лента поднесла его к самым обыкновенным дверям, распахивающимся на две половинки. И Ольсен уже своими ногами двинулся по паркету из пластмассы, сверкающему, без единой соринки. Лунные ботинки с пластинами мягкого железа притягивались созданным под полом электромагнитным полем ровно настолько, чтобы человек ощущал себя как на Земле.

В зданиях Лунного города все было подобно тому, как это бывает на Земле: температура, состав воздуха, притяжение. И вещами пользовались самыми обыкновенными — земными. Столы, кресла, стенные шкафы, электрическая почта: вы подходите к стене, открывается отверстие, вы бросаете в него рубашку, она летит в прачечную-автомат и возвращается на свое место — в шкаф. Все остальное — в том же духе, по проектам научных институтов, разрабатывающих основы быта человека. Остряки недаром говорили, что, если хочешь познакомиться с типовыми условиями существования человека на Земле, отправляйся на Луну.

Ольсен пересек зал космопорта и подошел к стойке. Автомат, не спрашивая, налил лунный коктейль в высокий узкий бокал. Когда-то это было необходимо — после утомительного путешествия напиток восстанавливал силы и бодрость. Сейчас превратилось в традицию.

Неторопливо прихлебывая голубоватую влагу с мелькающими искорками, ощущая приятное щекотание во рту и свежесть во всем теле, вдыхая тонкий, аппетитный фруктовый аромат, Ольсен думал о пред-

стоящей операции. «Прораб вселенной» — так окрестили его журналисты, любящие хлесткие прозвища. Один из них, видимо очень молодой, написал даже, что он «мановением руки пошлет на Венеру армаду космических кораблей». Ольсен считал такие словечки пустяковыми. Он хорошо знал работу, которая составляла суть его профессии, и любил ее. И если уж и суждено ему носить какое-нибудь звучное прозвище, то скорее всего «Борец со случаем». Предвидеть каверзы природы и разные неприятные случайности и вовремя отвести их удар — вот в чем видел он романтику своей профессии, в той мере, в какой он вообще признавал романтику. Во всяком случае, та борьба, которая составляет интерес жизни, интерес всякой профессии, для него выражалась в борьбе с тем неизвестным и враждебным, что подстерегает человека в космосе. А вообще же он работает с коллективом людей, среди которых он просто старший. Вот и сейчас к нему подошли представители «сухопутного космоса», как в шутку называли их организацию. Григорян, готовивший лунные космодромы, принялся рассказывать, как идет монтаж последних грузовозов.

Ольсен поставил бокал на стойку — механическая рука подхватила его, окунула в переплетение горячих струй и поставила на полку, тотчас же задернувшуюся прозрачной пластмассой.

Таковыми же, как и после спуска, коридорами с бегущими дорожками Ольсен с друзьями проследовали на командный пункт. Это было здание обычной лунной архитектуры: прозрачный полый сталагмит, разделенный на этажи. Они поднялись на самый верх. С минуту Ольсен постоял под куполом, разглядывая звездные миры, которых еще не достиг человек, затем перевел взгляд на зубчатые пики, блестящие в боковых лучах солнца, высунувшиеся из мрачной тени, окутывавшей Луну, на слабо светящиеся здания Лунного города. На их фоне, как огненный кинжал, сверкал обелиск — неугасимое сияние, возбуждаемое крупницей урана, пронизывало всю его толщу. На его вершине укреплен круглый выпел с исторической

датой: «Сентябрь 1959 года». А на обелиске во всю высоту надпись: «12 апреля 1961 года — начало космической эры в истории человечества». И рельефный рисунок первого корабля, на котором человек совершил полет в космические просторы.

Ольсен несколько мгновений смотрел на обелиск, потом сел в одно из кресел посредине зала и положил руки на подлокотники.

— Африку, — попросил он.

Тотчас лунный пейзаж исчез. Картина мгновенно изменилась. Вокруг уже простирался африканский космодром: ракеты нацелились в небо, поодаль башенка управления. Все залито солнцем, оно сверкает на полированных боках ракет, высветлило серый бетон, тянущийся почти до горизонта. Какая-то птичка летает около ближайшей ракеты, садится на бетон, клюет что-то коротким носом. Ольсену хочется ее отогнать.

— Птица, — говорит он машинально.

— Ладно, — отвечает с далекой Земли голос начальника космодрома. — Сейчас мы ее прогоним.

Ольсен спохватывается: он не должен отвлекаться на мелочи. Мобилизация всех сил для решения главной задачи — вот что сейчас требуется.

На Земле что-то делают. Птица испуганно срывается с места, описывает круг и исчезает. Ольсен испытывает легкое удовлетворение. Дисциплина в космической службе, как всегда, на высоте.

Австралийский космодром, который просит показать Ольсен, тоже в полном порядке. Длинные, устремленные ввысь тела ракет, синеватый отлив металла. Одна в одну, серийный выпуск, все испытаны в обкатке, на соплах сохранились следы нагара, механизмы тщательно отрегулированы.

Азиатский космодром можно не смотреть. Ольсен только что оттуда. Этот всегда был образцом для других.

Стартовать на Венеру будут с Луны. И корабли, которые осматривает Ольсен, — это не те, что полетят на далекую планету, — это скорее космические

катера местного сообщения. На Луну в короткие сроки предстоит забросить огромное количество грузов. Да и пассажирское сообщение развивается с каждым днем. Организация экспедиции «Венера-9» дала дополнительный толчок к расширению хозяйственной деятельности человека на Луне. И потребовались новые линии сообщения между Землей и Луной. А где космический транспорт, там и Ольсен со своей организацией.

Теперь можно посмотреть и на межпланетные грузовозы. Григорян включает равнину «Моря Дождей». Здесь расположен главный лунный космодром. Могучие тела, несравненно более грузные, чем у ракет, стартующих с Земли, заполняют его. В безвоздушном пространстве резче, чем на Земле, обрисовываются контуры кораблей. Сверкающие гроздя, готовые в любой момент упасть в пространство.

Два других лунных космодрома в тени. Ольсен просит включить прожекторы, и те показывают ракеты одну за другой: они похожи на елочные игрушки. Фантастичность картины не устраивает Ольсена. Он любит свет, реальность, четкость. Но к моменту старта космодромы окажутся освещенными. Григорян все хорошо рассчитал.

Грузовые ракеты в общем не внушают опасений. В конце концов тут есть возможность замены.

Напоследок они осматривают самое главное — пассажирский космодром. Они с удовольствием разглядывают четыре корабля, стоящих на каменистом плоскогорье. Большие иллюминаторы, выдвижные ноги, вспомогательные маневровые двигатели, вихревые тормоза. Каждое звено спроектировано заново — ни одна деталь не обойдена вниманием, не оставлена без попытки внести усовершенствование. Полный комфорт: новые кресла-кровати, смягчающие перегрузку, искусственное тяготение, бытовая автоматика, не уступающая лунной. Ничего лучшего Ольсену и его товарищам не приходилось отправлять в космос.

Мановением руки? Ольсен усмехается. Сколько труда, нервов, обыкновенного человеческого пота за-

трачивается множеством людей, прежде чем становится возможным послать корабль в космос.

Он вспоминает хлопотливые, наполненные тревогами дни.

2

После того как «Эвелина» сообщила результаты голосования, у работников «сухопутного космоса», прямо надо сказать, здорово прибавилось хлопот. Хорошо было Коробову отыскивать вместе с другими участниками Восьмой экспедиции разумные существа на Венере. Возможно, кое-кто из проголосовавших за открытие на Венере постоянной научной станции и за весь этот план контакта с жителями Венеры не задумывался особенно над тем, как его практически осуществить. Он просто сообщил свое мнение «Эвелине» при помощи обыкновенного блок-универсала, которым в наши дни пользуются даже дети, и через два часа с удовольствием услышал, что его мысли совпадают с соображениями подавляющего большинства населения планеты.

Главные заботы свалились на плечи Ольсена. Правда, если бы они миновали его, он, вероятно, чувствовал бы себя не лучше, но это совсем другой вопрос.

В общем для «СК» («Сооружения в Космосе») наступили горячие деньки. Прежде всего никто толком не знал, сколько же человек должно работать на станции. Когда Ольсен попытался выяснить имеющиеся на этот счет идеи, со всех сторон посыпались самые разнообразные предложения: люди поскромнее называли цифру в три человека, неограниченные в фантазии — семь тысяч. Одни считали достаточным ограничиться на первых порах небольшим наблюдательным постом, своеобразной миссией Земли на Венере. Сторонники наиболее решительных мер настаивали на постройке на Венере целого города с множеством воспитательных учреждений, в которых обитатели планеты, не знающие сейчас даже одежды, должны будут проходить ускоренный курс развития. Такого рода обучением авторы проекта предполагали

охватить все население Венеры. Но кто считал его? Восьмая экспедиция столкнулась только с небольшой группой венерианцев, которые отнеслись к землянам настороженно, чтобы не сказать враждебно. С прочими надо было еще встретиться и неизвестно пока каким способом получить их согласие на обучение.

Коробов на вопрос, сколько человек ему понадобится для первой смены, насчитал около двухсот пятидесяти профессий, необходимых для начала работ. Ольсен, ознакомившись со списком Коробова, вычеркнул двадцать профессий как совершенно, по его убеждению, излишних, зато вписал тридцать таких, о которых можно прочесть лишь в энциклопедиях.

— Вы думаете, на Венере, когда у вас испортится прибор, вам тут же пришлют новый? Вы привыкли, что где бы вы ни находились, на дне океана или в кратере действующего вулкана, вам достаточно сказать вслух, чего вам не хватает, и вам тотчас же доставят это и еще термос с горячим кофе в придачу. Разумеется, я постараюсь набить склады станции двойным или тройным комплектом всего, что может износиться или выйти из строя, но все равно вам потребуются люди, которые могут в случае крайней необходимости производить любой ремонт и даже, может быть, готовить еду из местных продуктов. Ведь жить придется без всякого сообщения с Землей три с половиной года. Раньше мы не сможем послать вам ракеты, что бы у вас там ни случилось. Даже радиосвязь, как вы знаете, будет действовать с перерывами. Следовательно, исключена даже консультация в экстренных случаях. Мы должны все продумать заранее. Пока ведь никто еще не жил на Венере больше трех недель. Ваша знаменитая Восьмая пробыла там всего три дня. Через полгода вы хватитесь, что вам недостает дюжины специалистов в самых неожиданных областях.

Коробов знал все это не хуже Ольсена. Однако и он понимал толк в космических экспедициях. Поэтому они поспорили и представили свои соображения в Плановое бюро. Там привлекли консультантов и, выслушав абсолютно все мнения, все учтя и все взве-

сив, объявили, что на Венеру в первую смену должны отправиться тридцать семь человек, не больше и не меньше.

Астрономы называли свои цифры раньше. Конечно, астрономия весьма возвышенная наука, как утверждают по крайней мере сами астрономы, и общение с нею способствует философски спокойному отношению к жизни, но попробуйте не волноваться, когда вам сообщают, что, если вы упустите ближайший удобный период для полета на Венеру, следующего придется ждать три с половиной года. Причем оба эти периода — и первый и второй — очень короткие. А длинный период, самый подходящий, наступит через четырнадцать лет.

Станцию придется забрасывать одним махом, понял сразу Ольсен. Гонять одни и те же ракеты, подобно тому как снуют грузовозы между Землей и Луной, к сожалению, не придется. Сколько же потребуется кораблей?

— Мы должны создать нашим ученым условия, не отличающиеся от земных, — сказал председатель Планового бюро академик Шевченко, решительно сдвигая свои короткие, похожие на двух ежей, брови. И далее разъяснил, что он под этим подразумевал: — Спорт, включая беговые дорожки, плавание, футбол. Вы понимаете, что это не роскошь, а гигиена умственного труда. Людям придется работать гораздо напряженнее, чем дома, на Земле. Затрачивая огромные средства на экспедицию, мы заинтересованы в том, чтобы ни одна минута каждого из тридцати семи не пропадала даром. По этой же причине быт не должен отвлекать их внимание. И научная работа, само собой разумеется, должна предельно облегчаться современной техникой.

Пришлось основательно подумать над многими вещами. На далекой планете, сияющей на нашем небе голубоватой звездочкой, нужно организовывать все с самого начала. Склады питания на три с половиной года, аварийные запасы, транспортные средства и все прочее, не говоря уже о самой станции и ее оборудовании.

Ясно было одно: надо конструировать специальные корабли. Из существующих систем ни одна для этой цели не годилась.

Так или иначе цифра «37» была первой реальной величиной, которая из сферы предварительных разговоров и не всегда обдуманных проектов переводила вопрос на деловую почву. Она явилась как бы ключом, приведшим в действие огромный механизм. Ракетный институт приступил к предварительному проектированию грузовых кораблей в разных вариантах. Плановое бюро объявило конкурс на проект станции на Венере. Тысячи больших и малых дел обрушились на организацию «Сооружения в Космосе», как лавина.

Пожалуй, только создание первого моста на Луну в свое время могло сравниться по размаху с задуманной операцией. Тогда это действительно было грандиозное предприятие — достойное завершение большого пути, пройденного человечеством с сентября 1959 года, когда первая ракета коснулась поверхности спутника Земли. Но с тех пор минуло немало лет. Ныне корабли ходят по освоенным трассам, заправляясь то на лунном, то на земном космодроме — на манер пригородного сообщения прошлого века. В нынешней же операции предстояло впервые выпустить на дальнюю дистанцию залп ракет без промаха и без потерь.

Ольсен-то уж хорошо знал, что значит промазать по планете. Во время Пятой экспедиции на Марс, когда ее участникам пришлось пробыть там восемь месяцев, им забрасывали горючее для обратного рейса автоматически действующими грузовыми ракетами. Из-за какой-то ошибки самонаводящего механизма одна проскочила мимо и превратилась в спутника Марса. Вторая врезалась в рыхлый грунт планеты где-то около полюса. И хотя впоследствии, восемь лет спустя, удалось установить, что все баллоны с горючим уцелели, несчастным «марсианцам» было от этого не легче. Их спасла третья ракета, упавшая в трехстах километрах от лагеря: баллоны доставили на вездеходе. Хорошо, что Ольсен заготовил тогда три ракеты — он всегда отличался запасливостью! Конечно, теперешние астронавигаторы работают го-

раздо точнее. Но ведь и точность для задуманной операции требуется совсем другая.

Как только у Ольсена выдался день посвободнее, он собрал свою группу, и все вместе они отправились в Музей Неосуществленных Проектов. Кто из инженеров, конструкторов, архитекторов, ученых не побывал на обширном плато в Гоби, где на десятках километров раскинулись под открытым небом фантастичнейшие сооружения нашей эпохи. Одних космических кораблей там выставлено около десятка моделей. А знаменитый «механический птеродактиль», предназначавшийся для Марса, — Ольсен до сих пор не может без улыбки вспомнить, как провалилась эта в общем остроумная идея. Машина при посадке зарывалась в песок пустынь Марса, он оказался более рыхлым, чем ожидали. Он, Ольсен, тогда приложил руку к тому, чтобы забраковать «птеродактиль» после истории с исчезновением двух членов экспедиции: их едва вытащили из рыжего праха, в который они ушли с головой.

В музее много всяких — космических и земных — сооружений, овестьствованных памятников человеческой мысли. И любую идею, большую или маленькую, каждый мог черпать отсюда, как из учебника или научного труда, опубликованного к всеобщему сведению, — мысли принадлежали всем. Музей Неосуществленных Проектов — одна из идей Планового бюро, заботящегося, чтобы ничто не пропадало и не оставлялось втуне. А что может быть ценнее человеческой мысли!

Под открытым небом пустыни, четко различимые в сухом воздухе, раскинулись здания и сооружения самого удивительного вида: словно бутафоры киностудий свезли сюда то, что за многие десятилетия накопилось после снятых фильмов. Машины, которые никогда не использовались, мосты, переброшенные над сушей, дома, не похожие на те, в которых мы живем. Невольно казалось, что ты попал на другую планету.

Ольсен сразу почувствовал, что они прилетели сюда не зря. После некоторого обсуждения группа при-

шла к выводу, что тот же «птеродактиль», если его переделать, сгодится на Венере. Пусть у живущих на окутанной облаками планете будет как можно больше самых разных средств сообщения. Кто знает, какое из них выручит, когда случится что-нибудь непредвиденное. Это ведь не Луна, изученная вдоль и поперек, и даже не Марс, обследовать который оказалось гораздо легче, чем Венеру.

Затем им понравилась одна идея, которую в свое время запечатали в металле ввиду ее оригинальности. Один из постоянных жителей Галапагосских островов предложил транспортное средство в виде огромной черепахи. Возможно, его натолкнули на эту идею слоновые черепахи из Галапагосского заповедника. Джемс, так звали автора проекта, предложил создать черепаховидные экипажи с движителями в виде загребаяющих ног: по его расчетам, они должны были свободно передвигаться по земле и плавать в воде. Оригинальный механизм Джемса никого не заинтересовал: на Земле, в любую точку которой можно доставить все, что угодно, многими способами, медлительная, хотя и очень надежная, «черепаха» Джемса казалась пережитком прошлого. Другое дело — на Венере! Там бесконечные болота, озера, разбухший грунт и знаменитая синяя глина, непроходимая для гусениц... На Венере, пожалуй, такому экипажу самое место. Конечно, взять следует лишь принцип «черепахи», а машину сконструировать заново, учитывая все особенности планеты.

Ольсен придирчиво разглядывал экспонаты музея. Ничего не упустить, все использовать! Дотошность и даже педантичность Ольсена были так же известны, как и его осторожность и расчетливость. Может быть, и правы те, кто называл Ольсена «сухарем» и «человеком, лишенным фантазии». Но не может же человек обладать всеми талантами сразу. В конце концов Ольсен не пишет романов о космических полетах, он просто организует их. И то, что его рассматривают как редкое исключение в нашем наполненном романтикой XXI веке, в известной мере даже нравилось ему.

Чего Ольсен действительно терпеть не мог, так это лишних разговоров во время работы.

— Подумайте, — обратился к Ольсену Алик, один из его сотрудников, самый юный, не побывавший еще нигде дальше Луны, — а вдруг дикие обитатели планеты, с которыми столкнулась Восьмая экспедиция, не единственные ее жители? Может быть, там есть и более развитые существа? Ведь существовали же на Земле люди, принадлежащие к разным историческим формациям одновременно. Или, может быть, на Венере в прошлом уже существовала цивилизация более высокая, чем то, с чем столкнулась Восьмая. Ведь так тоже могло быть. Вдруг...

— Послушайте, — сухо оборвал его Ольсен. — Давайте условимся раз и навсегда. Никакой фантастики! Мы организуем полет на Венеру — и все. Что там будет — это в конце концов выяснится в свое время. Наше дело — подготовить все так, чтобы это могло произойти, то есть чтобы наши ученые попали на Венеру, благополучно прожили там и вернулись домой. И чтобы их работа там протекала успешно. Меня интересует, в частности, что вы думаете о порожняке.

— Порожняке?

— Не думаете же вы, — начал раздражаться Ольсен: хуже нет, когда в деловую обстановку попадет чистый романтик, — не думаете же вы, что мы загоним почти сотню ракет на Венеру и оставим их там в качестве памятника нашего расточительства? Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с Плановым бюро?

— Нет, — честно сознался юный помощник.

— Так вот, эта организация, которая ничего не жалеет для развития науки, с нас с вами зато спросит за каждый израсходованный грамм материала. Там все считают. У них такие машины, что не пропустят даже атома. Современные ракеты — не одно-разового употребления, как было раньше. Эти кораб-

ли можно использовать и на других трассах. Самое разумное, пожалуй, вернуть их на Луну.

Нужно сказать, что корабли вообще требовали больших забот. Лунные космодромы, хотя их там чуть не десяток, не в состоянии были обеспечить почти одновременный запуск тучи космических стрел. По расчетам астрономов, старт должен продолжаться две недели — не больше. А лунные космодромы сравнительно небольшие — с некоторых больше одного корабля не стартовало за все время их существования.

Вот почему Ольсен сперва послал на Луну лучшего организатора «СК» Григоряна. Тот сообщил, что Луна сможет обеспечить старт нужного количества кораблей в сроки, которые оставались до вылета экспедиции, если провести работы по реконструкции космодромов. Вот тут-то и потребовалось расширить мост на Луну.

Десятки сотрудников «СК» ежедневно докладывали Ольсену о том, как подвигаются дела в разных местах земного шара и на обоих полушариях Луны. Он мог обозревать все поле деятельности с командных пунктов «СК». Сотни людей проходили перед его глазами — инженеры с заводов, строители, монтажники, транспортники. Приходилось решать тысячи вопросов, но в этом круговороте хлопот Ольсен не забывал про данные им поручения.

— Ну, — спросил он Алика на второй или третий день после того разговора, — решили вы задачу возврата порожняка?

Юноша стал излагать такой сложный план, что Ольсен вскоре потерял желание дослушать его до конца.

— Знаете, ваш план напоминает древнюю задачу про волка, козу и капусту, которых надо было перевезти на одной лодке. У вас люди должны пересаживаться с корабля на корабль и лететь то к Венере, то к Земле. Вам, конечно, кажется, что такие пересадки в космосе самое простое дело. Но так оказывается только в романах. Все нужно сделать гораздо надежнее. Мы пошлем дополнительно десять боль-

ших грузовых ракет с запасом горючего. Участники экспедиции должны будут сменить пустые баллоны на баллоны с горючим во всех кораблях. Астронавигаторы пусть рассчитают траектории обратных маршрутов и вложат все данные в управляющие машины. А участники экспедиции нажмут кнопки автоматического старта, отойдут на порядочное расстояние и могут помахать рукой отлетающим ракетам.

— Ясно! Пойду, сейчас прикину и...

— Гм, — Ольсен недоверчиво посмотрел на собеседника. — Если вам все ясно, объясните, пожалуйста, как вы думаете обеспечить старт стольких кораблей с Венеры, ведь там нет даже самого захудалого космодрома?

— Я подумая... — смутился «романтик».

На этот раз он ломал голову добрых три дня. Зато и Ольсен выслушал его более благосклонно.

— Ваш проект, — сказал Ольсен, — разработан более тщательно и, главное, более зрело. Могу поздравить. В ваших рассуждениях есть только один недостаток. Вы исходите из того, что все корабли будут садиться на Венеру нормально. Должен вам сказать, что я сам отправлял немало их и знаю историю всех космических полетов. Конечно, случаи нормальной посадки встречаются — этого отрицать нельзя, но гораздо чаще ракеты садятся как угодно, только не так, как рисуется в учебниках космонавтики. При обратном взлете приходится долго маневрировать, чтобы положить корабль на рассчитанный курс. Обычно эти дополнительные расчеты делает экипаж с помощью портативных вычислительных машин. Но мы не можем загружать персонал научной станции подобными расчетами. Кораблей слишком много, да и люди должны приступить как можно скорее к своей прямой работе. Мы с вами обязаны позаботиться о том, чтобы у них не пропал ни один лишний час, ни одна секунда рабочего времени.

Ольсен привык уже к тому, что некоторые элементарные истины приходится разъяснять даже своим сотрудникам — тем, разумеется, которые недавно

вступили в это звание. Конечно, старым кадрам «СК» ничего не надо втолковывать, те понимают все с полуслова. Но новеньких приходится приучать к правильному пониманию особенностей работы, ничего не поделаешь.

Алик совсем повесил нос. А ведь ему казалось, что организация межпланетных путешествий — увлекательное дело.

— Я говорю скучные вещи, — смягчился Ольсен. — Но что поделаешь: полет в космос не похож на то, что себе иногда представляют люди малоискушенные. В их воображении все получается очень просто: события развиваются как по мановению волшебной палочки. Но, чтобы события развивались как надо, нужна серьезная и кропотливая подготовка, приходится продумывать и предусматривать каждую мелочь. Об этом почему-то почти совсем не пишут в рассказах о космических полетах. А мы с вами и есть те люди, которые наделяют волшебную палочку ее волшебными свойствами.

Алик не мог удержаться:

— Да вы романтик, — сказал он. — Как здорово сказали про волшебную палочку!

И он впервые за время разговора улыбнулся.

— Я романтик? — удивился Ольсен. — От вас первого слышу. Должен заметить, что космос не любит фантазеров. Я вам расскажу когда-нибудь в свободное время, как два человека с избытком фантазии оседлали на Марсе «механический птеродактиль» и чем это чуть было не кончилось. И про того чудака, который вздумал приручать тавтолона — это было во время Шестой экспедиции на Венеру. Тавтолон прокусил скафандр, и, прежде чем материя сама затянулась, в открывшееся отверстие хлынули полчища микробов, против которых никто еще не знал надежных средств. Томсона охладили, чтобы затормозить биологические процессы, и в таком виде привезли на Землю. Здесь его не расхаживали еще две недели, пока не нашли средства против бактерий, нападению которых он подвергся. Его спасли, но экспе-

диция сорвалась. Вот во что обходятся порывы, не проконтролированные разумом.

На Алика смотрел прямой, высокий человек с лицом, как юноше в этот момент показалось, похожим на алгебраический знак.

— Ну, а что касается ваших кораблей, — продолжал Ольсен уже обычным своим деловым тоном, — то попросите Институт вычислительной техники подумать над машиной, которая бы автоматически делала все расчеты для вывода корабля, севшего на Венеру, в обратный маршрут из любого, повторяю, из любого положения и передавала бы все данные управляющему устройству. Давно пора сделать такую штуку. Правда, до сих пор наша организация никогда еще не отправляла такого огромного количества кораблей сразу — они летали «поштучно», — и вопрос, естественно, не вставал.

«Правду про него говорят, что он сухарь», — подумал Алик.

4

Как ни отбивался Ольсен от энтузиастов, они, конечно, нахлынули, как это всегда бывало. Сотни и даже тысячи людей обращались к Ольсену с предложением своих услуг, хотя некоторые из них, кроме желания лететь на Венеру, не могли представить каких-либо других достаточно серьезных с точки зрения Ольсена аргументов.

Ольсен суховатым тоном перечислял требования, которым должны удовлетворять участники экспедиции. Последним он называл условие, поставленное Контролем безопасности: «опыт работы в космосе или на Земле, сходной с той, что предстоит на Венере». Конечно, можно было бы сразу сказать это, и разговор с некоторыми просителями отпал бы. Но Ольсен считал полезным в чисто воспитательных целях дать представление самым горячим головам, какая это серьезная вещь — экспедиция на Венеру и какие качества они должны вырабатывать в себе, если намерены когда-нибудь туда отправиться.

Половину сотрудников подбирали сам Коробов. Известно, что ученые — люди «узкого профиля»: каждый из них имел две-три, от силы три-четыре, ну, максимум пять специальностей. Значит, уже простая арифметика говорила, что те два десятка людей, которые остались на долю Ольсена, должны были обладать великим разнообразием знаний при выдающихся личных качествах.

Организатор межпланетных путешествий любил во всем порядок. Он отдал список профессий своему секретарю-автомату, а тот, конечно, связался с «Элеонорой» (кому только пришла в голову мысль называть все эти машины на букву «Э»!).

Когда-то в старину, говорят, были отделы кадров чуть ли не на каждом заводе или в учреждении. А чтобы узнать, сколько людей живет в какой-нибудь стране и что это за люди, устраивались специальные переписи раз в несколько лет. «Элеонора» сделала ненужным и то и другое. В любой момент она сообщит вам, сколько сегодня на Земле людей, много ли из них мужчин и женщин, а среди них, допустим, астрономов, из последних — специалистов по дальним галактикам, а уже из этих — умеющих плавать и знающих древние языки.

«Элеонора» неутомимо ведет перепись населения Земли изо дня в день: учет людских ресурсов — постоянная забота общества. Никто не делает специальных записей о рождении ребенка, о шагах человека на разных поприщах, о его выявленных способностях — просто эти деловые сведения сообщаются «Элеоноре». Мировой статистик служит одновременно и мировым справочным бюро и мировым адресным столом. Одна машина, занимающая, правда, целый квартал похожих на элеваторы зданий, заменяет тысячи учреждений, которые служили прежде людям для той же цели.

И вот секретарь Ольсена вместе с «Элеонорой» принялись раскладывать своего рода пасьянс в двадцать карт. Без машин трудно было бы, чтобы не сказать невозможно, перебрать миллиард человек (столько примерно нужно было просмотреть за вычетом

возрастных и других категорий) с гарантией, что не пропустил ни одного достойного.

Кандидат № 1, подобранный секретарем, заинтересовал Ольсена тем, что наотрез отказался лететь на Венеру. Перед Ольсеном сидел чуть выше среднего роста человек, рыжий, в крупных веснушках, с оттопыренными ушами, похожими на приставленные к голове ручки. Жизнерадостность так и била из каждой его веснушки. Знает шесть профессий, все великолепно, может изучить еще дюжину — а вероятно, так и придется сделать, чтобы освоить некоторые необходимые специальности. Данные о состоянии здоровья могут вызывать только восхищение. Он сказал, что его зовут Лыков.

— Почему вы не хотите лететь? — любопытствовал Ольсен.

— А зачем? — ответил Лыков вопросом на вопрос. — Мне и на Земле отлично.

Ольсен подумал, не боится ли он.

— Боюсь? — откровенно удивился Лыков. Видимо, мысль показалась ему оригинальной. Он чистосердечно рассмеялся. — Да нет, — сказал он подкупающе просто, — мне это просто ни к чему. — Он прямо посмотрел в глаза Ольсену. — Разумеется, — добавил он, — если будет настоятельная необходимость, то я поеду. А вообще-то мне и так хорошо.

Ольсен посмотрел на его улыбающееся лицо и подумал, что ему, наверное, везде будет хорошо.

— Меня ведь всякая там романтика не привлекает, — пояснил его собеседник.

Ольсен чуть не простонал — настолько этот человек соответствовал его представлениям о кандидате в ответственную экспедицию.

— Нет, вы должны поехать, — сказал он решительно.

— Вы поищите получше, — посоветовал Лыков. — Да не с помощью ваших машин! О, — быстро возразил он на протест, который отразился на лице Ольсена, и Ольсен не мог не отметить мгновенность этой реакции, — я отдаю должное машинам! Да, да, они

замечательны! Но они никогда не смогут дать действительного представления о том или ином человеке.

— Эти машины, — заметил Ольсен, — сообщили о вас такие вещи, о которых вы не стали бы говорить — по скромности или потому, что не придаете им значения. Например, об истории со спасением трансконтинентального лайнера. Вы тогда не растерялись, а это очень важно для нас. Кто-то из ваших товарищей счел нужным кратко охарактеризовать ваш поступок, а «Элеонора» все запомнила. Машина избавляет вас от необходимости систематизировать рассказ о себе, она просто расспрашивает, потом берет сведения от «Элеоноры» и составляет толковый и ясный доклад. Я уже не говорю о том, какую это дает экономию времени.

— А я и не отрицаю пользы машин! — возразил его собеседник. — Но только к машинам нужно обращаться после. Понимаете? Потом! После того, как вы остановились на какой-то кандидатуре. Да вот простой пример: известен вам такой Игорь Горин?

— Нет, — ответил Ольсен, быстро заглянув в список, подготовленный секретарем.

— Вот видите. А все потому, что машины не учитывают одного важного обстоятельства.

— Какого же? — заинтересовался Ольсен. Он сам составлял список вопросов для секретаря, и ему казалось, что он предусмотрел все.

— Потенциальных возможностей человека, — ответил Лыков. — Картотеки учитывают выявленные способности человека. А невыявленные? Ведь очень часто нужен только случай, чтобы человек раскрыл свои способности. И вот приходит случай — работа на Венере. А вы этого человека не берете.

— Чем же замечателен ваш Игорь Горин? — спросил Ольсен.

— Он пилот. Рожден, чтобы летать, в смысле — управлять машинами. На Земле пилоты, как вы знаете, снимаются даже с трансокеанских лайнеров, заменяются автоматами. А на Венере он вам очень пригодится.

— А что он знает еще?

— Его вторая профессия — биология. Снимает фильм из жизни уссурийских тигров. Основал заводчик на сопке Остроконечной для осмотра с воздуха.

— Только-то! Мы отказывали людям, имеющим по восемь профессий.

— Вот-вот, в этом и заключается ваша ошибка. В вашем списке наверняка наберется с полсотни профессий, которых вы вообще не отыщете на Земле! А Игорь Горин сможет делать все эти пятьдесят видов работ и, если понадобится, еще десять. Таким, как он, цены не было лет двести назад, когда все делалось вручную. Он родился слишком поздно. То есть как раз в самое время для Венеры. Поэтому-то я и считаю, что вы должны идти от рекомендаций знающих людей, а потом уже обращаться к электронным статистикам.

— И упустим людей, которых никто не догадался рекомендовать, — спокойно возразил Ольсен. — Например, вас. Очевидно, лучше сочетать оба способа. Но вернемся к Игорю Горину. Сам-то он захочет работать на Венере?

— Ах, он сам не знает, чего хочет. Это такой романтик! Знаете, из породы мечтателей.

— Романтик? — поразился Ольсен.

После ухода Лыкова он раздумывал некоторое время. В первый раз в жизни он ощутил отсутствие романтики в человеке как известный недостаток: равнодушные Лыкова к поездке на Венеру почему-то задевало его.

Игорь Горин оказался худощавым человеком с длинным лицом, свободной прической; что-то от поэта или художника действительно ощущалось в его облике. Но он не сочинял стихов и не писал картин, а разговаривать мог только о механизмах. Игорь был из тех людей, что при поломке любой машины не обращаются в Бюро замены, чтобы прислали новую, а сами с наслаждением погружаются в мир ее механизмов и не успокоятся до тех пор, пока не найдут причины неисправности и своими руками не устранят

ее. Клад для любой экспедиции! И, разумеется, готов лететь на Венеру или куда угодно хоть сегодня.

Расставшись с Гориным, Ольсен с огорчением констатировал, что первый человек, зачисленный им в состав научной станции, оказался самым настоящим и неисправимым романтиком, — в этом не оставалось ни малейшего сомнения. Он говорил о машинах так, как не всякий поэт говорит о возлюбленной. Впрочем, не будь он таким, подумал в утешение себе Ольсен, он не знал бы так машины. А главное, подобного склада человек, конечно, сможет придумать выход из любого трудного положения, в котором могут очутиться сотрудники станции со своими многочисленными механизмами, — находить выход из безвыходных обстоятельств для него сущее удовольствие. А на Венере такой работы, наверное, хватит.

Но зато уж Ольсен твердо решил привлечь в экспедицию самого Лыкова.

Приходил Варгаш, рекомендованный Коробовым. Это был работник Биологической защиты, ветеран этой службы, один из тех, на чьих плечах лежал огромный труд по преобразованию мира микробов на нашей планете. Глядя в лицо Варгаша, с сухой морской обожженной в тропиках и продубленной морским ветром, в ясные голубые глаза, спокойно смотрящие на мир, Ольсен чувствовал перед собой бойца, закаленного, бывалого, готового идти на любую опасную операцию — без ненужного риска, обдуманно и расчетливо, но и без страха. На Венере, где опасности подстерегают на каждом шагу, где любая лужа полна неведомых существ и даже воздух кишит невидимыми представителями незнакомой человеку жизни, там такому человеку, как Варгаш, есть возможность применить свои способности и навыки, ставшие для него уже чертами характера. Коробов умеет подбирать людей, ничего не скажешь.

Следующего кандидата раскопали секретарь с «Элеонорой». Все-таки удивительно остроумно устроена машина, неутомимо ведущая летопись жизни каждого обитателя Земли. Лыков ее недостаточно оценил. О многих людях мы ничего не знаем, пока не

затребуем те или иные деловые сведения о них. И тут оказывается, что скромнейший человек, никогда словом не обмолвившийся о себе, совершал когда-то чуть ли не Геракловы подвиги. Или что известный ученый вне своей специальности — единственный на Земле человек, который владеет редчайшей профессией, даже название которой знают немногие, а изучил он ее просто так, для интереса, и оказывает услуги обществу, когда оно в них нуждается. Многое может рассказать «Элеонора» — бесстрастная и точная, как всякая математическая машина.

Человек, предложенный вниманию Ольсена «Элеонорой», принадлежал к редкому в наши дни племени бродяг и непосед. То ли остатки инстинкта кочевых народов вдруг пробудились в его крови, то ли ненасытное любопытство гнало его по белу свету и не позволяло засиживаться подолгу на одном месте, но он действительно исколесил весь земной шар. Его видели тропики, умеренные области, полярные зоны; он опускался на дно глубочайших впадин океана, работая там на бурении скважин; он дежурил на высокогорных станциях, выполняя в одном лице обязанности всего персонала, он прокладывал знаменитую Меридианную дорогу, строил Лунный город, чистил вулкан Везувий — легче перечислить то, чего он не делал, чем все разновидности его занятий. К тому же он обладал завидным характером, легким, веселым — дружелюбие переполняло его сверх края. По виду это был щупленький, похожий на семечко одуванчика человек и так легко передвигавшийся, словно его и правда поддерживал в воздухе парашютик. Звали его чрезвычайно коротко: Ив.

Побеседовав с ним, Ольсен быстро понял, чем будет полезен в составе экспедиции такой неугомонный человек. Он, конечно, не успокоится, пока не перепробует по крайней мере половины из двухсот пятидесяти профессий, которые нужны на Венере. Значит, в случае необходимости он сможет заменить там многих.

Каждый день являлись кандидаты. Список Ольсена рос.

Все участники Восьмой экспедиции попросились работать в первой смене научной станции на Венере, и с их желанием согласились. Теперь, кроме Коробова, Ольсен все чаще видел в своем бюро огромного Нгарробу — как уверяли журналисты, единственного представителя Земли, способного поспорить силой с обитателями Венеры, маленького изящного Гарги из Индийской академии и всегда спокойного Сун-ли-на, который сам про себя говорил, что в глубине души он не менее пылок, чем Нгарроба, но просто лучше владеет собой.

Закончился конкурс на лучший проект здания станции на Венере. Плановое бюро отобрало три из них для осуществления в натуре. После испытания на полигоне лучшая из трех станций будет отправлена по прямому назначению на Венеру, остальные займут место в Музее Неосуществленных Проектов.

Все шло как нельзя лучше, но Ольсен все чаще и чаще испытывал беспокойство.

5

Сборка всех трех типов зданий научной станции для Венеры на полигоне двигалась полным ходом. Сто двадцать специализированных заводов изготавливали оборудование. Ракетный институт заканчивал конструирование трех образцов грузовых космолетов и одного пассажирского.

Все шло явно хорошо, но беспокойство не покидало Ольсена. Не то чтобы у него возникло предчувствие чего-то плохого. Он не знал таких ощущений. Но Ольсен все время ждал какой-нибудь неприятности. Не могло же все идти гладко. Так не бывало еще ни разу. Он был уверен, что «что-нибудь» случится.

Конечно, коэффициент случайности на нашей планете сейчас очень низок: нет никакого сравнения с прошлыми временами. Но чем более удаляется человек от родной планеты, тем резче возрастает этот опасный коэффициент. И, вероятно, риск непредвиден-

ных осложнений сохранится, пока человек будет все так же неумоимо штурмовать неведомое.

И тут случилась эта история с ураганом. Он пронесся над полигоном, где стояли три станции, предназначенные для отправки на Венеру, разрушил здание, построенное в форме кольца, другое — в виде исполинского куба — опрокинул, а третью станцию — целый квартал пластмассовых домов, соединенных трубами-коридорами, — поднял как связку бубликов и забросил в океан.

Смятение еще не улеглось, когда Коробов объявил, что он очень рад приключению. Ураган воссоздал условия, сходные с теми, с которыми не раз и не два столкнутся обитатели станции на Венере. Инженеры пришли к выводу: если бы «Лабиринт», как называли третий вариант станции, не просто лежал на бетонном полигоне, а его закрепили на якорях, как это и будет на Венере, никакой ураган ничего бы с ним не сделал.

Тогда Ольсен решил, что это вовсе не тот злощастный случай, которого он опасался. Тот еще придет.

Между тем подготовка экспедиции продолжалась в нарастающем темпе. Новехонькие корабли сходили с конвейера и поступали в обкатку. Уже минуло три года с тех пор, как Контроль безопасности запретил выпуск нового типа кораблей в космос без предварительного опробования их на трассе Луна — Земля после нескольких промахов грузовых ракет, а главное, трагической гибели «Марса-11» с людьми.

Ночью Ольсена разбудили. Наблюдатели Пулковской обсерватории обнаружили яркую вспышку в созвездии Девы. Одновременно дальние локаторы доложили, что потеряли корабль № 78, который вели в полете от Земли к Луне. Затем пришло сообщение с Луны, что семьдесят восьмой не прибыл на космодром, где его ожидали. Одновременно Луна запрашивала подтверждения прибытия корабля № 76 на космодром «Африка». Локаторы «Африки» донесли, что семьдесят шестой не входил в зону полей наведения.

Ольсен сразу понял, что вот он, этот роковой случай. Конечно, «что-то» произошло с ракетами. Слишком много их участвовало в игре — и они были новых типов. Случай любит как раз такие ситуации.

Случилось невероятное. Корабли столкнулись. Первое столкновение в космосе за всю историю человечества. Пока люди пытались осознать этот факт, в космос согласно расписанию ушли два новых корабля — с Луны и с Земли. Все ждали: не столкнутся ли и они?

Немедленно был созван Совет по межпланетным путешествиям. Заседание в Зале Совета открылось у большого экрана, вернее у нескольких экранов, соединенных друг с другом. Один за другим люди, находившиеся в самых разных местах системы Земля — Луна, появлялись на экранах, взволнованные происшедшим. Все уже все знали. Председатель совета, единственный, кто находился в комнате по-настоящему, предоставил слово главному космонавту Дорджи. Тот назвал одиннадцать возможных причин столкновения. Нарушение режима работы двигателей и в результате — замедление или ускорение хода корабля, выход из строя или порча какого-либо прибора управления, отклонение корабля от заданной орбиты вследствие встречи с метеоритом и т. д. и т. п. — причин хватало. Самым необъяснимым оставалось — почему корабли не разминулись автоматически. Ведь они снабжены рулями, связанными с локаторами. Конечно, мог выйти из строя и какой-нибудь из этих механизмов. Но две неисправности сразу исключались.

Разговор шел довольно беспредметный, пока инженер главной испытательной станции Сорокин не сделал сенсационного сообщения. Он заявил, что испытываемые корабли оказались жертвами чрезмерной точности полета. Удобные для обкатки трассы сходились временами в пространстве вследствие обращения Луны вокруг Земли. Да и линии сообщения Земля — Луна образовывали сложную паутину вблизи Земли и Луны. Поэтому проходящим обкатку кораблям (они, разумеется, испытывались без людей) был дан приказ не отклоняться от заданного маршрута больше

определенной величины. Но что значит дать приказ автомату?

Так заблокировать механизмы и подвести такое напряжение к приборам управления, чтобы оно пере-силивало все другие токи, все другие электрические мысли или ощущения, если можно так выразиться, откуда бы они ни поступали. Другими словами, от механизмов управления кораблем потребовали слепо-го выполнения приказа. И те повиновались «не рассу-ждая».

Сорокин нарисовал возможную картину того, что случилось. Встреча в космосе произошла на макси-мальной точке отклонения семьдесят восьмого от сво-ей орбиты. Встречный корабль просигнализировал, что берет в сторону, и изменил курс. А семьдесят восьмой, вместо того чтобы уклониться в противопо-ложную сторону, продолжал лететь прямо. Механизм управления не мог сработать иначе, так как приказ запрещал отходить от маршрута дальше нормы. В космосе все решают секунды, часто их доли. Упу-щенный для начала маневра момент может означать невозможность его выполнить. Оба корабля проскочи-ли свои критические точки, а на близком расстоянии поворот равносильен аварии. Вероятно, были экстрен-но включены тормозные и поворотные двигатели — могучие корабли от этого закувыркались, подобно электромогилям при резком торможении на полном ходу, и уже, как камни, по инерции полетели навстре-чу друг другу.

Что поднялось при этих словах Сорокина! Один за другим люди, толпившиеся на экранах, требовали слова. И было отчего волноваться. Впервые на Вене-ру отправлялось столько кораблей почти одновремен-но. Конечно, ни одни из них в полете не повторит маршрут другого. Вылетаете ли вы через день, через час или хотя бы через минуту после вашего товари-ща, вы идете уже совсем другой дорогой — другая длина, другая кривизна, другие скорости на отдель-ных участках, все другое, только место посадки то же самое. Но вблизи Венеры пучок трасс сходится, и проделавшие долгий путь корабли прибывают все

не с теми интервалами, с которыми они стартовали. Здесь возможны столкновения, если будет допущена малейшая ошибка. И вот одно столкновение уже произошло, и, главное, где? На трассе Земля — Луна, где существуют станции наведения и локаторы, которых нет на Венере. Весь замысел операции «Венера-9» был поставлен под сомнение.

Больше всех волновались, конечно, представители Контроля безопасности.

— Вы хотите посадить на Венере людей, — говорили они, — а потом обрушить на их головы град грузовых кораблей. Люди должны разгружать их и отправлять обратно, слыша над головой свист все новых прилетающих грузовозов и видя, как они шлепаются вокруг с возможными, «допустимыми» отклонениями от орбиты.

— Чтобы корабли не столкнулись в полете, — возражали им, — их нужно снабдить особо высокочувствительными и быстро реагирующими устройствами, отклоняющими их друг от друга при малейшей угрозе чрезмерного сближения.

— Такие «шарахающиеся» корабли, — объявляли другие, — гораздо опаснее обыкновенных, идущих себе спокойно по заданному маршруту. Нужно просто точнее рассчитать и скрупулезно соблюдать эти маршруты.

— Такая точность, — сомневались некоторые, — в настоящее время не может быть достигнута: тому доказательство — столкновение на обкатной трассе. Ведь до сих пор все космические полеты производились так, что вблизи Земли и Луны одновременно много кораблей не находилось. Возникла совершенно новая проблема, и современная техника к этому не готова.

— Что же делать? — спрашивали четвертые.

— Отложить полет на три с половиной года или на четырнадцать лет, — отвечали пятые, — когда техника обеспечит стопроцентную удачу.

Председательствующий уже дважды уменьшал изображение людей на огромных экранах, иначе все желающие высказаться не уместились бы. Кажется,

один только Ольсен сохранял спокойствие. Такой шум бывал и прежде, когда в игру вступали обстоятельства, не предусмотренные первоначальным планом. Ольсен понимал, что операция все равно должна состояться, и, конечно, в назначенный срок, иначе ее действительно придется отложить на годы. Он внимательно слушал всех. И соображал: что же нужно сделать? Он не мог позволить себе фантастические домыслы, представлять живые картины падающих на людей грузовых кораблей, столкновения в космосе и прочее. Его задача — сделать так, чтобы ничего этого не произошло.

И все умолкли, когда он попросил слова.

— Было бы недостойно людей, — сказал он, — если бы мы отказались от полета в ближайший допустимый срок только вследствие того, что техника в данный момент не вполне готова. Техника — наша гордость, наша сила, это то, что обеспечило нам практический доступ к другим мирам, и считать ее несовершенной настолько, чтобы отложить надолго экспедицию, нет никаких оснований. Значит, все дело во времени. Его мало, но вспомните, что каждая наша минута по заложенным в ней возможностям соответствует по крайней мере суткам сто лет назад. В наших руках сделать это время еще более емким. Итак, я предлагаю...

Ольсен сделал паузу, обвел взглядом экраны, с которых на него смотрело множество глаз (сам Ольсен сидел в своем бюро, перед экраном на стене против письменного стола), и продолжал:

— Первое: послать на Венеру специальные, особо точным образом нацеленные ракеты — станции наведения. Изготовить их с тройным запасом. Те, что попадут в цель наиболее верно, послужат для работы, остальные мы выключим. Станции наведения обеспечат правильную посадку всех прибывающих кораблей. Второе: корабли должны прибывать по графику разгрузки и садиться на максимально удаленных друг от друга концах посадочного поля — этим мы обеспечим безопасность людей. Третье...

Ольсен перевел дух, но голосом совершенно твердым закончил:

— Ввиду особой сложности операции я прошу руководство ею поручить мне. Я должен прибыть на Венеру первым и покинуть ее последним, когда улетят все корабли. Но так как мне чрезвычайно важно быть и на старте — абсолютная точность всех операций на старте имеет решающее значение, — я прошу разрешить мне использование сверхскоростного полета.

На людей, подключившихся к Залу Совета своими блок-универсалами, смотрело с экранов лицо Ольсена: плотно сжатые губы, высокий лоб, светлые, почти прозрачные глаза. Нет, его решение не было порывом романтика. Он пришел к нему на основе трезвого расчета. Смелость, грандиозность идеи, ее головокружительная фантастичность — все это не подлежало даже рассмотрению. Так исключается все конкретное при математическом абстрагировании. Остается чистая логика.

Это была уже самая настоящая сенсация. Миллионы людей следили за ходом заседания. И холодок пробегал по спинам даже самых смелых, самых закаленных. Сверхскоростной полет человека в космосе... Этого еще не бывало.!

6

Ольсен мог бы еще многое припомнить из этой эпопеи. Впрочем, она еще не закончилась.

Ольсен словно очнулся. Он замечает, что Григорян смотрит на него с удивлением. Лирические паузы не в духе руководителя «СК». Ольсен окончательно возвращается к сегодняшним делам и спрашивает о прицельных ракетах.

Сорокин с испытательной станции и еще два инженера объясняют, как удалось решить самую сложную проблему — самонаведения. Вся «начинка» этих кораблей, весь их груз состоит из навигационного оборудования. Собственно, у них ведь единственная задача — правильно сесть. Это как бы гигантские вымпе-

лы-ориентиры, забрасываемые на другую планету. Они будут подавать сигналы главному флоту.

Для прицельных ракет отведен отдельный космодром. Они стоят на просторном плато. К ним не разрешено приближаться никому. Исполинские тела укрыты чехлами. Тщательно настроенные, выверенные особым способом, они оберегаются от всяких внешних воздействий. Только приборы ведут за ними непрерывное наблюдение. В рассчитанный момент чехлы будут сброшены, и станции наведения первыми откроют навигацию. Сорок восемь часов спустя будут стартовать пассажирские корабли. А спустя еще сутки начнут отправляться в космос грузовые ракеты.

Остается осмотреть еще одно сооружение. Его, собственно, нельзя даже назвать космодромом. Здесь не стоит, а лежит на наклонной эстакаде всего одна ракета. Она не похожа на все другие корабли. Очень длинная, напоминающая сильно увеличенную иглу. В нижней ее части — пояс из множества цилиндров. Она взлетит при помощи этих вспомогательных ракет по касательной, а затем включатся основные двигатели. Многоступенчатые ракеты когда-то проложили путь в космос, и этот принцип человек сохранил в испытательных кораблях, с помощью которых стремится достичь максимальной скорости. Ракета, на которую смотрят сейчас люди, предназначена для рекордов. Человек в ней еще не летал. Теперь полетит Ольсен. Его предшественниками были собаки, кролик и обезьяна. Никто из них не вернулся на Землю или на Луну. Новейшая сверхскоростная ракета еще не умеет возвращаться. Она никогда раньше не садилась на другие планеты. Эта сделает первую попытку.

Почему Контроль безопасности согласился на этот скоростной рывок в космос? Не только потому, что доводы Ольсена показались убедительными. Сыграло роль и другое соображение: сверхскоростной снаряд способен достичь Венеры и на большем ее удалении от Земли. Значит, если расчеты инженеров оправдаются и полет пройдет удачно, а конструкторы убеждены в этом, то в экстренном случае на Венеру могут быть впоследствии посланы люди и до истече-

ния трех с половиной лет. Соображение веское! Тридцать семь человек в случае нужды смогут получить помощь с Земли.

Ольсен думает о том, что произойдет, если расчеты инженеров не оправдаются. Тогда это долговязое сооружение здорово его подведет. Конечно, по правилам полагается сначала испытать ракету в посадке без человека. Но нет времени. Да и не первый день человечество занимается конструированием космических снарядов.

Ольсен смотрит на часы. Еще много работы. Не все корабли загружены. Некоторые грузы прибывают в самый последний момент. Проклятая астрономия! Нет возможности заблаговременно, не спеша, все обстоятельно подготовить и тысячу раз проверить. «Техника отстает, — думает он. — Новейшие корабли привязаны к твердым орбитам, как и самые первые. Когда-нибудь будет же человек летать, когда захочет и куда захочет?!»

Они спускаются вниз. Ольсен садится за стол, вызывает заводы.

7

Вот он, наконец, долгожданный миг! «Невиданная по масштабам межпланетная операция!», «Первое постоянное поселение людей на Венере!», «Космический флот стартует!» Заголовки и сообщения газет и радио подчеркивают значимость события. Телепередачи показывают во всех деталях этот исторический шаг человечества. Когда-нибудь этот день будет занесен и в анналы венерианцев.

Ольсен с ближайшими помощниками — на командном пункте в Лунограде. На экранах они видят сразу все, что происходит в их огромном хозяйстве.

То с одного, то с другого космодрома стоявший с краю корабль вдруг трогался с места: не сразу набирая высоту, он висел некоторое время в пространстве, окутанный клубами дыма и пыли, потом с быстро возрастающей скоростью устремлялся ввысь. Огненный султан был виден и после того, как сам ко-

рабль исчезал. Он уменьшался, превращался в светлую точку и таял.

— Тридцать четвертый идет по курсу, — докладывала Пулковская радаробсерватория.

— Приборы показывают отклонение тридцать пятого — три десяти тысячных, — сообщала станция приема радиодонесений на Луне. — Отклонение уменьшается, — добавляла она. — Тридцать пятый идет по своей орбите.

Ольсену не приходится даже шевелить пальцами. Он сидит и смотрит. Слушает, потом вызывает ведущего инженера по космонавтике:

— Почему корабли не сразу ложатся на маршрут? У половины отклонения в самом начале.

— Это предусмотрено, — успокаивает его мягкий голос. — Прицеливание прямо с места старта очень трудно. Тем более на такой дистанции. Мы усилили управляющие полетом устройства. Так вернее. Наши «пули» летят тем точнее, чем ближе к цели. Что вы волнуетесь? — добавляет инженер уже неофициально. — Ведь пристрелочные ракеты вышли на орбиты очень точно. Они подведут корабли к месту посадки. Лишь бы те не вышли из зоны наведения. Но этого не может случиться.

Ольсен все же волнуется. Сейчас, когда он почти ничего уже не может предпринять, он начинает испытывать нечто вроде лихорадки. Тот самый Ольсен, которого назначили на этот пост за несокрушимое хладнокровие и выдержку! Только работа может вернуть ему нормальное состояние. И он уходит в тысячи дел, готовя каждый корабль к отправке как родного сына. Конечно, это уже второстепенные заботы. Вроде: «Застегни воротник, а то простудишься!» Главное определено. Железный график действует, и корабли в заранее разработанном порядке то там, то здесь срываются в космос. Он словно стоит у гигантского конвейера, движение которого не в силах изменить.

Первыми после прицельных ракет ушли пассажирские корабли. Люди улетали весело, счастливо возбужденные, довольные предстоящим делом, тем, что

выбор пал на них. Меньше всего они думали об опасностях в полете. Там, на Венере, да. Глаза их разгорались от предвкушения неизведанного, с которым они встретятся на нехоженных тропах далекой планеты. В пути же все пройдет как надо. Ведь тысячи людей готовили ракеты, рассчитывали и регулировали каждый винт.

— На ребят Ольсена можно положиться!

О, сколько раз он слышал эту фразу! Ольсен чувствует, как испарина выступает у него на лбу. Слабость? Ощущение ответственности знакомо ему. Может быть, просто устал.

Корабли уходят в космос...

Восьмой день группа Ольсена, да и он сам не отлучаются от своих рабочих мест. Отдых, чтение, спорт, беседы на посторонние темы — ничего этого они не знают. Только сон: три часа в сутки, строго регламентированные, контролируемые электрическим прибором. Без сновидений, без мыслей — полный отдых мозгу. Они сами точно находятся сейчас в ответственной экспедиции.

...Корабли уходят в космос.

— Все в порядке! Все в порядке! Все в порядке! — радуют, сообщают, доносят со всех сторон. Это все итоги работы, сделанной дружным коллективом «СК».

Пустеют космодромы. Поредевшие ракеты торчат, какobeliski, как памятники человеческому устремлению вперед. И чем больше кораблей уходит с космодромов, тем спокойнее на душе Ольсена. Инженеры «СК» успевают проанализировать старт первых, чтобы внести какие-то изменения в технику отправления последующих.

Последний грузовоз берет старт. Все испытывают облегчение: этот уже не сможет выкинуть никакого номера. На крайний случай в распоряжении организации «СК» есть запасные корабли с тем же грузом горючего.

Ольсен совещается с товарищами и принимает решение: все запасные грузовозы с горючим послать на Венеру. Зачем держать запас на Луне? Вдруг не

дойдет до цели или совершит неудачную посадку как раз корабль с горючим. Или часть горючего, предназначенного на обратный путь, подвергнется изменениям за те три с половиной года, что будет храниться на Венере. Пусть лучше запас будет там.

Все. Теперь Ольсен абсолютно спокоен.

В таком состоянии он покидает командный пункт. Неплохо немного размяться. Он выключает механизм движущейся ленты и идет по коридору. Ему кажется в этот миг, что забота об экономии сил людей на Луне доходит до смешного. Точно какой-нибудь местный Ольсен постарался.

...Проходят сутки. И снова он шагает, но теперь уже не спеша, наслаждаясь, точно смакуя каждое свое движение. Нескоро ему придется так работать ногами: в сверхскоростной ракете никаких удобств — по сравнению, конечно, с теми комфортабельными кораблями, на которых улетела Девятая. Испытательная ракета только в самый последний момент приспособлена для перевозки человека. Даже маршрут ее, подготовленный давно, изменили лишь частично.

В вестибюле вокзала он выпивает, не торопясь, бокал лунного коктейля. Ощущение радости жизни обрушивается на него, как дождь. Ему хочется танцевать. Все отлично!

Провожжающие окружают Ольсена. Все хотят пожать ему руку, сейчас, пока это еще можно сделать по-земному, ощутив теплоту человеческих пальцев. Григорян, Сорокин, Алик, во взгляде которого Ольсен читает нескрываемое восхищение... Кажется, в глазах этого мальчика он, Ольсен, выглядит сейчас героем — по всем законам юношеской романтики.

Все садятся в лунолет. Конечно, приходится надевать скафандры. Кратковременное путешествие в недалекое прошлое. Что поделаешь! Лунолет мчится рывками, подпрыгивая на невидимых ухабах. Взбрыкнув в последний раз, он как вкопанный останавливается у эстакады. Лифт поднимает всех на узенькую площадку с перилами в виде решетки.

Нужно пройти по ней вдоль ракеты, уложенной на эстакаде, туда, к головной части. Спутники Ольсена

осторожно ведут его, словно он какое-нибудь хрупкое создание. Он кротко выслушивает последние предостережения, последние наставления. Ольсен улыбается. За этот полет отвечают другие — вот эти милые сердечные люди, что так беспокоятся и явно волнуются. Это первый в его жизни полет, который его лично совершенно не беспокоит.

Уже в кабине, без скафандра, сидя в кресле, он вспоминает, что забыл сказать об одной интересной идее Коробову. «Впрочем, успею, — думает он тут же. — Ведь я раньше него окажусь на Венере. Удивительная это вещь — современная техника! — приходит ему в голову. — Получается что-то вроде путешествия во времени».

— Приготовиться! — раздается спокойный голос.

Кресло, в котором он сидит, начинает запрокидываться, разгибаясь в могучих шарнирах, мягкие обхваты настойчиво придают телу Ольсена нужное положение. Он лежит на пружинном плоту, плавающем на чем-то. Залп!

Ему кажется, что ракета соскользнула с эстакады и падает в бездонную пропасть. Секунда, другая...

Страшная сила вдруг вдавливает его в пружины кресла. В глазах Ольсена идут круги. «Как же собаки?» — мелькает в его мозгу, и он теряет сознание. Он приходит в себя лишь после того, как сработала последняя стартовая ступень. Прозрачная туба с каким-то напитком оказывается около его губ. Он жадно пьет. Ольсен все еще лежит. «Собаки проходили тренировку, — мелькает в его мозгу окончание мысли, которая беспокоила его. — И, конечно, более основательную, чем я». Наконец он соображает, что плот так и не превратится в кресло, если не нажать какую-то кнопку. Он отдыхает еще с полчаса и нажимает ее.

Все. Он сидит в кресле. Ракета мчится со страшной скоростью, развитой в результате тройного толчка. Потом будут еще толчки, еще ускорения. Но это впереди. У ракеты необычный маршрут: она сначала удаляется от Солнца, а потом летит к Венере. Ведь

это испытательная ракета, и она выполняет свою программу. Повороты в космосе и на больших скоростях — это еще предстоит испытать Ольсену.

...Гаснет свет. Открывается металлическая заслонка, и круглый луч врывается в ракету через иллюминатор. Он совсем маленький. Чуть меньше человеческого лица. Ольсен прикидывает к окошку в мир.

Земли не видно. Она где-то позади. Солнце сбоку. Его лучи сияют на остром носу ракеты, который можно увидеть, если прижаться плотнее к иллюминатору и скосить глаза.

Но что это там впереди? Звездочка. Сверкающая, быстро приближающаяся. Ольсен не может нагнать ракеты, отправленные им на Венеру. Они идут по другим трассам. Что же это такое?

Звездочка летит прямо на Ольсена. Метеорит? Вот это нечто сверкает прямо перед глазами Ольсена. И тут Ольсен начинает понимать, что это нечто вовсе не летит навстречу, он, Ольсен, нагоняет его, и второе... Ну, конечно же. Сердце у Ольсена подпрыгивает и начинает стучать взволнованно-торжественно... Какая встреча! Первая ракета, чуть ли не сто лет назад запущенная людьми в космос, — первая искусственная планета. Она продолжает свой путь вокруг Солнца, вечный памятник дерзновенной человеческой мысли. Первая и непревзойденная, какие бы ракеты ни создавались после.

В технике ли, в жизни ли людей первый шаг всегда самый трудный. Первая страна социализма послала эту планету. И она как бы вознесла над миром слово: «Коммунизм».

И вот оно пришло, грядущее! Какое удачное совпадение: рейс скоростной ракеты на Венеру совпал с приближением к Земле первой планеты, созданной людьми. Сверкнув в глазах Ольсена и исчезнув, она словно передала ему напутствие людей, чьими усилиями создан весь тот мир, в котором живут Ольсен и миллиарды его современников.

Минуто, другую Ольсен охвачен глубоким раз-

думьем. Никогда еще он не чувствовал так остро ход истории. Романтика? Значит, все-таки она есть, эта романтика!

Наконец Ольсен словно приходит в себя. Он видит за стеклом иллюминатора опустевшее пространство. Внутри кабины полумрак. Он включает свет.

«Надо посоветоваться с Коробовым, — сообщает Ольсен. — Может быть, часть грузовозов оставить на Венере. Ведь наверняка будут разные материалы, добытые экспедицией за три с половиной года. Надо их как-то перебрасывать. Да и вообще, пожалуй, гонять корабли порожняком не очень здорово. Надо их все загрузить, — решает он, — оставить все на Венере. Но ведь тогда, — думает он тут же, — придется организовать старт с Венеры. Сделать это должен кто-то опытный в таких делах. Гм! Не остаться ли на Венере? Или прилететь снова на сверхскоростной незадолго перед стартом?»

Сидеть в бездействии он, Ольсен, не может. Надо обдумать все. Сверхскоростная ракета превращается для Ольсена в рабочий кабинет. Он работает, изредка выключая свет и поглядывая в окошко. Звезды смотрят на человека, словно удивляясь, что он тут делает.

Знают ли они, что это один из разведчиков бесчисленной армии пытливых исследователей природы с планеты Земля?

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРУГЛОГОЛОВЫХ

Кулу закричала так, что у всех зазвенело в ушах. Она словно звала подмогу с неба, а потом выпустила ослепительный хвост, на который больно было смотреть. Даже старому Хц стало страшно. Что касается остальных, то все присели, выронив из рук летающие жала. Быр, самый сильный, охватил голову лапами и зажмурился. Это было так же страшно, как тогда, когда кулу впервые появилась из облаков. Тогда охотники попрятались в воду и долго боялись высовывать головы.

Кулу исчезла в облаках. Ее громкий плач сначала еще был слышен, багровое пятно светилось, бледнея на облачном небе, потом все пропало. Охотники вскочили и, издавая крики ликования, принялись приплясывать. Победа! Пришельцы — круглоголовые — испугались хитрых, смелых, сильных охотников. А небесная кулу, о толстую кожу которой ломались самые острые летающие жала, все-таки была ранена; потому она и кричала.

Они еще некоторое время ходили по холму, на котором стояла кулу, и разглядывали следы, отпечатавшиеся на влажной почве. В том месте, которого коснулось дыхание небесной кулу, бурая земля спеклась и стала твердой, как камень. Охотники подобрли свои летающие жала.

Вдруг Хц увидел в руках Лоо блестящую кость. Это была та кость, которая метала молнии, когда ею размахивал один из круглоголовых. Лоо уже пытался один раз завладеть ею, но она укусила его. Теперь он опять вертел ее в руках.

— Волшебная кость, — сказал Лоо.

— Дай, — приказал Хц.

■ Но Лоо не спешил расставаться с находкой.

— Дай, — повторил Хц и длинной своей лапой ухватился за кость.

Лоо, вместо того чтобы разжать пальцы, потянул кость к себе. Он был сильнее.

— Ха! — раздался всеобщий возглас ужаса. Никто никогда не пускал в ход силу против Хц.

Быр бросился к Лоо, чтобы отнять кость. Синяя молния блеснула ему навстречу. Быр упал. Молния задела еще двоих.

Пальцы Лоо ослабли, и Хц выдернул кость. Он тихонько погладил ее, чтобы она не сердилась больше, и приказал всем собираться. Однако прошло довольно много времени, прежде чем Быр сумел стать на ноги. Дрожь прошла по его телу, мышцы словно просыпались от глубокого сна.

По дороге к Большим пещерам Лоо все время оглядывался в сторону холма. Это раздражало Хц. Вообще поведение Лоо вызывало у него острое не-

довольство. Лоо прервал речь, которую Хц держал к сородичам, когда узнал, что появились круглоголовые. Потом он самовольно вышел из кустов, хотя Хц приказал всем охотникам сидеть в засаде. И вот опять!

Когда пришли к Большим пещерам, Хц принялся рассказывать, как прогнали круглоголовых. Он жестикулировал, изображал крайнее презрение, описывая круглоголовых, и выпрямлялся с гордым видом, когда речь шла о подвигах охотников. Показывая, как охотники сидели в засаде, он оттопыривал клапаны носа и жадно втягивал в себя воображаемые запахи. Потом делал скачок вперед и взмахивал рукой, словно кидал летающее жало.

Лоо, конечно, не утерпел и снова вмешался.

— Небесная кулу, — бормотал он. — Небесные коу.

Хц хотел оборвать его, но раздумал и промолчал: пусть все смотрят. Пусть увидят, какой это жалкий невежда.

— Они вернутся! — выкрикнул вдруг Лоо. — Небесные коу вернутся!

— Ха, — сказал Хц с презрением. — Они не вернутся.

И все повторили с презрением:

— Ха!

Лоо почувствовал, что это «ха!» обращено и против него. Хитрый Хц, он нарочно так подстроил!

Но в самом деле, почему Лоо решил, что круглоголовые вернутся? Он вряд ли сам знал почему. Скорее всего ему просто хотелось, чтобы так было.

Хц между тем заканчивал рассказ. Даже охотники, принимавшие участие в схватке с круглоголовыми, слушали с интересом, узнавая много нового для себя. Каждый помнил лишь то, что случилось с ним, а общего хода схватки большинство не представляло. Хц видел все: он распоряжался сражением, наблюдая со стороны.

Только Лоо казалось, что все было не так, как рассказывает Хц. Наоборот: охотники набросились на пришельцев и по команде Хц стали бросать ле-

тающие жала. Ни одно жало не вернулось обратно. Хц говорит: потому что дикие круглоголовые не умеют обращаться с летающими жалами. Правда, они метали молнии, но ни одна из них не поразила нападающих. Молнии сверкали над головами охотников, словно напоминая, что небесные коу могут и рассердиться. Небесная кость укусила охотников только после того, как попала к ним в руки. Значит, ей не понравилось здесь, она хотела вернуться к небесным людям.

Случившееся было так не похоже на повседневную жизнь Лоо и его сородичей! Жаль только, что Лоо слишком недолго видел круглоголовых. Он хотел бы рассмотреть их получше. Все это смутно шевелилось в его голове. Но он не знал, как высказать свои мысли, и продолжал беспомощно переступать с ноги на ногу.

В глазах остальных все выглядело гораздо проще.

Те, что находились у Больших пещер, вообще ничего не видели. Охотники же, принимавшие участие в схватке, без раздумий приняли толкования Хц. Это были сильные люди, может быть, самые крепкие среди остальных, но они охотно предоставляли старому, хитрому Хц думать за них.

А Лоо хотел думать сам. Он даже потер свою обросшую гладкой шерстью голову, в которой, словно кичи, втягивающие и выпускающие свои щупальца на дне мутной лужи, копошились неясные образы.

Лоо теперь много думал. Он сам удивлялся мыслям, которые стали приходить ему в голову. Так, он вдруг снова подумал: а почему Хц взял волшебную кость и носит ее с собой? Ведь нашел ее Лоо. И кость, когда ее стали отнимать у Лоо, укусила не его, а Быра и других охотников. Значит, ей понравилось быть у Лоо.

Все были заняты углублением пещер. Одни рыли мягкую глину, другие выносили ее. Взамен прикатывали камни с озера и укладывали вдоль стен.

Хц — он теперь проявлял повышенный интерес к молодому охотнику — приказал Лоо лезть в самый

дальний, самый низкий и темный конец большой пещеры. Пусть Лоо копает там.

Лоо не боялся синей глины, хотя случалось не раз, что она, дохнув так, что шерсть вставала дыбом, клала тяжелую лапу на спины копающих. От этого седой Мбаэ давно ходит с погнутой спиной. А некоторых выкапывали из синей глины уже холодными. Синяя глина забирала у них жизнь.

Но последнее время Лоо не хотелось слушаться Хц. Почему надо исполнять то, что он приказывает?

Почему Лоо не может сказать Хц: пойди и копай в том углу?

Лоо вдруг сказал:

— Отдай кость!

— Кость? — удивился Хц. И, догадавшись, в чем дело, спокойно ответил: — Кость волшебная. Она принадлежит мне.

Трое или четверо, услышав разговор, кивнули головой.

Нет, никогда никто не будет слушать Лоо.

Хц между тем поднял руку, и все послушно остановились.

— Он боится! — сказал Хц, ткнув костлявой ручищей в грудь Лоо.

— Ха! — Лохматые, толстоногие, с согнутыми спинами сородичи Лоо уставились на него круглыми, неморгающими глазами.

Точно какая-то сила выпрямила Лоо. Он поднял голову так, что видел теперь только облака, сияющие розовым и фиолетовым. Ни на кого не глядя, он пошел к пещере, разинувшей навстречу ему свой зев. Он шел так, не сгибаясь, пока голова его не уперлась в потолок. Тогда он опустился на четвереньки (только при рытье пещер разрешалось это унижительное положение) и пополз в глубь самого длинного ответвления. После нескольких поворотов Лоо очутился в полной тьме и в такой тесноте, что едва мог пошевелиться. Он принялся копать, запуская растопыренные пальцы в мягкую глину.

Он копал, ни о чем уже не думая. Вдруг глина позади него тяжело вздохнула, и он почувствовал,

что кто-то дунул ему в спину против шерсти. Ему стало трудно дышать. Он даже не мог обернуться, чтобы узнать, что случилось. Да это и не было нужно. Комочки сырой глины с тихим шорохом сыпались еще некоторое время позади. В ужасе Лоо рванулся вперед и уперся головой в ту же глину.

Лоо хотел крикнуть, но крика не было. Голос тоже словно уперся в глину. Тогда Лоо принялся яростно копать. Несколько раз он дергал ноги, чтобы продвинуться вперед, но сзади их кто-то крепко держал. Наконец он рванулся всем телом, одна нога с громким чавкающим звуком освободилась. Он уперся ею в какой-то выступ и, напрягая все силы, медленно вытащил из вязкого плена вторую ногу.

Он прополз немногим больше длины локтя, как впереди снова оказалась липкая стена. Дышать стало совсем тяжело. Он скреб когтями, но не мог отколупнуть ни крошки. Потом все исчезло.

2

Все видели, как Лоо вошел в пещеру. Когда двое или трое пошли следом, чтобы уносить выкопанную глину, Лоо в пещере не оказалось. Хц запретил искать его. Он сказал, что бездельник Лоо, не желая работать, ушел в глубь горы.

Стены пещеры обкладывали большими камнями, такими большими, что лишь силачи, соединившись по двое или трое, могли сдвинуть их с места.

Хц торопил. К началу Больших дождей все должно быть закончено.

Первый ливень хлынул, когда оставалось доделать совсем пустяки. Никто не боялся воды. Но не раз случалось во время грозы, что упавшее дерево убивало кого-нибудь или охотника задевала молния, оброненная небесными коу. Поэтому все залезли в пещеры.

В самой большой из них собралось охотников двадцать, а может быть, и больше (дальше двадцати умел считать только Хц). Усевшись вокруг Хц, об-

хватив руками колени и положив на них широкие подбородки, они смотрели на входное отверстие, где вспыхивала завеса воды, освещаемая молниями. Грохот почти не умолкал. В короткие паузы слышались шум дождя, всхлипывание и стоны: почва с наслаждением купалась в воде.

И тут появился Лоо. Он внезапно вырос у входа, вымазанный глиной, со слипшейся шерстью.

Все увидели его при вспышке молнии.

— Ха! — воскликнули все.

Снова вспыхнула молния, но Лоо пропал, может быть, ушел под дождь.

Хц встал с места, но в это время все снова увидели Лоо.

— Ха! — воскликнули сидевшие в пещере с удивлением и почти с ужасом.

Молния ударила где-то совсем рядом. Мокрый и блестящий, выпрямившийся во весь рост, Лоо казался красивым и сильным рядом со старым Хц. Свет померк, и все чуть не оглохло от грохота, хотя многие по привычке закрыли клапаны ушей.

При следующей вспышке все смотрели на Лоо, а не на Хц.

Лоо стоял молча, в голове его, словно при блеске молнии, проносилось пережитое. Вот он охотится на кулу. Хочет взмахнуть рукой, чтобы бросить летающее жало, и не может. Кто-то невидимый и сильный держит его за руку. Он выдергивает ее и с ужасом чувствует, что лежит закопанный. Что это — продолжение сна? Тяжело дышать, кто-то сел на грудь, сдавливает горло. Вдруг Лоо понимает все: пещера, синяя глина! Что-то холодное, влажное касается его лица, медленно вытирает его. Лоо приятно, он в полусознании. Потом свежий воздух совсем слабым дуновением доходит откуда-то, и Лоо начинает приходить в себя.

Машинальным движением руки он хватается влажное и скользкое, тянет к себе. Упругое, но в то же время мягкое и податливое тело старается ускользнуть. В Лоо пробуждается инстинкт охотника. Он обеими руками вытаскивает ушедшего в земляную

нору длинного, в рост Лоо, и толстого, как его рука, шоши. Ход, который тот проделал в глине, пробираясь сюда с поверхности, спас Лоо. Он может теперь дышать. Но шоши можно съесть. Лоо разорвал шоши на много кусков.

Подкрепившись, Лоо снова принялся копать. Прошло довольно много времени, прежде чем он догадался, что копает в глубь горы. Зато с того момента, когда он с трудом повернулся в тесноте и начал вести ход в противоположном направлении, Лоо почувствовал в себе новую силу, более могучую, чем сила его рук и ног. Это была сила крепнущего разума. Ведь никто не мог дать ему здесь совета. Никто не приказывал: он додумался до всего сам.

Когда, наконец, он выбрался наружу, все окутывал мрак, густой, словно синяя глина. За грохотом молний и шумом дождя его шагов никто не слышал. Его увидели только, когда он тенью возник у входа. О, с каким упоением подставил он тело под струи воды! Открыв клапаны ноздрей, он жадно втягивал запахи мокрой земли и дождевых капель.

И вот он стоит перед своими сородичами.

Как много мог бы рассказать Лоо! Но, вероятно, даже у самого Хц не хватило бы слов. А у Лоо их еще меньше: смущенный и подавленный, он переступает с ноги на ногу. Потом при свете молнии он видит Хц. И снова неожиданно для самого себя произносит:

— Отдай кость!

Все смотрят на Хц. Смотрят так, словно он должен выполнить требование Лоо.

Хц понимает. Он говорит:

— Возьми!

И отдает кость.

За всю свою долгую жизнь Хц не знал случая, чтобы небесные коу теряли волшебную кость. И он не слышал ни о чем подобном от тех, кто были стариками до него. Но теперь, раз уж так произошло, небесные коу, конечно, не успокоятся, пока не получат кость обратно. Круглоголовым она досталась случайно, и те не могли удержать ее: кость серди-

лась, гремела и метала молнии. Потом ею завладел Лоо и поплатился. Когда Лоо упал от удара молнии, Хц, наблюдавший из засады в кустах, решил, что наглецу пришел конец. И был рад. Но Лоо очнулся. Он здоров и крепок, как молодая кулу. Ну что ж, пусть он теперь накликает снова гнев небесных коу на свою упрямую голову.

Хц повеселел. Но все глядели на Лоо с таким почтением, что хорошее настроение вожака сразу пропало.

— Вернувшийся из горы, — перешептывались вокруг с оттенком страха и уважения.

С этого дня отношения между Лоо и Хц совсем изменились. Лоо не повиновался приказаниям Хц и делал только то, что хотел. Правда, по привычке он продолжал принимать участие в общей работе. Но порой Лоо вдруг останавливался и подолгу стоял, не видя, не слыша, не замечая ничего вокруг. Он морщил кожу на голове, словно отгонял насекомых, и тер ее могучей рукой, словно после ушиба, и можно было догадаться, что он напряженно думает. О чем? Хц с невольным страхом следил за Лоо. Но тот, очнувшись, с удивленным видом смотрел вокруг себя, затем присоединялся к остальным. И еще заметил старый Хц: Лоо теперь ничего не боялся. Конечно, были и другие смелые охотники, но смелость Лоо была какой-то иной. И она не нравилась старому Хц.

Постепенно все начали забывать о встрече с круглоголовыми. Их прогнали, они позорно бежали. Но круглоголовые напомнили о себе через три времени Больших дождей.

Все находились у пещер, когда в облаках раздался страшный прохот. Казалось, сейчас обрушится небо. Небесная кулу вылетела из облаков, длинная, гораздо длиннее той, первой, и промчалась низко, прямо над пещерами. Она исчезла в зарослях, окружавших Большую воду, и тут голос ее изменился. Она ревела за лесом, словно ушиблась обо что-то, потом стала захлебываться, заворчала и умолкла.

Хц нахмурился.

— Они вернулись, — озабоченно сказал он. — Они вернулись, чтобы напасть на нас.

И он запретил всем отходить от пещер. Ведь в далеком прошлом было уже так, что охотники Хц поссорились с другими двуногими и те напали на них. Хц и его сородичам пришлось удалиться, хотя те, другие, были пришельцы. Так они очутились здесь, у Больших пещер.

...Прошло немного времени, и снова дикий рев разнесся по окрестностям. Все поняли, что это другая кулу, потому что голос у нее был другой. Эта не редела, а визжала, и она тоже вскоре замолкла, как и первая. Ее никто не видел, но голос был слышен в той же стороне, где исчезла первая кулу. Может, она звала первую? Хц послал двух охотников посмотреть, что делают небесные кулу.

Лоо, не спрашивая позволения, отправился тоже.

Они шли долго, прежде чем увидели небесную кулу. Она уткнулась носом в воду, торчала только задняя половина. Далеко, там, где небо сходилось с болотом, виднелась другая кулу, казавшаяся отсюда маленькой. Эта, наоборот, хвостом ушла в почву, а морда ее смотрела в облака.

Пока охотники, стоя на вершине холма, разглядывали обеих кулу, послышался новый грохот. Из облаков выскочила еще одна кулу и врезалась в глину. Она продолжала реветь не умолкая. Потом толчками стала все глубже впихиваться в мягкую, разбухшую почву. Под конец длинный, нестерпимо светящийся хвост протянулся до самых облаков, оставшаяся снаружи часть кулу с грохотом разметалась во все стороны, и все стихло. Только шипел кусок кулу, упавший в лужу, неподалеку от охотников. Охотники стояли, окаменев от страха.

Из воды, неподалеку от того места, где упал другой обломок, выскочила обыкновенная кулу. Опираясь на массивный зад, она посидела немного, повертела маленькой головкой на длинной шее. Потом, переваливаясь на толстых, как бревна, задних ногах, поспешила подальше от опасного места. Огромная

по сравнению с охотниками, она казалась совсем маленькой против небесных кулу.

Глядя на улепетывающую кулу, охотники почувствовали, что она показывает им, что надо делать. Торопливо подобрав летающие жала, они побежали прямо по ее следам, отпечатавшимся на сырой глине. Кулу добралась до воды, плюхнулась в нее с размаху, поднимая волны и брызги, села на дно и высушила наружу маленькую голову, похожую на бутон гигантского цветка.

Охотники поплыли к дому.

3

— По-прежнему никаких сигналов от Ольсена, — коротко сообщил Гарги.

— А ракеты — станции наведения?

— Одна, видимо, разбилась. Четыре действуют. Еще одну, которая села слишком далеко от остальных, мы выключили.

Коробов подумал с минуту.

— Переведите одну из четырех в запас. Трех достаточно для посадки.

Нгарроба взглянул через иллюминатор.

— Что-то там не так, — заметил он. — Прошлый раз мы садились лучше.

— Положим, и тогда не прошло гладко. — Коробов пожал плечами. — Кроме того, мы садились на планету вообще. В средних широтах — и все. А сейчас ищем место с точным адресом. И прибываем не одни, а целым караваном, с багажом в сотне грузовых ракет.

— Да, идея открыть на Венере постоянную научную станцию грандиозна, — задумчиво произнес Гарги. — И по масштабам и по смелости. А помните, Нгарроба, как вы хотели захватить одного из обитателей Венеры, того малого, что завладел электропи- столетом Коробова, и привезти его на Землю?

— Ну что ж, — откликнулся Нгарроба, — это было тоже смелое решение. Но вы меня удержали. —

Он рассмеялся. — А хотел бы я с ним встретиться еще. Прошлый раз полного взаимопонимания с жителями Венеры мы не достигли, надо сознаться.

С лица Коробова не сходило выражение озабоченности. Ольсен, отправивший всю армаду в путь и вылетевший затем на сверхскоростной ракете, чтобы прибыть на Венеру первым, молчал вторые сутки. Конечно, связь в районе Венеры капризная. Но сигналы автоматических станций наведения, заброшенных на планету, доходят до головного пассажирского корабля.

Каждые десять минут дежурный докладывает обстановку. Но что может изменить сейчас начальник экспедиции? Автоматы подведут корабль почти вплотную к цели — лишь самые последние сотни или тысячи метров он будет сам управлять кораблем.

Коробов смотрел на планету, медленно вырастающую на черном небе. Часть неба, видимая в иллюминатор, все уменьшалась. Наконец лишь темный ободок окружил ярко-голубой диск планеты. Затем ее сияние заполнило все окно. Включили оптические фильтры. На поверхности стали видны светлые и темные пятна, застывшие завихрения. Медленно перемещались облачные образования.

Тонкий долгожданный писк. Локаторы нащупали металлическое тело.

— Считайте, — голос Коробова звучит сухо.

— Одна, две, три... — докладывает дежурный.

— Шесть!

Молчание. Дежурный начинает считать заново.

— Шесть, — повторяет он, — шесть.

— Одна из пристрелочных отлетела далеко, — говорит кто-то успокаивающе. — Локатор мог не нащупать ее. Тогда счет сходится.

— Начинаем торможение, — вмешивается равнодушный голос автомата. — Все по местам.

Коробов расслабляет мускулы и погружается в полузабытье. Очень хитрое искусственное полузабытье: десятки приборов, размещенных в одежде, следят за пульсом, кровообращением, положением внутренних органов, состоянием организма. И не

просто следят, а принимают меры, чтобы сохранить условия биологического равновесия. Прошли времена, когда человек безоружный встречал страшную силу, которая сплющивала его, вдавливая в кресло, путала сознание. Первые полеты в космосе были поистине героическими. На этом мысль Коробова застопоривается. Электрогипноз делает свое дело.

Проходит какое-то время, не ощущаемое Коробовым, но строго отмеренное приборами, и в точно назначенное мгновение они снимают забытие.

Никакой перегрузки нет. Он свободно двигает руками и может ходить.

— Берите управление в свои руки, — говорит автомат.

Корабль висит в воздухе. Тормозные двигатели уравнивают его. В иллюминаторах ничего не различить. Лиловый кисель, сплошная облачность.

Положив пальцы на клавиатуру управления, Коробов медленно перемещает корабль. По экрану локатора ползет поверхность суши с языками заливов, пятнами зарослей, невысокими холмами. Вырисовывается предмет чуждых для живой природы строгих геометрических очертаний.

Ракета наведения!

Теперь Коробов ведет корабль в другую сторону. Опять ракета.

Так же методично Коробов разыскивает третью космическую станцию наведения. Автоматы привели межпланетный корабль точно в центр образованного ими треугольника. Но не это занимает Коробова.

— Где ракета Ольсена?

— Надо делать посадку, — замечает Сун-лин. — Корабли, которые идут следом, не смогут финишировать, пока мы не сядем.

Туман в иллюминаторах исчезает. Свет, рассеянный, но яркий, озаряет бурю поверхность планеты. Вода отсвечивает сиреневым.

Но тут автоматы, видимо решив, что дали людям достаточно времени действовать самостоятельно, снова берут управление.

— Девяносто девять, — объявляет холодный голос, — девяносто восемь, девяносто семь...

— Дифферент — шестьдесят пять градусов, — сообщает другой.

— Пора выпускать шасси, — подсказывает третий.

— Задняя пара выпущена, — докладывает четвертый.

Автоматы правы. Сажать корабль — их дело.

Легкий, чуть заметный толчок. Кормовые ноги коснулись грунта. Сейчас ракета опирается на пару длинных кормовых ног. Потом она, все больше наклоняя нос к линии горизонта, выпускает пару за парой растопыренные в стороны ноги. Некоторые проваливаются слишком глубоко. Ракета выдвигает их тогда на опасную длину. Другие, наоборот, она укорачивает. Но вот, наконец, корабль стоит строго горизонтально, похожий на многоножку, только с ногами разной длины.

Один за другим, надев скафандры, люди выходят наружу.

Откидывается грузовой люк, и под брюхом космического корабля появляется нечто напоминающее гигантскую черепаху.

«Лучший вездеход для Венеры, — рекомендовал его Ольсен. — Не боится синей глины».

Ох, уж эта синяя глина! Она дала себя знать первым исследователям планеты. Если на Марсе песок проваливался и осыпался под гусеницами, то здесь они скользили в сырой массе, похожей на мыло. Вездеходы часто не могли взять даже небольшого подъема. Теперь «черепаха» повезет космонавтов на розыски Ольсена.

Ветер, налетавший порывами, взлопачивал водную поверхность залива и заставлял людей пригибаться.

— Горин, вылетайте на разведку! — распорядился Коробов. — Возьмите вихрелет. На вибролете вас сдует, как бабочку.

В «черепаху» сели пятеро.

— Инструмент, — напомнил Сун-ли.

«Шанцевый» инструмент — очередная выдумка Ольсена. Космический корабль не всегда садится удачно — иногда приходится выравнивать грунт, чтобы установить его как следует; и при вылете случается нужда в такой работе.

С корабля, из открытого люка, оставшийся вахтенным Лыков сбросил землеройные приборы вместе с тонким гибким кабелем. Нгарроба запихнул их в багажник «черепахи».

Вихрелет круто взмыл и пошел против ветра на стометровой высоте.

4

«Черепаха» зашевелила лапами с толстенными подушками присосов. В отличие от обычной черепахи она была шестиногой. Едва она пришла в движение, как позади корпуса забили три мощные воздушные струи, и «черепаха» довольно быстро двинулась по болотистому грунту.

Длинный залив преградил ей путь. Она плюхнулась в воду и, не сбавляя хода, поплыла. В кормовой части вместо воздухометов теперь заработали водометы.

Едва выбравшись на берег, путешественники наткнулись на густые заросли.

Растения переплетались, словно гигантские проволочные заграждения, у которых «проволока» была толщиной в руку, а «колья» — в два-три обхвата. Местами они стояли густо, как забор, местами пересекали растительную паутину под всевозможными углами. Колючки самого разного размера, от штопальной иглы до штыка, торчали во все стороны.

Люди в кабине невольно поежились.

— Давай напрямик, — слышался голос Горина в шлемофонах. — Полоса зарослей неширока.

— Попробуем ножницы? — предложил Гарги.

Коробов кивнул.

— Сбавьте ход!

«Черепаха» теперь ковыляла на своих лапах с не-

уклюжестью настоящего животного. Гарги надел перчатки управления ножницами. Он протянул руку вперед, и, повторяя его движение, «черепаха» выдвинула огромную клешню с массивными двухметровыми кусачками на конце.

Гарги сделал движение пальцами, и ножницы перекусили ствол, словно прут. Левая клешня с зубчатой поверхностью, подчиняясь движениям левой руки Гарги, схватила откушенную часть ствола и бросила в сторону. «Черепаха» медленно протискивалась в выстригаемый ход.

— Вижу ракету, — раздался взволнованный голос Горина. — Она затонула. Из воды торчит хвост. Я один ничего не могу сделать. Спешите!

Легко сказать: спешите! Древесные кульяпки от состриженных стволов визжали, царапая борта. Наконец «черепаха» уткнулась в безнадежно спутанный клубок зарослей.

— Дайте я, — нетерпеливо сказал Нгарроба.

Гарги отдал перчатки. Однако сила Нгарробы не давала ему тут никакого преимущества. Гибкие и тренированные пальцы — больше ничего не требовалось. Механизмы, казалось, даже мешали Нгарробе: ему хотелось растолкать стволы своими могучими плечами. Растения стояли так плотно, что между ними не оставалось щелей. Ножницы не могли протиснуться, чтобы захватить стволы.

— Придется выжигать, — решил Коробов.

Нгарроба втянул клешни и снял перчатки.

В передней части «черепахи» стал медленно вращаться блестящий диск, из него вырывалось несколько тонких струй пламени.

— Наденьте очки, — предупредил Гарги.

Ослепительно белые струи прорезали сумрак чащи. Они прожигали стволы, как солому.

Люди наблюдали сквозь прозрачный фонарь, как вспыхивали ветви и раскаленными концами тыкались в «черепаху». Установленные по бортам разбрызгиватели сеяли туман, гасивший пламя. Сун-лин вел «черепаху» ускоренным ходом.

— Кончатся когда-нибудь заросли? — нервно сказал Гарги.

— Просто не понимаю, как местные жители про-
бираются в таких местах, — покачал головой Варгаш,
молчавший все время. Он впервые был на Венере.

— Судя по свидетельствам по воде, — отозвался Коробов.

Последний свидетель, обуглившись, упал под брюхо
«черепашки», и путешественники вырвались из зарос-
лей. Впереди простирался узкий заболоченный берег,
а дальше до самого горизонта тянулась водная
поверхность. На расстоянии двух-трех километров косо
торчал из воды хвост узкой и длинной ракеты. Над
ней кружил вихрь водометы, и «черепашка» поплы-

Сун-лин включил подбрасывали ее, но она плыла,
ла к ракете. Волны чьи лапами; это помогало ей удер-
перебирая по себе.

Вблизи ракеты напоминала покосившийся маяк.
Волны плескались об нее. Путешественники обошли
ракету со всех сторон. Она основательно ушла в во-
ду, а возможно, и в грунт носовой своей частью.

Вихрелет, словно ястреб, описывал в небе круги.

— Что видите? — спросил Коробов.

— Ни малейших признаков жизни, — ответил

Горин.

— Погружение! — скомандовал Коробов.

«Черепашка» стала опускаться. Она обходила раке-
ту, погружаясь с каждым витком все глубже. Ни ма-
лейшего лучика света не пробивалось изнутри космическо-
го корабля.

— Включите фары!

Темный корпус космического корабля засеребрил-
ся. Со дна поднялось темное тело, удивительно по-
хожее на «черепашку», в которой сидели путешествен-
ники. Существо размером со стол темно-зеленого
цвета медленно приближалось, сверкая большими зе-
леными глазами. Самое удивительное, что у него
оказалось шесть ног, как у металлической «родст-
венницы», а спереди виднелись клешни. Существо

постояло, медленно перебирая лапами, потом вдруг метнулось в сторону, причем путешественникам показалось, что сзади у него был водомет.

— А вы знаете, ведь это жук! — сказал Гарги.

— Ух! — Нгарроба передернул плечами. — Знаете, когда я был мальчишкой, мне пришла как-то в голову мысль: что было бы, если бы пауки, жуки и гусеницы стали величиной с теленка или корову? И вот, извольте, как раз такой экземпляр!

Сун-лин выключил лапы «черепахи». Теперь она плавно опускалась на дно. Облако мути все же поднялось, когда она коснулась грунта.

— Дно илистое, — заметил Нгарроба. — Не удивительно, что ракета ушла в него так глубоко.

— Понятно, почему не было сигналов Ольсена, — проворчал Варгаш. — Радиоволны не проходят сквозь воду. И он не может без нашей помощи выйти наружу.

— Попробуем откопать!

Достали инструменты и стали выбираться наружу.

Нгарроба опустил на илистое дно винт с большими лопастями и осью в виде штопора. Тот закрутился с бешеной скоростью и поднял целый вихрь. Вокруг винта быстро образовался кратер. Он рос в глубину и расширялся, а порождавший его винт все глубже и глубже вгрызался в дно.

Пелена мути повисла вокруг ракеты. Как сквозь туман, виднелся тускло поблескивающий в лучах фар корпус, все больше освобождавшийся от темной, обволакивающей его массы.

Время от времени путешественники передвигали свои орудия. Когда встречался твердый слой и механическая лопата его не брала, в дело пускали вибратором.

— Стоп! — скомандовал вдруг Коробов. — Выключить фары.

Взбаламученный ил медленно оседал. В яме, вырытой вокруг ракеты, тускло засветилось круглое пятнышко. Затем оно исчезло в падающих хлопьях грунта.

— Иллюминатор?

— А может быть, животное какое-нибудь? Здесь наверняка есть светящиеся твари.

Нгарроба подошел вплотную к ракете. Он выдержал вибролом и постучал изо всей силы твердым, как алмаз, концом по обшивке космического корабля. Затем приложил ухо. Сквозь многослойную оболочку не доносилось ни звука.

Вдруг послышался слабый скрежет. Нгарроба вздрогнул и тут же увидел жука, в точности похожего на прежнего, а может быть, того же самого. Жук выползал из-за округлости ракеты, запуская время от времени клешни в налипшие на ее поверхности комья.

Представитель местной фауны явился весьма нехвата. Африканец ткнул жука ломом. Тот быстро выкинул клешни, одной уцепился за лом, а другую протянул к Нгарробе. Клешня вполне могла отхватить руку, не говоря уже о том, что жуку ничего не стоило разорвать скафандр. Только сейчас Нгарроба подумал об опасности, которой они подвергаются здесь, на дне венерианского озера.

Сильный, как все жуки, подводный великан, вцепившись в лом, упорно тянул его к себе, яростно размахивая свободной клешней. Нгарроба рванул лом, жук мотнулся, как привязанный, но не выпустил добычи. Нгарроба невольно подтащил врага ближе. И клешня жука протянулась к скафандру.

— Даю ток, — спокойно предупредил Гарги. Он следил за борьбой в яме.

Вспыхнули фары. Острые лома, который Нгарроба держал за ручку, завибрировало. Жук мгновенно разжал клешню. В следующее мгновение подводное чудовище исчезло, словно растаяло в непроглядной бурой мгле.

В тот же момент Горин — с ним поддерживалась связь при помощи буя с антенной — сообщил, что видит вспышку пламени в одной из дюз.

— Сигналы! — закричал Нгарроба. — Сигналы!

— Сигнализация одной дюзой невозможна, — возразил Сун-лин, — они включаются попарно.

— Значит...

— Скорее всего замыкание проводов. При посадке порвалось что-нибудь. Мы расшевелили ракету. Смотрите, у нее и наклон стал другой...

Действительно, ракета стояла уже не так круто, как прежде.

— Нашел! — послышался голос Нгарробы. Он копошился на дне ямы, невидимый в пелене мути. — Антенна! Присоединяюсь.

В шлемофонах слышалось только сдавленное дыхание Нгарробы.

— Свет! — вдруг крикнул Гарги. — Снова свет!

Он бросился вперед и, сделав три шага, исчез в желтом тумане.

— Подползаю, — услышали его голос путешественники. — Это иллюминатор.

Наступила пауза.

— Вижу ногу. От ступни до колена. Нога неподвижна. Ой!

Огромный корпус ракеты сдвинулся с места. Затем корабль стал медленно валиться набок.

— Нгарроба! Гарги! — крикнул Сун-лин.

— Выключите инструменты! — распорядился Коробов.

— Включите ток! — раздался тотчас же голос Нгарробы. — Ах, черт!

— Что с вами? Где Гарги?

— Не могу двинуться с места. Меня засыпало почти до шеи. И на меня напал этот жук.

— Иду на помощь, — поспешно сказал Коробов. — Варгаш, постерегите «черепаху».

— Я тоже иду, — подхватил Сун-лин.

— Нгарроба! Гарги!

В ответ не раздавалось ни звука.

Нос корабля вырвался из грунта и, облепленный вязкой глиной, торчал над дном.

Что-то большое и неясное двигалось навстречу.

— Приготовьте оружие! — сказал Сун-лин.

Темная фигура вытянулась в вышину и оказалась Нгарробой.

— Почему вы молчите? — рассердился всегда невозмутимый Сун-лин. — Что это значит?

Сквозь прозрачный колпак они увидели, что губы Нгарробы шевелятся.

Вглядевшись, Сун-лин все понял:

— Эта бестия перекусила кабель.

Нгарроба тащил за собой, как рыбу на лесе, на обрывке провода, что соединял каждого с «черепахой», упирающегося огромного жука. У того, видимо, пропало всякое желание нападать, он пытался изо всех сил освободиться. Но провод опутал одну из клешней.

Когда Нгарроба подтянул водяного жителя поближе, стало видно, что вторая клешня у жука перебита и беспомощно свисает. Быстро вынув кинжал, Сун-лин перерезал «лесу», и жук с обрывком провода тотчас же удрал. Коробов присоединил кабель от телефона Нгарробы к своей катушке.

— Он вытащил меня из завала, — торопясь, начал рассказывать Нгарроба. — То есть он сначала напал на меня. Я дал ему по зубам. Вернее, по клешне. Виброломом. Кажется, парень уже знаком с этим инструментом, он сразу бросился бежать. Но запутался в проводе. Я, разумеется, не мог отдать ему имущество экспедиции, и он вынул меня из той пакости, в которой меня чуть было не похоронило.

— Удивительно сильная тварь! Где Гарги? Вот, кажется, его кабель...

Провод уходил под бок космического корабля.

— Осторожнее, — сказал Коробов. — Как бы эта чертова ракета опять не сдвинулась с места!

Нгарроба выключил вибролопату и принялся разбрасывать комья руками. Через минуту он появился из мглы, держа Гарги на руках.

— Его нужно немедленно доставить на корабль.

Нгарроба с Варгашем всплыли на поверхность и передали Гарги на вихрелет, который Горин спустил к воде. Горин включил вихрелет на полную скорость и помчался к кораблю.

Оставшиеся приступили к последней стадии спасательных работ. Из багажника «черепахи» извлекли тончайшие пластмассовые мешки, прилепили их к носовой части ракеты, присоединили к шлангу, а его с помощью буя вывели на поверхность.

— Мотор!

Заработал насос, и мешки стали наполняться венерианским «воздухом». Сначала они зашевелились, как водоросли, облепившие нос ракеты. Потом начали вырастать в объеме и приобретать округлую форму.

Корпус ракеты тронулся с места.

— Стоп! Иначе лопнут.

Ракета снова замерла.

— Надо подкопать грунт под кормовой частью.

Включили винт, и тот стал выметывать грунт. Что-то в точках опоры ракеты изменилось, и нос ее пополз кверху. Он даже высунулся из воды. Но теперь ракета застыла окончательно. Волны перекачивались через округлую, словно китовая спина, черную от окалины обшивку.

Устроили маленькое совещание. Люк все еще был под водой. Открыть его — значило впустить воду внутрь космического корабля.

В каком положении находился Ольсен, разглядеть не удавалось. Внутри ракеты все переместилось, крепло накренилось, и Ольсен, видимо, сполз с него.

— Не хватает, в сущности, пустякового усилия, — заметил Сун-лин. — Еще чуть-чуть — и люк выйдет наружу.

Тень упала на воду. Это Горин со своим вихрелем повис над местом работ.

— Ракета вдавила Гарги в грунт, и он чуть не задохся, — сообщил он. — Хорошо, что грунт мягкий, как кисель. На обратном пути я принял радиogramму: Гарги пришел в себя.

Он сбросил с вихрелета трос. Его тотчас же прикрепили к ракете.

Вихрелет натянул трос, и нос корабля подался кверху. Как только люк показался из воды, Нгарро-

ба, взобравшись на корпус ракеты, отвинтил колпачок, под которым скрывалась аварийная кнопка. Но она не действовала.

— Лом!

Под нажимом лома крышка стала отходить. Едва образовалось небольшое отверстие, в него проскользнул Сун-лин. Нгарроба захлопнул крышку.

Коробов бросил взгляд на часы в манжете скафандра.

— Открывает внутреннюю дверь, — сказал он.

— Нужна еще обработка в тамбуре, — напомнил Варгаш.

— Это в прежних ракетах отнимало много времени, — возразил Коробов. — Теперь — секунды. Сейчас он надевает скафандр на Ольсена. Через минуту они появятся.

Прошла минута. Потом пять минут. Потом десять. Крышка люка стала тихо вздрагивать.

— Он не может открыть люк! Нгарроба!

— Вырубить отверстие?

— Должен быть аварийный патрон.

— Ага, вижу красную кнопку.

— Запас времени — минута, — предупредил Коробов.

Нгарроба изо всей силы нажал кнопку и кинулся в воду. Едва он успел отплыть, как тяжелая дверь, словно крышка закипевшего чайника, подпрыгнула и со звоном ударилась в обшивку ракеты.

В отверстии люка показался Сун-лин. На лице его было написано отчаяние.

6

После того как охотники убежали, Лоо остался один. Он смотрел на небесную кулу, которая спряталась в Большой воде.

Ничего больше не происходило, и нигде не было круглоголовых. Тут снова раздался грохот — в который раз! — и еще одна небесная кулу примчалась из-за туч. Она выла, как остальные, и села на ровном и сухом месте.

Прячась в кустах, Лоо попробовал подобраться к ней. Укрывшись в зарослях, он терпеливо наблюдал. Должны же были появиться круглоголовые! Но никто не показывался. Кулу стояла как высохшее дерево.

Тогда Лоо осмелел и подошел ближе. Кулу не заметила его. Вглядевшись, Лоо убедился, что она и не могла его видеть: у нее не было глаз. У кулу, что прилетала первый раз, было два глаза, и они светились, как у зверей ночью. А эта кулу была слепая. Высокая, огромная, она стояла как неживая. Может, это просто мертвая кулу? Она упала из облаков раненая, ее отчаянный крик был предсмертным криком... Ведь простые кулу, когда они тяжело ранены, тоже кричат очень сильно.

Все шло совсем не так, как ожидал Лоо. Никто не прилетел. Из облаков появлялись одни кулу. Небесных коу не было. Разочарованный и обманутый в своих надеждах, Лоо повернул обратно. Он переплывал воду, пробирался в зарослях. Временами снова раздавался грохот и слышался рев кулу, но Лоо даже не поворачивал головы.

Он шел к Большим пещерам...

7

Ракеты стояли на растопыренных ногах, словно диковинные дома небывалого города. Впрочем, некоторые из них — пассажирские и на самом деле служили домами. Тридцать семь человек, составлявших первую смену научной станции на Венере, жили в своих кораблях, пока шел монтаж постоянных зданий.

Участок, выбранный под станцию, тянулся на километр с лишним. Его сфотографировали, потом на фото наложили график — план расположения зданий, вычерченный в том же масштабе и заготовленный Ольсеном заранее, и сообщили данные автоматическим станциям наведения. Те подводили каждую грузовую ракету в соответствии с ее номером и опознавательными сигналами прямо к месту раз-

грузки. Только краны свободно бродили по всему участку. Они набрасывались на очередной прибывший космический грузовик, быстро опустошали его трюмы. Другие краны с магнитными излучателями формировали из гигантских пузырей пластилита выпуклые стены, крыши-купола, переходные коридоры и прочие части «Лабиринта». С помощью третьих кранов устанавливалось оборудование.

— Да, это не на заводе, — сказал Мищенко, на Земле работавший дежурным контролером большого автоматического предприятия. — У нас автоматы собирают все сами. А тут охрипнешь, отдавая команду кранам. И перчатки управления тоже не слишком удобны: утомительно хватать все эти блоки даже мысленно.

Он пошевелил пальцами в перчатках с множеством члеников, похожих на ножки краба, и кран, стоящий в отдалении, повторил движения своими могучими захватами.

— А мне нравится такая работа, — откликнулся самый молодой участник экспедиции. — Ощущаешь могущество человека еще сильнее, чем на Земле.

— Да, — заметил многозначительно Варгаш, — в бесчисленных фантастических романах описывалась встреча землян с существами других миров. Пришельцы рисовались более совершенными, и от них должны были земляне получить знания, которыми сами еще не располагают. Но пока никто из космоса на Землю не прилетел. Наоборот, мы оказались в положении высокоразвитых гостей для хозяев этой планеты.

— Но где же они, — спросил Ив, — жители Венеры?

Действительно, все предпринятые разведывательные полеты не обнаруживали никаких признаков обитателей Венеры. Если бы не фильм, заснятый участниками предыдущей экспедиции, можно было подумать, что встреча с венерианцами им просто-напросто померещилась. Никто не знал, куда делись дикие существа, атаковавшие прошлый раз ракету.

На двенадцатый день Варгаш и Горин, находясь в очередном патрульном облете, заметили среди зарослей рыжую гору с крутым, изрытым склоном. Она напоминала помятую шляпу, изъеденную с одного края молью. Приглядевшись, патрульные обнаружили, что здесь склон горы усеивают отверстия пещер.

Они осторожно сели у подошвы. Лишь крылатые лягушки, похожие на огромных кузнечиков, прыгали вокруг, развертывая свои радужные перепонки.

— Заглянем в пещеру? — предложил Варгаш.

Горин кивнул.

Они выбрали самую большую.

— Пещера вырыта, — сказал Варгаш. — Видите?

На стене в мягком грунте виднелись следы пальцев. В нескольких местах стены были обложены большими необработанными камнями.

Варгаш, работавший на Земле в Службе биологической защиты, по привычке следопыта оглядел пол. На глине сохранились отпечатки ног. Ступни широкие, с растопыренными веером пальцами. На одном из следов ясно запечатлелась перепонка, соединяющая пальцы.

Патрульные заглянули еще в несколько пещер. Все оказались пустыми.

— Где же обитатели?

Варгаш показал на истоптанный берег.

— Они ушли водой. Значит, не оставили и следов.

Наступил день похорон Ольсена.

Приборы, сохранившиеся в целости, рассказали, что произошло со сверхскоростной ракетой. Она шла по сложной кривой и при подлете к Венере очутилась в стороне от места, предназначенного для посадки. Станции наведения еще не прибыли: Ольсен обогнал их в своем ускоренном полете. С помощью

бортвой счетной машины он вычислил необходимые поправки и точно вывел ракету к холму, где должна была садиться экспедиция. Но когда он, уравновесив ее двигателями силу притяжения, «подветром» корабль над холмом, ракету бросило в сторону ураганным ветром.

Ольсен, видимо, сделал самое простое и правильное: включил первую скорость, чтобы придать ракете больше устойчивости. Но тут с одной из дюз что-то произошло, она стала работать на полную силу, приклонила ракету и вонзила ее носом в дно озера. Как выяснилось впоследствии, перегорела заслонка, не дослужив всего нескольких секунд до конца полета.

Огонь в этой дюзе и видел Горин с вихрелета. Остальные дюзы автоматически выключились, когда корабль уткнулся в грунт. Эта же продолжала время от времени давать вспышки.

От сильного, а главное, неожиданного толчка и резкого поворота Ольсен слетел с сиденья и ударился головой о массивную стойку с приборами. Судя по всему, у него хватило сил добраться до кресла, разложить его и улечься. Здесь он через несколько часов и умер.

Случай, тот самый случай, с которым Ольсен вел всю свою жизнь и над которым одержал столько побед, подстерег его в конце концов. Конечно, заслонка будет подвергнута тщательному изучению: наверное, обнаружится какое-нибудь незначительное отступление от нормы — что-нибудь такое, что случается раз в сто лет и что почти невозможно предотвратить заранее.

Сейчас Ольсен лежал в прозрачном гробу из пластика в самом большом зале станции.

Под облачным небом Венеры вырос целый научный городок. Здания, увенчанные куполами, то круглыми, то приплюснутыми, как перевернутое блюдо, соединялись переходами в виде толстых прозрачных труб. Свет венерианского дня беспрепятственно проливался во внутренние помещения: купол и стены —

где полупрозрачные, где пропускающие свет, как чистое стекло, — делали окна ненужными.

А когда наступала беззвездная венерианская ночь, городок, растянувшийся на добрый километр, светился, словно огромный фантастический фонарь. Обзорная башня, единственное высотное сооружение, возвышалась, как маяк.

В круглом зале приглушенно и скорбно звучал похоронный марш. Товарищи взяли гроб на плечи, и траурная процессия двинулась к выходу. Пройдя тамбур и надев скафандры, земляне сразу обрели вид прилетных гостей планеты — стратонавтов. Лишь Ольсен лежал в обычном земном костюме.

Процессия остановилась у грузовой ракеты, подготовленной к старту. Накануне были проведены все необходимые вычисления; после того как двигатели в заранее заданной точке прекратят работу, ракета станет вечным спутником Солнца. Орбиту выбрали с таким расчетом, чтобы летающая гробница в своем нескончаемом движении вокруг Солнца время от времени приближалась к Венере, где закончил свой жизненный путь один из замечательнейших космонавтов, и к Земле, где он родился и во славу которой отдал жизнь.

Грób подали краном к открытому люку. Тяжелая крышка захлопнулась: самозавинчивающиеся болты наглухо задраили ракету.

Моторы взревели, ракета оторвалась от того, что мы на Земле зовем землей, и устремилась вверх, в космос, к Солнцу.

— Да, печально началась эта экспедиция, — сказал Гарги, когда ракета исчезла в тускло-лиловом небе. — Гибель Ольсена. Исчезновение жителей Венеры, ради которых мы сюда прибыли.

— Нас послали, чтобы помочь обитателям этой планеты в их развитии, — сказал Коробов. — Ради этого погиб Ольсен. Ради этого мы, тридцать семь оставшихся, будем трудиться все три с половиной года нашего пребывания на Венере. Мы выполним поручение Земли.

— Все в сборе? — забеспокоился вдруг Варгаш. —

Я вижу кого-то среди зарослей. Смотрите! Вон там!

На фоне далеких кустарников возникла темная тень, широкая, словно человек в старинном скафандре. Она двигалась. Скоро уже ясно различались гладкая голова, толстая шея, покатые могучие плечи; бросилась в глаза огромная грудная клетка — она занимала большую часть туловища; ноги были коротки для столь мощного тела.

— Житель Венеры! — торжественно произнес Коробов.

— Он вооружен! — воскликнул Горин. — И вполне современным оружием. Смотрите!

— У него в руках электропистолет, — подтвердил Варгаш.

— Ну, — спросил Сун-лин, обращаясь к Коробову, Нгарробе и Гарги, — узнаете?

— А ведь это он! Честное слово, он! — обрадовался Нгарроба.

— Узнаю, — улыбнулся и Коробов. — Тот малый, что подобрал мой пистолет. Определенно!

— Хотел бы я знать, — заметил Гарги, — научился ли он обращаться с пистолетом? И остался ли там заряд?

Житель Венеры остановился. Теперь он был виден во весь рост. Высокий, чуть сутулый, обросший густой короткой шерстью, он вглядывался в людей Земли круглыми глазами без век. Электропистолет он держал в длинной опущенной лохматой руке.

Нгарроба первый шагнул навстречу.

— Остальным не двигаться, — сказал Коробов.

Лохматого пришельца все больше и больше охватывала тревога, по мере того как расстояние между ним и Нгарробой сокращалось. Под конец он стал дрожать крупной дрожью. Но он стоял не отступая, не делая ни шага назад, победив первобытный страх!

В шлемах последней конструкции можно было разговаривать вслух на близких расстояниях. Ольсен придумал эту штуку на случай, если радио почему-либо выйдет из строя. Это аварийное устройство сей-

час очень пригодилось. Нгарроба надавил подбородком пластинку в нижней части шлема и услышал тяжелое дыхание существа, стоящего против него.

Тогда он просто и спокойно перешагнул отделявшее их расстояние и взял пришельца за руку.

Тот схватил руку Нгарробы, сжал («Ну и сила!» — подумал Нгарроба) и тут же отпустил.

Нгарроба заговорил. Поток ласковых непонятных слов произвел сильное впечатление: человек — да, это был человек Венеры! — отпрянул назад, потом стал напряженно вслушиваться. Несколько раз провел могучей рукой по лбу, и кожа на лбу собралась в складки.

Нгарроба продолжал говорить. Конечно, не слова, а интонации должны были произвести впечатление. Но кто мог знать, соответствуют ли модуляции человеческого голоса совсем иным звукам языка другой планеты!

Изваяние ожило. Большой рот, почти пасть, широко открылся. Внутри шевелился маленький язычок.

— Лoo, — сказал житель Венеры и замолчал.

— Кулу, — произнес он после паузы.

Он словно выдавливал из себя слова. Но то были слова. Нгарроба сразу понял.

Голос звучал резко и чуть протяжно. Юноша стоял теперь свободно и смело.

Нгарроба помедлил и положил руку на волосатое плечо. Теплая кровь струилась под шерстевым покровом. Брат с чужой планеты стоял перед Нгарробой.

— Идем! — сказал Нгарроба, показав жестом значение своих слов.

И тот без боязни, напротив, с какой-то жадной готовностью шагнул за Нгарробой.

Так двигались они, очень разные и в чем-то схожие: оба рослые, сильные, смелые. Если в прошлом веке один великий народ Земли указал другим народам своей планеты путь освобождения и развития, то теперь объединенный народ Земли протянет руку населению иной планеты.

— Нас снова тридцать восемь, — заметил Сунлин.

— Поднять флаг! — распорядился Коробов.

Флаг Земли, приспущенный в память Ольсена, медленно пополз вверх по шпилю обзорной башни. Станция на Венере вступала в строй. Ветер развернул красное сверкающее полотнище — символ свободы, разума, неустанного торжествующего движения вперед.

И Лоо, не нашедший своих сородичей у Больших пещер, покинутый ими, смотрел вместе с землянами на алое шелковое пламя, трепетавшее под низким сумеречным небом Венеры.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛОО

олнии сверкали по
всему горизонту. Под
порывами ветра башня упруго гнулась, а потом,
словно маятник, возвращалась в прежнее положение.

— Не сломается, — заметил Варгаш, угадав мысли Горина. — Ее испытывали ураганом на Земле. Пластилит — самый прочный материал из всех тех, которые пока известны в солнечной системе.

Башня продолжала туго раскачиваться. Горин понимал, что, если бы она не качалась, она давно сломалась бы.

Могучие, как канаты, струи воды били в прозрачные стены обзорной площадки. Гигантские молнии впивались в почву вокруг станции, нигде, однако, не приближаясь к ней ближе чем на километр.

— Ну что ж, — вздохнул Горин, — отводное кольцо действует. Но я, собственно, подумал об обитателях Венеры. Каково им-то во время такого столпотворения?

— Сидят себе в пещерах и слушают сказки, — засмеялся Варгаш. — Ведь они абсолютно непромокаемы. Их шерсть не пробьет никакой дождь. А тавтолоны, наверное, просто счастливы в такую погоду. Квакают себе от радости, как лягушки. Вы забываете, что здешние существа, разумные и неразумные, находятся в обычной, своей, родной им среде.

— Люди каменного века тоже находились в привычной им среде. Однако она не казалась им очень уж уютной. Иначе человек не придумал бы всей этой техники.

— Можно спросить Лоо, — сказал Варгаш, — что ему больше нравится.

— Он редко выходит наружу и почти никогда не делает этого в одиночку, хотя Коробов сказал, что бы его выпускали в любой момент, когда ему вздумается покинуть станцию. Похоже, он привязался к нам.

— Или ему некуда идти.

— К сожалению, он так мало рассказал о себе! Конечно, двадцать восемь слов — небогатый запас.

— А, вот и наш герой.

При свете молнии оба увидели высокого юношу, покрытого густой шерстью, на коротких ногах с перепонками между пальцами.

Он сделал несколько свободных шагов, но уперся в прозрачную стену. Юноша остановился почти машинально. У него начали уже вырабатываться рефлексy, связанные с передвижением внутри станции.

— Хотел бы я знать, о чем он думает, — заметил Горин. — Может быть, о своих соплеменниках? Куда они исчезли?

Юноша обернулся, сделал шаг назад, схватил

Варгаша за руку и, поднимая свободную лапу вверх, выкрикнул:

— Х-р!

— Новое слово? — обрадовался Горин.

— Никак не могу привыкнуть к его манере, — проворчал Варгаш, потирая руку. — Схватит, как клещами...

— У вас блок-универсал был включен? — заволовался Горин.

— Да. Я нажал кнопку, как только он вошел.

— Ну, тогда мы поймали что-то новое.

— Знаете, — Варгаш пожал плечами, — мне иногда кажется, что он знает гораздо больше слов, чем мы думаем. Лоо просто неразговорчив. Ему нужна конкретная обстановка. На отвлеченные темы он беседовать не мастер.

Лоо, услышав свое имя, обернулся.

— Лоо, — отрывисто произнес он, ткнув себя в выпуклую грудь.

— Вартш! — добавил он, указывая на Варгаша.

Имя Горина он произносил в два приема: Го-ри!

— И-дем, — сказал он затем довольно отчетливо. Он запомнил это слово. Нгарроба произнес его при первой встрече, когда звал Лоо к землянам.

— Смышленный парнишка, — откликнулся Варгаш.

Дождь тем временем стал ослабевать. Последняя молния с треском развернула свой ослепительный клубок, и вдруг все стихло. Только на горизонте полыхали зарницы.

— Как здесь все сразу, — покачал головой Варгаш.

— Меня интересует другое: надолго ли? Мы сбросали по планете столько автоматических станций, а настоящей метеослужбы все еще нет.

Небо светлело. На нем появились светло-розовые пятна, а общий фон становился нежно-сиреневым.

— Взгляните, — сказал вдруг Горин, — вон туда.

Плоский берег венерианского озера, голый, лишенный растительности, покрылся мелкими круглыми куполами, словно кожа пупырышками. Купола мед-

ленно росли. В ложбине между холмами, где скопилась жидкая грязь, вздувались и лопались большие пузыри, разбрасывая густые брызги. Купола на берегу тоже трескались, но медленно, как нарыв, образуя маленькие кратеры.

— Хочется высунуться в форточку, — простонал Горин.

— К сожалению, нельзя, — Варгаш сочувственно кивнул. — Но звуки включить можно.

Он тронул пальцами тумблер.

Тотчас же в пространство под куполом ворвались звуки планеты. Горину даже показалось, что он ощущает дыхание ветра на своем лице. Шорох, шелест, журчание скатывающихся последних струек воды. И на этом общем фоне с разных сторон слышалось то умиротворенное, то самодовольно-восторженное: «Хр-р-р...», «Хр-р-р...», «Хр-р-р...» Точно бесчисленное стадо бегемотов выражало свои чувства.

— А ведь это пузыри, — спохватился Варгаш. — Почва, мать сыра земля, перенасыщенная водой, нахватавшаяся воздуха, изъясняет свое удовольствие.

— Не это ли имел в виду Лоо? Он, наверное, знал, что дождь скоро кончится.

— Патрульным приготовиться к выходу! — раздался голос из репродуктора.

— Пошли, — сказал Варгаш. — Нам в патруль.

— И-дем, — произнес Лоо.

— Ого, он хочет с нами. Возьмем его?

— Ну что ж, не в первый раз.

2

— Сто восьмой луч, сектор шестнадцатый, — сказал Варгаш. — Сплошной лес. — Он ткнул пальцем в карту.

— В лесу они вряд ли прячутся. Коробов считает, что строение их тела более приспособлено к передвижению в воде.

Варгаш промолчал. На его жизни опровергалось

столько гипотез, что он взял себе за правило не спешить с выводами. Тем более тут, на Венере.

Он повел вихрелет по сто восьмому лучу.

Внизу простерся широкий залив. Среди бутонов и полураспустившихся цветов гигантской лилии кое-где торчали маленькие головы тавтолонов, иногда из воды высовывалась спина животного, похожая на аэростат. Один тавтолон выбрался на сушу. Широкое книзу и сужающееся кверху тело напоминало отдаленно кувшин. Тавтолон водил по сторонам головой, неправдоподобно маленькой, качающейся на тонкой шее, как бутон на стебле. На вихрелет он не обратил никакого внимания, как, впрочем, и его собратья.

— Привыкли, — заметил Горин. — Как вы считаете, можно их приручить?

— Томсон из Шестой экспедиции пытался. Тавтолон прокусил ему скафандр.

— Ну, одна попытка ни о чем не говорит. Представляете себе: стада многотонных красоток и наш Лоо на вибролете в качестве пастуха? Ведь рано или поздно придется переменить охотничий образ жизни и его сородичам.

— Надо сначала найти их.

Скоро кончилось озеро с плоскими берегами и окружающими его болотистыми равнинами. Внизу потянулся густой, непроходимый лес.

— Венерианская тайга, — Горин не спускал глаз с макушек деревьев. — Как сплошная ткань.

— Вот наша метка, — сказал Варгаш и показал на длинную розовую полосу в сизо-лиловой чаще. За розовой меткой шел все тот же лес, только, пожалуй, еще более густой.

— Собственно, такие участки можно бы и не осматривать, — заметил Горин. — Не представляю существа, которое могло бы здесь пройти.

Но тут Лоо схватил его за руку и показал вниз.

— Коу, — произнес он возбужденно.

— Коу — значит люди, — встрепенулся Горин.

Варгаш развернул машину.

— Не вижу, — признался Горин. — Может быть, Лоо почудилось?

Варгаш опустил машину еще ниже. Теперь она шла над самыми колючими верхушками.

В чаще появился небольшой просвет. Здесь рухнул растительный гигант и образовал брешь, которую тайга не успела затянуть.

— Коу, — повторил Лоо и показал вниз.

— Подежурим над этой полянкой, — сказал Варгаш. — Включите бинокль!

Тридцатикратный бинокль отбросил на экран отображение близкой, словно отстоящей на вытянутую руку, поверхности планеты. На мягкой почве, усыпанной пожелтевшими колючками и шипами, отпечатался след, напоминающий ступню человека.

— След ребенка!

— Коу, — настойчиво повторил Лоо. — Коу-бу!

— Бу — значит лес. Лесные люди? Он не первый раз произносит эти слова. Может быть, это пигмей?

След не напоминал широкую ступню Лоо. Взамен растопыренных веером пальцев с перепонками между ними на почве отпечаталась маленькая узкая ступня с прямыми, почти параллельными пальцами. Только один палец торчал резко вбок.

— Возьмите на себя управление, — сказал Варгаш. — А я спущусь. — Он откинул люк в полу и дернул ручку. На тонком, едва различимом глазом тросе сиденье пошло вниз.

— Тут много следов! — слышался его голос в телефон. — И все маленькие.

Некоторое время слышались звуки возни.

— Послушайте, Горин, — снова закричал Варгаш, — я поймал одну за хвост! Не знаю, то это или нет. Тащу, но боюсь, что хвост оторвется.

Варгаш возился довольно долго, потом крикнул:

— Спустите мне что-нибудь, чтобы усыпить ее! Это определенно зверь, и церемониться тут нечего.

Горин спустил по тросу снотворное.

— Чуть не укусила пульверизатор, — незамедлительно сообщил Варгаш. — Но зато хлебнула изрядную дозу. Кажется, готова. Можете тащить.

Горин включил механизм, втягивающий трос. Варгаш держал на коленях странное существо ярко-голубого цвета: лохматое, с голыми черными коленками и локтями, с ушастой головой, черным личиком и голым хвостом с ярким красным помпоном на конце.

Варгаш положил добычу на пол и захлопнул люк.

— Коу, — объяснил Лоо. — Бу.

В тоне его голоса чувствовалось презрение.

— Ветвь, не получившая развития, — сказал Горин. — Чего-то ей не хватало.

— Умения уверенно ходить на задних ногах.

— Ну, в здешней чаще и на четвереньках не пролезешь. Видите, она ползала на коленках и на локтях.

— Могла бы лазать по ветвям.

— А колючки? Ведь это не лес, а проволочное заграждение.

Варгаш вдруг рассмеялся.

— Лоо мог сколько угодно повторять нам свои «коу» и «бу», а мы так и не узнали бы, что он имеет в виду, если бы не поймали эту венерианскую «недообезьяну».

— Да, это маленькое чучело уничтожило целую научную гипотезу. Я полагаю, что версия о лесном племени разумных существ отныне провалилась.

— Не спешите с выводами. Конец сектора. Не возражаете против желтой?

Варгаш выпустил желтую несмываемую краску, а затем поменялся местами с Гориним. Лоо бросил жадный взгляд на клавиатуру управления.

— Ого, кажется, наш друг не прочь вести машину, — улыбнулся Варгаш.

— Вихрелет — опасно. На вибролете можно дать поупражняться. Как-нибудь я с ним займусь, — пообещал Горин. Он взглянул на «недообезьянку», неподвижную, словно набитую ватой.

— Как мы назовем ее?

— Да так и окрестим — Коу-бу. Будет по крайней мере название, взятое прямо с языка венерианцев.

— И неверное в своей основе. Никакой это не человек.

— Так же, как наш орангутанг. Ведь орангутанг тоже значит «лесной человек».

...Вихрелет сел у ворот с тройными шторными дверями. Загнав машину в ангар, разведчики направились к входному тамбуру.

Лоо, подставляя тело под мощные световые струи, тихо урчал. Ему нравилась противомикробная обработка.

3

— Начинаю думать, что медаль Гаусса вам присуждена по чистой ошибке, — заметил Гарги. — Оказывается, вы не умеете считать до двадцати.

Мяч перестал прыгать под куполом спортивного зала.

— Во всем виноваты счетные машины, — объяснил Сун-лин. — Люди скоро забудут, сколько будет дважды два.

— А я утверждаю, что счет был девятнадцать-семнадцать! — запальчиво возразил Нгарроба.

— Ошибка совершена в начале нашего века, — вмешался Лыков. — Отмена судейства в спортивных играх — явно преждевременная мера. Разве можно доверять игрокам самим следить за своими промахами?

— Это сделали для развития чувства объективности, — улыбнулся Гарги. — Но эксперимент, как видите, провалился.

— Начальник! — взревел Нгарроба. — Вы здесь старший. Подтвердите, что я прав.

— Вас разыгрывают, — отмахнулся Коробов. Он работал на снарядах. — Неужели не понимаете? Им не интересно вас просто обыграть. Они хотят еще вывести вас из себя. Это же спорт!

— Обыграть? Меня? — удивился Нгарроба. — Команда, в которой я нахожусь, не проигрывает. Черт с ними, с очками! Начнем сначала.

Игроки стали по местам.

Прежде чем пробили первый мяч, на площадку выбежал Лоо. Вид его говорил, что он собирается принять участие в состязании. Он ничего не понял в происходившем споре, но решил, что Нгарроба нуждается в поддержке.

Нгарроба несколько озадаченно посмотрел на неожиданного союзника.

— Ладно, — сказал Горин. — Пусть играет. Я выйду.

Противная сторона точно подала мяч: он пролетел над самой сеткой, нацеленный в пустое место. Варгаш сделал бросок, словно кидался в воду. Он ухитрился наподдать мяч кончиками пальцев и тут же упал, как кошка, на руки. Нгарроба ждал, когда ему перешлют мяч для завершающего «мертвого» удара. Но тут раздался звук, похожий на выстрел: Лоо держал в руках то, что осталось от мяча.

— Послушай, друг, надо полегче, — сказал Лыков. Он взял из рук Лоо раздавленный мяч и отбросил в сторону. — Гляди! — Он подкинул новый мяч, осторожно поймал, подбросил еще раз и стал наподдавать сложенными ладонями. — Понятно?

Лоо кивнул головой. Он научился этому у «небесных людей». От нетерпения он переступал с ноги на ногу.

Игра возобновилась. Лоо в азарте схватил мяч. При броске он сшиб с ног игрока своей команды. Мяч лопнул.

— Играть с этим медведем положительно невозможно, — расстроился Гарги. — Надо затребовать с Земли грузовую ракету с запасными волейбольными мячами.

— Раньше чем через три года все равно не пришлют.

Лоо раздавил еще шесть мячей, и Гарги сказал, что на сегодня хватит. К величайшей досаде Нгарробы, его команда оказалась в проигрыше. Лоо виновато жмурил круглые, без век глаза.

— Ладно, — смилостивился Нгарроба, хлопая своего подопечного по волосатой спине. — Не виноват же парень, что он такой сильный.

— А как по-вашему, каким видом спорта ему лучше заниматься? — поинтересовался Коробов.

— Ему — спортом? — воскликнул Гарги.

— Вы забываете, — возразил Коробов, — что для Лоо находиться среди нас все равно, что горному жителю спуститься в долину. Он привык к атмосфере, бедной кислородом, оттого у него такая могучая грудная клетка. Нужны упражнения, сохраняющие подвижность этих «мехов» венерианцев в земных условиях и в искусственной атмосфере станции. Иначе обратный переход к венерианской атмосфере будет представлять для них затруднения. Лоо и сейчас это дается не просто.

— Борьба, — предложил кто-то. — Борьба требует хорошо поставленного дыхания.

— Только кто посмеет с ним бороться? Разве Нгарроба?

— Его нужно научить лучше двигаться, — сказал Гарги, — чтобы он не сшибал игроков.

— Для этого есть два способа: гимнастика и вольные игры.

— Гимнастикой его трудно уговорить заниматься. Остаются игры.

— Ладно, — сказал Гарги. — Пусть играет в волейбол. Я буду заклеивать порванные мячи. Но только, чур, он играет в другой команде. Меня такая глыба может просто раздавить!

Лоо, уловив дружески-восторженный взгляд Гарги, улыбнулся ему. Он раздвинул углы широкого рта и сморщил свой короткий нос.

— Смотрите, — удивился Варгаш. — Можно подумать, что он понял.

4

— Вчера он целый день катался на самодвижущихся дорожках в центральном коридоре. А третьего дня лазал по запасной лестнице на самый верх обзорной башни. Счастливцев! Каждый день он открывает что-нибудь новое. Что он вздумал делать сегодня?

ня, я не знаю. Ко мне он не заглядывал, — ответил Варгаш на вопрос Горина.

— Коробов поручил начать с ним уроки рисования. Вернее, посмотреть, не умеет ли он изображать что-нибудь на глине или камне. После Нгарробы он больше всего благоволит к нам с вами. А Коробов хочет, чтобы общение с Лоо шло как можно естественнее.

— Попросите дежурного поискать его!

Дежурный включил пульт обзора станции. Лоо нигде не оказалось. В то же время автомат-привратник доложил, что Лоо не выходил в дверь, которой обычно пользовался, покидая станцию.

Дежурный сразу стал озабоченным.

— Не испарился же он! Правда, все опасные помещения на замке. Я полагаю, он не мог проникнуть как-нибудь к шинам высокого напряжения.

— Может быть, он отправился с кем-нибудь?

— Обычно сообщают, если берут Лоо с собой. Отсутствуют два экипажа: вихрелет и «черепаха». Сейчас проверю.

Первым откликнулся вихрелет: о Лоо там ничего не знали. «Черепаха» молчала, автомат, сообщающий каждые десять минут ее координаты, показал ее последнее местонахождение в восточном углу Большого озера. Очевидно, она находилась в погружении. Через несколько минут автомат выбросил буй для передачи очередного сообщения, и «черепаха» поймала вызов станции. На ее борту Лоо тоже не было.

— Послушайте, — спохватился Горин. — А остальные машины на месте?

Дежурный нажал кнопку «ангар» и, оглядев помещение, с изумлением воскликнул:

— Нет вибролета! Самого маленького. Одноместного.

Горин почувствовал угрызение совести.

— Локатор засекает что-нибудь? — поспешно спросил он.

— В зоне чисто. Автомат-передатчик тоже молчит. По-видимому, не включен.

Охотники наконец-то убили большую кулу. Все старались съесть как можно больше мяса. Такие удачи в последнее время стали редкостью.

Круглоголовые, судя по всему, вовсе и не думали уходить. Они пригнали с собой целое стадо небесных кулу, ревущих так, что можно оглохнуть. Потом они сделали что-то такое, от чего на голом месте выросли не то деревья, не то скелеты каких-то больших животных. Эти скелеты-деревья двигались, хотя и медленно, и сложили на ровном месте полупрозрачную гору с пещерами, в которых поселились круглоголовые. Все, что им было нужно, круглоголовые доставали из своих небесных кулу, вспоров им брюхо. Пустые кулу, теперь уже явно мертвые, стояли вокруг поселения круглоголовых, словно караулили его. Круглоголовые их не ели. Впрочем, у небесных кулу такая жесткая кожа, а возможно, и мясо, что о них ломаются даже летающие жала.

Охотники, посланные Хц на разведку, вернулись очень напуганные. Небесные кулу сваливались с неба одна за другой, и их огненные хвосты делали самую мягкую почву твердой, как кость. Лоо, ушедший с охотниками, куда-то пропал и с тех пор не появлялся. Хц сразу понял, что круглоголовые возвратились, чтобы отомстить стаду и захватить его места охоты. Места и правда были хорошие: вокруг много открытого пространства и большая вода рядом. Кулу водились тут, как личи в луже. А круглоголовые все шарят вокруг. Они залезают в зверя, похожего на зеленого зума, но только гораздо крупнее, и плавают, ныряют, а когда захотят, выходят на сушу и могут продвигаться даже в самых густых зарослях. А еще они могут летать и гудят во время полета, словно гигантские жуки. И с каждым днем они забираются все дальше и дальше от своих прозрачных пещер.

Надо уходить и отсюда. Сейчас, пока люди сыты. Хц говорил сегодня на эту тему особенно долго. Он

кривлялся по обыкновению и с силой сжимал длинные пальцы, похожие на клешни.

Его слушали молча. Люди устали. Они видели в своем воображении огромных, толстых, жирных кулу, которых они лишились.

Когда Хц закончил, в ответ не раздалось единогодушного «ха», к которому он так привык. Просто кое-кто пошевелился, некоторые переступили с ноги на ногу, а Быр, тупой и могучий великан, никогда ни над чем не задумывающийся, равнодушно почесал грудь.

Первый раз Хц ощутил, что его слова не встречают отклика. Он еще раз оглядел всех и от растерянности сам переступил с ноги на ногу.

Слушавшие его поглядывали по сторонам и собирались разойтись.

Хц в отчаянии поднял длинные худые руки.

— Ха! — воскликнул он так патетически, как только мог. Не без ужаса ожидал он, что вот сейчас повернутся в его сторону две-три головы с равнодушным вниманием — и все.

К его удивлению, в ответ раздалось такое дружное «ха», какого он не мог даже вообразить. Хц выпрямился и торжествующе ударил себя в грудь. Но тут он заметил, что все смотрят не на него, а поверх его головы.

Слабое жужжанье, которое он принимал за один из тех звуков, что постоянно раздаются в лесу, усилилось. Он быстро обернулся. Низко над деревьями летел огромный жук, а внутри него, в просвечивающем насквозь теле, виднелся силуэт коу.

Круглоголовые захватили их врасплох! Хц открыл рот, чтобы отдать распоряжение, но замер на месте.

Жук повис в воздухе над поляной. Прозрачные, почти невидимые крылья неутомимо вибрировали. Внутри яйцеподобного туловища, хорошо различимый, сидел Лоо, радостный, счастливый, разинувший в улыбке рот до ушей...

— Лоо! — воскликнул Быр.

— Лоо! — повторили с восхищением другие.

И Хц показалось, что почва под его ногами колеблется.

Никто не смотрел на Хц. Головы на толстых шеях, словно выходящих из покатых плеч, повернулись в сторону Лоо, чудесным образом державшегося в воздухе. Клапаны ноздрей у людей были откинуты, как всегда в минуты крайнего возбуждения. Двое-трое тихо взвизгивали.

Лоо, насладившись произведенным впечатлением, опустился так низко, что до него можно было дотянуться рукой. Люди расступились, жук, который нес в своем теле Лоо, коснулся брюхом бурой, усыпанной обломками ветвей почвы.

Затем с жуком что-то произошло. Его туловище раскололось, верхняя часть разошлась на две половинки, они откинулись и висели по краям. Жужжание прекратилось, стали видны на миг крылья, медленно взмахивающие за спиной, потом они сложились и исчезли.

Лоо встал с сиденья и стоял теперь открытый по пояс. Все окончательно забыли про Хц.

Лоо, к всеобщему удивлению, произнес целую речь.

— Небесные коу, — сказал он и показал в небо. Потом ткнул себя ладонью в грудь и с убеждением добавил: — Небесный Лоо.

— Ха! — воскликнули все в восторге и ужасе.

Никто не сомневался в его словах. Он действительно спустился с неба. Значит, он побывал там, у небесных коу.

— Небесные коу, — повторил Лоо и махнул рукой в сторону, где остались пещеры. Он еще раз отчетливо выговорил: — Небесные коу! — Потом с большим усилием добавил: — Много кулу. Большие кулу. Хорошие пещеры. — Тут он сделал паузу. Потом подумал и решил, что сказал достаточно.

Он махнул еще раз рукой, сел в кресло, сделал небольшое усилие, словно хотел сдвинуться с места. Тотчас же прозрачные створки кабины вибролета захлопнулись, за спиной Лоо развернулись легкие прозрачные крылья, вибролет стал подниматься в воздух.

Едва он поднялся до верхушек деревьев, как полетел вниз. Лоо не мог, конечно, понять, что это результат того, что он вдруг увидел Хц и ему захотелось посмотреть на старого вождя вблизи. Аппарат, управляемый биотоками, возникающими в организме при одном появлении желаний, имеет свои неудобства. Инстинктивно, увидя совсем близко поверхность планеты, Лоо мысленно отпрянул, и вибролет тотчас же взмыл кверху.

Хц, видя летящее на него сверху тело, со страху упал на колени, и ладони его коснулись скользкой, упругой, немнущейся травы.

— Ха! — раздался крик ужаса.

Встать на четвереньки на глазах у всех! Хц тотчас же вскочил. Ноги его дрожали. Теперь все смотрели на него, но это было совсем не то внимание, которого он так жаждал. Закон требовал неукоснительного изгнания человека, опустившегося на четвереньки. Сам Хц внушал всегда, что это правило не должно знать исключений. Закон, введенный когда-то для того, чтобы заставить людей резче стряхнуть с себя звериное прошлое, уже давно превратился в обычай, но соблюдался тем более строго.

Пока Хц топтался на месте, машина Лоо продолжала парить низко над поляной. Она жужжала так настойчиво, что люди перевели, наконец, свои взгляды на него. Лоо жестами показал, что Хц может присоединиться к остальным. Лоо сам однажды нарушил закон, правда никто не видел его тогда. Потом он понял, что совершенное им не так уж страшно. Он не хотел подвергать Хц наказанию, которого избежал сам.

Хц сделал неуверенный шаг к людям. Не потому, что он признал право Лоо приказывать. Ему стало страшно остаться одному. Человек не может существовать один. Изгнание означает смерть.

Лоо поднялся над деревьями и медленно полетел. Он даже не оглядывался. И так велик был авторитет прилетевшего с неба Лоо, что люди подчинились. Разрозненной толпой они следовали за Лоо, пробираясь в редких зарослях.

Хц брел позади, склонив узкую голову с низким скошенным лбом, с тупым затылком, покрытым блестящей, местами потертой шерстью.

6

— Вина отчасти на мне, — сказал Горин. — Прошу дать мне возможность найти Лоо.

— Лоо на этой планете — дома, — пожал плечами Лыков. — Особенно беспокоиться нечего.

— Не уверен, — возразил Сун-лин. — Одному тут нелегко. Я думаю, он потому и пришел к нам, что отбилсЯ от остальных.

— Опасность еще и в другом, — сказал Нгарроба. — Представьте себе ощущения Лоо. Он летит! Радость дикаря и необузданность желаний могут утянуть его неизвестно куда.

— Или он падает в заросли неподалеку от станции, — мрачно заключил Гарги. — Лоо не владеет своими чувствами, как мы. Вибролет не для первобытных существ.

— Мне кажется, — снова возразил Сун-лин, — что будь на месте Лоо нервный земной человек прошлого века, тот скорее свалился бы. Вибролет последнего образца, как ни парадоксально, лучше всего приспособлен для людей XXI века на Земле и каменного века на Венере. У Лоо замедленные реакции и верные инстинкты. Это то, что нужно. Заменяет наше владение собой.

— И все же это первый его самостоятельный полет со всеми вытекающими отсюда последствиями, — сказал Нгарроба.

— Я повторяю свою просьбу, — напомнил Горин.

— Ну что ж, — сказал Коробов, — было бы жестоко отказывать вам в этом. Но только вы не должны действовать в одиночку.

— Я согласен отправиться в паре с Гориным, — объявил Варгаш.

Сверху могло показаться, что в траве запуталась пчела. Брюшко, золотистое, с темными внутренностями, блестело на солнце, тонкие прозрачные крылышки смялись о жесткие стебли.

Но то, что казалось травой, представляло собой гигантские колючие заросли матово-сизого цвета. Пчела же была потерпевшим аварию вибролетом.

— Никак не подберешься, — в сердцах сказал Горин.

Варгаш, работавший следопытом в Службе биологической защиты на Земле, бывавший в разных переделках, не тратил слов на выражение эмоций, он просто пошел в новый круг.

— Видите кольцо? — коротко сообщил он Горину. — В нем шанс.

В тыльной части вибролета, чуть выше того места, откуда выходят крылья, имелось кольцо, соединенное с остовом летательного аппарата. За это кольцо подвешивали вибролет при транспортировке или хранении в ангаре. Сейчас оно от толчка стало почти вертикально, и можно было надеяться зацепиться за него крюком.

«Черепаша», прожигая ход в зарослях, сможет прийти сюда только через неделю. Опуститься человеку тут просто некуда. Отовсюду торчали острые и длинные шипы и колючки. Одного прокола в скафандр достаточно, чтобы в него ринулись полчища микробов. Путешественников окружали как бы тысячи бактериологических шприцев.

— Другого шанса нет. Попробуем!

Горин достал лесу, из тех, что на Земле применяются для ловли тунцов, и подвязал грузило с крючком.

В то время как Варгаш старался удержать вихрелет над застрявшей в зарослях машиной, Горин движениями рыбака то опускал, то поднимал руку с намотанным на нее шнуром.

Раза два крючок зацеплялся за шипы и, как ни дергал Горин лесу, не хотел освобождаться. Прихо-

дилось обрезать ее, подвязывать новую снасть и начинать сначала.

— Хватит ли лесы? — засомневался Горин. Но тут же воскликнул: — Ага, попалась!

Крючок задел кольцо. Теперь следовало не ослаблять лесу.

— Попробуйте, — сказал Горин, — только потихоньку.

Варгаш стал поднимать аппарат вертикально. Горин через люк в днище наблюдал. Леса, привязанная к стойке, натянулась так, что превратилась в идеальную геометрическую линию. Сейчас она со звоном лопнет!

«Пчела» внизу даже не пошевелилась. Должно быть, она крепко застряла в растительном клубке, вцепившись в нее зубами и когтями. Особенно страшны были загнутые шипы растения, напоминающего толстого удава, лениво переползающего от ствола к стволу.

Тогда Варгаш повел машину в сторону, потом в другую — старый прием рыболова, у которого леса зацепилась за корягу. При каком-то из этих маневров вибролет внизу дрогнул.

— Есть! — закричал Горин.

Но дело не пошло так просто. Груз, повисший на лесе, выдирался короткими толчками и снова застревал — иногда, казалось, еще основательнее, чем прежде. Горин и Варгаш действовали терпеливо и настойчиво.

Вот уже вся спина механического насекомого показалась над верхушками деревьев. Только «лапки» — нижняя часть — удерживались невидимыми сверху зацепами.

— Осторожнее! — предостерег Горин. — Лоо может вывалиться прямо на колючки.

Но тут леса, упруго натянутая, подпрыгнула, как это случается, когда крупная рыба сходит с крючка. Горин, смотревший в люк под ногами, увидел, что леса не оборвалась и крючок цел, более того — по-прежнему крепко держит кольцо. Но само кольцо вместе с двумя-тремя «хребтинами», к которым оно

было прикреплено, выдернулось из обмякшей оболочки вибролета.

Человек Венеры, сидевший внутри яйцеподобного прозрачного туловища, выпал лицом вниз и застрял в ветвях двух переплетенных друг с другом деревьев, прошитых толстым швом колючей лианы.

— Ниже! Как можно ниже! — крикнул Горин.

Варгаш остановил аппарат, только когда примятые и пригнутые ветви с визгом стали царапать обшивку. Горин поспешно захлопнул люк. Жесткие, колючие ветви вползали внутрь вибролета и уже шарили там, словно выискивая возможность укусить путешественников за ногу.

Теперь человек Венеры различался хорошо. Мохнатая сутулая спина, бугры мускулов, обозначенных слишком жестко, словно застывших. Одна рука держала сломанную ветвь и прижимала ее к телу. Другая свободно свешивалась. Большие ступни с перепонками между пальцев казались чужими и нелепыми здесь, в лесном океане.

— Бедный Лоо! — сказал Горин.

— Он мертв! — глухо произнес Варгаш.

От волнения он слишком сильно нажал клавиш на пульте. Возникший вихрь привел в движение ветви, и туловище, в которое они вцепились, перевернулось.

— Ой! — невольно воскликнул Горин.

На него глядело мертвое лицо, морщинистое, исхудалое и вытянутое.

— Это не Лоо, — вымолвил потрясенный Горин.

* * *

— Один взгляд на этот труп говорит, что перед нами не рядовой представитель населения Венеры. Как хотите, а этот старик с грубыми чертами лица и скошенным лбом представляется мне мыслителем, — сказал Сун-лини, разглядывая фото.

— Ваш мыслитель мог убить Лоо, — мрачно заметил Гарги.

Нгарроба нетерпеливо двинулся с места.

Коробов остановил его жестом.

— предположим, — сказал он, — что мыслитель действительно захватил вибролет силой. Тогда, если авария произошла вскоре же, Лоо, живой или мертвый, должен находиться где-то поблизости. Очень важно и другое: Лоо встретился с сородичами.

Коробов подошел к табло с фотокартой территории планеты, простирающейся вокруг станции.

— Они должны выйти к воде, — сказал он, вычерчивая световым карандашом большую стрелу. — Но наступает ночь. Они могут уйти. Искать нужно безотлагательно. Все патрули — в этот район!

В

Ночью чужая планета казалась особенно дикой и полной загадок. Светящееся облачное небо придавало картине иллюзорность. Внизу мелькали какие-то огоньки: они плясали на одном месте. Изредка показывались другие огни, менявшие свой цвет, словно светофор.

— Может быть, нам сигнализируют? — высказал предположение Горин.

— Или сообщают о нашем передвижении, — возразил Варгаш. — Что на экране?

— Слишком много источников инфракрасного света. Картина искажается. Мы на границе леса и воды.

Большой светящийся шар поднялся снизу и поплыл навстречу вихрелету.

— Смотрите не столкнитесь! — предостерег Горин. — Кто знает, что это за штука.

Сверкающий шар темно-синего цвета, словно притягиваемый летательным аппаратом, приближался сбоку.

— Оглянитесь, — прошептал Горин.

Еще три шара, переливающихся цветами от серебристо-зеленого до ярко-фиолетового, подходили к вихрелету сзади.

— Не нравятся мне эти елочные игрушки, — бурчал Варгаш.

Он протянул руку к клавишам. Но один из шаров

уже коснулся летательного аппарата. Вибролет качнулся, стал боком, и Варгаш с ужасом почувствовал, что руки его немеют. Горин увидел голубую ленту, вылетевшую из шара, прежде чем он лопнул.

— Это шаровые молнии! — крикнул он. — Или еще что-то...

Вибролет крутился на одном месте, будто муха с оторванным крылом. Еще несколько шаров, словно влекомые любопытством, направились к нему. Их сверкающая поверхность холодно переливалась.

— Ходу! — закричал Горин. — Хоть вверх ногами!

Но Варгаш не мог пошевелить одеревеневшими пальцами. Обозлившись, он ударил по клавиатуре пульта локтем. Включилось сразу несколько сопел, сильные потоки воздуха забили из вихрелета, под влиянием какой-то неуравновешенной силы он закувыркался, как бумажный змей, выпущенный из рук. Шары отступили, но затем снова стали приближаться.

Варгаш хотел крикнуть Горину, чтобы тот переключил на себя аварийное управление, но язык не повиновался ему.

Горин уже сам понял, что должен действовать, но удобный момент был упущен. Автоматические застежки замкнули его тело в несколько обхватов. Сидя в кувыркающемся кресле, как бы привязанный к нему, Горин испытывал головокружение. Он потерял ориентацию, и протянутые в темноте руки не могли найти переключатель. Шаря лихорадочно ногой, он нащупал педаль аварийного выброса и нажал ее. Тотчас же кресло, в котором он сидел, выскользнуло из тела вибролета и понеслось к сверкающей мелкими огоньками поверхности планеты.

Парашиот раскрывался постепенно, так что Горин не ощутил толчка, а почувствовал только усиливающееся давление кресла. В стороне и чуть ниже болталось кресло Варгаша, оно безостановочно крутилось.

Какие-то обломки летели со свистом вниз. Один проскочил совсем неподалеку, другой задел край парашютного купола. К счастью, их успело отнести

в сторону, когда следующий, самый большой обломок с ревом промчался мимо.

Когда ноги Горина коснулись почвы, наверху все уже было кончено. Он обнаружил, что по колено стоит в болоте. Неподалеку шлепнулся в воду Варгаш.

Они погасили купола, вынули из-под сидений ранцы с НЗ и побрели, осторожно ступая по вязкому болоту. Прожекторы на их шлемах освещали воду, из которой то тут, то там торчали растения, сейчас казавшиеся совсем фантастическими.

Когда они приблизились к какому-то кусту, похожему на клубок шерсти, клубок вдруг распался, а нитки, составлявшие его, поплыли по воде, делая резкие зигзагообразные движения и сверкая зелеными точками.

Хотя нижняя часть скафандров изготавливалась из пластических материалов особой прочности и могла соперничать в этом смысле с броней, в которую заковывали себя средневековые рыцари, ощущения путников были не из самых приятных.

По радио они уже сообщили о том, что с ними случилось. Каждые десять минут они передавали сведения о себе. Разговоры, которые они вели друг с другом, фиксировались на паутинных нитях магнитной записи. Если с ними что-нибудь случится, товарищи будут все знать.

Они шлепали по болоту, проваливаясь местами по пояс. Иногда попадались ямы, в которых путники не могли нащупать дна.

— Может быть, позовем помощь?

— В воде ждать рискованно. Кто гарантирует, что какой-нибудь любопытный не подстерегает нас?

— Достаточно существа с острыми клешнями, — согласился Горин. — Вроде того гигантского жука, которого обнаружили, когда искали Ольсена.

— Яма. Осторожнее! — крикнул Варгаш.

Тотчас же вода перед ним вскипела, и на поверхность вынырнул круто уходящий вверх хребет, заканчивающийся тонкой шеей с маленькой головкой на конце. Рассекая воду, животное поплыло прочь.

— Ах, черт! — выругался Варгаш. — Эта тварь

меня напугала. Самое смешное, что эти гиганты — отчаянные труссы.

— Нгарроба утверждает, что если тавтолон находится на суше и вы его спугнете, он в девяти случаях из десяти бросается к воде, а спугнутый в воде, устремляется к берегу. Не проверить ли его теорию?

— Вы предлагаете последовать за этим животным?

— Вот именно.

— Поплыли.

Скафандры держали их на поверхности. Проекторы, укрепленные на шлемах, бросали длинные полосы света. Они выхватывали из сумрака листья гигантской лилии, лежащие на воде, и бутоны, чуть приподнятые над ее поверхностью. Один из бутонов, засеребренный в электрическом свете, вдруг задвигался, и из воды показалась утолщающаяся книзу шея.

— Опять тавтолон! — воскликнул Горин. — Или это тот же самый?

Тавтолон, вытянув шею, как это делает лошадь, плывущая в воде, и поматывая маленькой головкой, устремился прочь.

— Послушайте, — спросил Варгаш, — вам не кажется, что он переменил направление? Куда, по-вашему, мы должны сейчас плыть?

— Вон на ту бочку или бревно, которое там болтается на воде.

— Уж во всяком случае это не бочка.

Действительно, предмет, издали похожий на бочку, при приближении к нему утратил это сходство. Теперь он напоминал скорее шляпку гигантского гриба, плавающую на воде.

Но когда Варгаш, подплывая вплотную, хотел хлопнуть ладонью, как это делают пловцы, достигшие финиша, «гриб» вдруг метнулся в сторону и, бурля воду, исчез, оставив расходящиеся круги.

— Это был жук! — воскликнул Варгаш. — Тот самый, чьих клешней мы должны опасаться.

— Куда же плыть? Нам нужен берег.

Свет возник вдруг далеко впереди. Он осветил де-

рево, ветви, закрученные штопором; желтые огоньки пробежали по ним — и все погасло.

— Костер?!

Через минуту свет снова появился, но уже в другом месте.

— Он движется?

При следующей вспышке дерево переместилось еще дальше.

— Не может же дерево шагать по берегу...

— Значит, двигаемся мы!

— Нас несет течением.

Венерианская ночь со светящимися, точно фосфоресцирующими облаками хуже самой темной земной ночи. Небо сливалось с отражавшей его водой. Возникал какой-то слепящий туман. Наконец слева от себя пловцы увидели островок с одиноким деревом.

Они взяли курс на него.

— Видите, мелькают какие-то тени?

— Одна похожа на тавтолона.

— Эти животные не умеют разводить костров.

— Посветите лучше!

При свете фонарей неясные блики, бегающие по стволу и ветвям одинокого дерева, померкли. Но зато ясно вырисовывалась огромная туша тавтолона. Он наполовину вылез из воды. Вытянутая шея лежала на песке, словно животное спало.

— Видите? — возбужденно сказал Варгаш, хватая Горина за руку, когда оба достигли твердого песчаного дна и встали рядом.

— Вижу. Это дротик! А вот и второй...

Из туловища тавтолона торчало несколько тонких, похожих на камышины палок.

— Значит, спугнутый и раненный, он пришел сюда умирать.

— Выходит, версия Нгарробы подтвердилась.

— Тавтолоны нумерованные. Не берусь судить категорически.

— А где тени? Те, что двигались?

— Посмотрите-ка внимательнее.

Горин взглянул на силуэт тавтолона, вырисовы-

вающийся на фоне мерцающего света, и ему показалось, что животное шевелится.

— Это от костра. Обман зрения.

Оба разведчика вышли на берег. У подножия одинокого дерева тлел потухавший костер. Язычки пламени бегали по сложенным поленьям, иногда какое-нибудь из них вспыхивало, и тогда все дерево освещалось на короткий миг от подножия до макушки.

Варгаш подошел к костру и вдруг бесцеремонно засунул руку в перчатке в самое пекло. Горин не успел ничего вымолвить, а следопыт размахивал перед его носом пылающей головней.

— Никакой это не костер! — объявил он. — Возьмите в руку.

Горин осторожно коснулся пальцами головешки и не ощутил тепла. Тогда он смелее схватил пылающее полено.

Оно светилось холодным фосфорическим светом. Даже сейчас, держа кусок дерева в руках, Горин с трудом убеждал себя, что полено не горит. Он размахнулся и бросил его в сторону. Полено полетело, вращаясь и, как показалось обоим, разбрасывая искры. Тотчас же раздался крик и всплеск воды, затем все стихло.

— Гм, — пробормотал озадаченный Варгаш. — Такое впечатление, что на острове не только тени.

Они стали обследовать островок. Пустой пляжик, небольшой холм, на нем дерево, под ним фосфоресцирующие венерианские гнилушки.

— И все-таки это костер! — торжествующе воскликнул Варгаш. — Смотрите!

Он рылся в гряде светящихся кусков дерева, блики бегали по всему его телу. Его малиновый скафандр тоже приобрел способность светиться и пылал в темноте, как факел.

— Обломки не от этого дерева, — резюмировал Варгаш. — Никакой другой растительности на острове нет. Значит...

Хриплый крик прервал его слова.

— Вас зовут, — произнес вдруг Горин.

Звук повторился, и Варгашу тоже показалось, что он похож на что-то вроде:

— Ва-а-а-ртш!

— Лоо! — закричал Горин. — Лоо!

Он надавил подбородком клапан в шлеме, включающий микрофон для разговора вслух.

— Лоо! — повторил он.

В ответ послышался только слабый шелест ветра в ветвях дерева.

Потом плеснула вода у берега. Оба быстро повернулись в ту сторону. Овальное опрокинутое блюдо плыло, отталкиваясь лапами, как веслами, и блестя мокрой спиной.

— Опять этот жук...

— Он, оказывается, и кричит.

— И к тому же знает ваше имя.

Слабый свет озарил путешественников сзади. Голубые блики забегали по рукавам скафандров.

Обернувшись, они увидели Лоо, стоявшего позади них с головешками в руках.

— Лоо! Черт! — крикнул Варгаш.

— Вот так жук! — Горин принялся трясти Лоо за руку.

Лоо в свете ламп от шлемов землян лучился самой чистой радостью. Он отбросил ненужные сейчас головешки.

— Где ты прятался? Почему не вышел сразу? Кто похитил вибролет?

— Где люди, которые убили кулу?

Вопросы сыпались до тех пор, пока спрашивающие не сообразили, что Лоо с его запасом слов все равно не в состоянии ни понять, ни ответить им.

9

Первым опомнился Варгаш.

— Нет, Так нельзя. Давайте по порядку. Где ты был?

Лоо показал на озеро и произнес слово, означающее «вода».

— Так. Понятно. Что ты там делал?

— Глядел, — ответил Лоо.

— На кого?

— Ты, — пояснил Лоо и ткнул Варгаша рукой в грудь. — Ты, — Лоо показал на Горина.

— Он не сразу узнал нас, — догадался Горин. — Наши прожекторы оставляют человека в тени. Пока мы не осветили себя головешками, когда стали рыть-ся в костре, Лоо не мог узнать нас.

— Хорошо. А кто устроил костер?

Варгаш подвел Лоо к светившимся гнилушкам и показал на них рукой.

— Лоо, — ответил юноша. Он гордо выпрямился. Чувствовалось, что он очень доволен.

— Зачем? — допытывался Варгаш.

Но Лоо только улыбался.

Оба с сожалением посмотрели на юношу.

— Вибролет? — спросил Варгаш. — Ж-ж... — И он жаждал, замахав руками, словно крыльями.

Лицо Лоо стало жестким.

— Хц, — сказал он с оттенком негодования.

— Что значит «хц»?

— Может быть, «украл»? Он первый раз произносит это слово.

— Вряд ли в их языке есть такое понятие. Скорее, «взял» или «отнял».

— Хц, — повторил Лоо. И вдруг сморщил лицо, стал приседать и размахивать руками. Потом выпрямился, гордо уставился в небо и так забарабанил кулаком по грудной клетке, что она загудела.

Что-то знакомое промелькнуло в сморщенном лице Лоо.

— Узнаете? Он представляет того типа, чей труп мы нашли в вибролете, — сообразил Горин. — Значит, Хц — имя.

— Но каким образом вибролет очутился у него?

Оба выжидающе смотрели на Лоо.

Юноша начал топтаться на месте, вминая в рыхлый песок свои ступни с перепонками. Он сам хотел бы сейчас рассказать все.

В его голове проносились картины недавних событий. Поход в зарослях. Он кружит над лесом, в то вре-

мя как люди пробираются вниз. Потом привал на какой-то странной поляне: ее покрывала трава красного цвета. Хц рвал траву, подносил людям к носу, те, оттопырив клапаны, жадно вдыхали. Постепенно они приходили в возбужденное состояние, начали ссориться. Лоо пытался уговорить людей покинуть нехорошее место. Он хотел скорее вывести их к воде. Но его попросту отпихивали, если он оказывался у спорящих на дороге.

Хц повелительным жестом, словно он был по-прежнему вождем, приказал Лоо показать ему летающее яйцо. И Лоо, на которого вдруг напало необъяснимое легкомыслие, с какой-то непонятной торопливостью подчинился. Он помог Хц усесться в кресле и нажал рукой рычаг «Внимание» — единственный рычаг, которым Лоо умел пользоваться. В следующий момент Хц вместе с аппаратом поднялся в воздух. Лоо запомнил его торжествующую и испуганную гримасу. Хц, наверное, сам не понял, как это произошло.

Потом Лоо почувствовал, что грудь его словно наливается чем-то теплым и бурлящим. Он шагнул вперед, оттолкнул оказавшегося поблизости Быра и стал возбужденно выкрикивать. Что кричал, он потом не мог вспомнить. Отнулся на траве. Ветер обдувал его лицо. Люди с зевотой поднимались на ноги, мрачные, вялые, недовольные. Когда ветер донес запах травы, Лоо почувствовал, что он сейчас вывернется наизнанку. Вероятно, нечто подобное ощутили и другие, потому что многие захлопнули клапаны ноздрей, и все дружно пошли за Лоо, когда он повел их прочь.

Но, сделав несколько шагов, Лоо с ужасом убедился, что не знает, куда идти. Сверху он видел воду — она блестела далеко за лесом. Сейчас, в зарослях, найти правильное направление он не мог. Летающее же яйцо исчезло вместе с коварным Хц.

— Хц, — повторил Лоо и переступил с ноги на ногу. Он сделал неуклюжий жест, долженствующий означать полет, — простой взмах рукой.

— Это мы знаем, — разочарованно произнес Варгаш. — Итак, все, что мы выяснили, — обернулся

он к Горину, — имя похитителя. Может быть, когда-нибудь мы пойдем, что случилось.

— Для чего костер? — снова задал вопрос Горин. Он потрогал ногой куски дерева, и они вспыхнули так натурально, что ему захотелось отдернуть ногу.

Лоо понял вопрос.

— Вартш, — ответил он. — Го-ри.

— А ведь он устроил эту иллюминацию для нас! — воскликнул Горин. — Но как он сообразил, что мы неподалеку?

— Лоо понимал, конечно, что мы будем его разыскивать. Он знал, что мы ищем его сородичей.

— Знаете, это уже большая сообразительность!

Юноша молча переводил взгляд с Варгаша на Горина. Лицо Лоо изображало внимание и стремление понять, о чем идет речь. Вместе с тем чувствовалось, что содержание беседы ускользало от него. Лоо понимал только, что разговор касался его. Он растерянно и застенчиво улыбался.

— Коу? — настойчиво спросил Горин. — Коу? Как «много» по-здешнему? Ведь «х-хи», да? Коу — х-хи! Х-хи — коу!

Лоо отступил на шаг. Потом показал на воду.

Горин и Варгаш осветили поверхность озера прожекторами. Мелкая рябь появлялась и исчезала вместе с легкими порывами ветра.

Лоо подошел к туше тавголона, с усилием выдернул один дротик и, опустив его острие в воду, поболтал. Затем он высоко взмахнул рукой и нанес сильный удар по воде; острый сплюснутый наконечник дротика пришелся плашмя к его поверхности. Раздался звонкий звук, почти музыкальный, но такой резкий, что у Варгаша и Горина, несмотря на наушники в шлемах, зазвенело в ушах. Лоо ударил еще дважды таким же образом.

Ветер стих. Тростилки, торчавшие из воды, вдруг зашевелились, словно невидимая рыба расталкивала их. И вот из воды стали показываться мокрые, сверкающие в лучах прожектора головы, как две капли воды похожие на голову Лоо.

Высунув головы, соплеменники Лоо уставились

на Варгаша и Горина круглыми недоверчивыми глазами.

Варгаш и Горин повернулись так, что свет от их прожекторов перекрещивался на фигуре Лоо. В белом свете прожекторов, сверкающий, точно отлитый из серебра, стоял не застенчивый, робкий юноша, каким видели Лоо Горин и Варгаш минуту назад, а вождь — спокойный, властный, сознающий свою силу.

Но что сделают его подопечные в следующий момент? Нырнут снова в воду или пустят в ход свои дротики?

Лоо повернул голову, и, словно волна прошла по озеру, все головы повернулись туда, куда глядел Лоо. Он протянул руку к Варгашу и Горину, и те догадались осветить своими фонарями друг друга.

— Небесные коу! — произнес Лоо торжественно и не запинаясь. — Небесные коу!

Он сделал паузу. Лоо чувствовал себя уверенно, как Хц в период своего господства.

— Лоо, — сказал Лоо и ткнул себя в грудь. — Коу! — произнес он веско. Он продолжал показывать одной рукой на Варгаша и Горина, а другую простер в сторону озера и замерших в волнении слушателей. — Коу, — повторил он настойчиво. И добавил: — Небесные коу!

Выступление Лоо не походило на многословные представления старого Хц.

Сородичи Лоо слушали внимательно. Все ждали, что будет дальше. Лоо не знал, что еще говорить. Но тут его выручил Быр.

Быру наскучило слушать слова. Мало раздумывающий, поступающий под влиянием порыва, он решительно двинулся к Лоо, с шумом разрезая грудью воду. Шум разрушил общее оцепенение, двое-трое испуганно нырнули в воду. Но вслед за тем и другие потянулись за Быром. Они выходили из воды, отряхиваясь всем телом так, что брызги летели с густой шерсти в разные стороны, и сбивались в кучу, сжимая толстыми, мускулистыми руками дротики.

Никто не приблизился к Варгашу и Горину. Так

стояли они двумя группами. Толпа венерианцев и два пришельца с Земли.

В воздухе раздалось тонкое комариное пение.

Варгаш и Горин не повернули головы. Они отлично знали звук вибролета на большом удалении. В шлемофонах прозвучал сигнал вызова. Коробов, находившийся в первом вибролете, сообщил, что за ним летят и другие, но что он боится, не спугнут ли они венерианцев.

Небо вдруг посветлело. Венерианское небо, не отличающееся постоянством, подготовило очередной сюрприз. Течения и вихри, что постоянно разыгрываются в толстом облачном слое, окутывающем планету, образуют иногда что-то вроде окошка, и тогда на поверхности планеты наступает резкое посветление, словно электромеханик в театре включил несколько дополнительных софитов.

Рассвет, давно подкрадывавшийся, вдруг прорвался через такое окошко и осветил дневным светом одинокий островок. Тотчас же погас костер у подножия дерева, на песке теперь лежали мертвые деревяшки. Тускло заблестела вода. А звук в небе усилился, вибролет пел торжествующе и счастливо, как птица на Земле.

Лоо встрепенулся.

Вот тот момент, которого он так ждал, когда старый Мбаэ с покривленной спиной (его придавила синяя глина в пещере) вывел людей к озеру, ориентируясь на запах воды, он чуял его своими огромными ноздрями сквозь дали зарослей.

Лоо надеялся все время на небесных коу. Увидев рухнувшее дерево Ночной. Огонь, он приказал собрать обломки: пригодятся, чтобы дать знать о себе небесным коу. Увидев воду, Лоо так обрадовался, что, не устраивая отдыха, кинулся в нее. Лоо и его сородичи не любили леса. В воде они чувствовали себя свободнее и увереннее. Течение понесло их, отдаляя все больше от берега. Они плыли, а обломки дерева в их руках светились разноцветными огоньками.

Вдруг кто-то заметил кулу. Высунув из воды ма-

ленькую головку на гибкой шее, она плыла к острову.

Тотчас же, без всякой команды, несколько охотников нырнули и поплыли под водой, стремясь подойти к острову с обратной стороны. Остальные развернулись в цепь и, изогнув ее дугой, начали охватывать плывущую кулу с тыла. Загонщики шумели, кричали торжествующе «ха!», били по воде обломками Ночного Огня. Обломки описывали короткие сверкающие дуги, отражающиеся в воде.

Раза два кулу пыталась вырваться из облавы, но огни устремлялись ей наперерез. Тогда она решительно направилась к острову.

Охотники уже сидели в засаде. Быр руководил ими. Каким-то чутьем он умел определять момент, когда выгоднее всего наносить удар кулу. Вот и теперь, едва кулу вышла на мелкое место и показалась почти вся из воды, Быр выбежал навстречу ей и с очень близкого расстояния первым бросил свое летящее жало прямо под ее передние лапы. От волнения и оттого, что схватка происходила в сумерках, многие охотники промахнулись. Однако жало, брошенное Быром, сразило кулу. Это было редчайшей удачей. Случалось, что и днем кулу уходила от охотников, унося в своей толстой коже до десяти жал.

Обломки Ночного Огня сложили в одном месте. Переливающиеся холодным пламенем, они освещали весь островок и сраженную кулу.

Все беспрекословно слушались Лоо. Он велел захватить Ночной Огонь, и тот помог в охоте на кулу. Он приказал сложить Большой Ночной Огонь, и опять все увидели, что это хорошо. Но когда Лоо заявил, что скоро прилетят небесные коу, люди всполошились. Фигура старого Хц, потрясающего длинными руками, предостерегающего, грозного, жила в их воображении. Их мозг не мог переварить столько событий за короткое время.

Поэтому, когда на озере показался яркий свет, все бросились в воду.

Лоо полез в воду вместе со всеми. Но он все вре-

мя поглядывал из-за куста. Когда ему показалось, что он узнал Варгаша, он окликнул его.

И вот все стоят в нескольких шагах от небесных коу.

При общем молчании Коробов посадил свой вибролет на песчаном холме. Люди Лоо уже видели летающее яйцо и, провожая его взглядами, продолжали ждать.

Коробов знал около тридцати слов из языка существ, стоявших против него, но решил применить всего три. Случайно он выбрал почти те же самые, что вымолвил уже Лоо. И повторение одних и тех же слов руководителями двух человеческих коллективов с разных планет придавало происходящему характер своеобразного устного договора.

— Коу, — сказал Коробов и показал на себя. — Коу, — повторил он и протянул руку к венерианцам, десятками глаз следившим за каждым его жестом. — Лоо. — Он указал на Лоо. — Ко-ро-бов, — произнес он и указал на себя. Он хотел сказать «друзья» или «братья», но ему недоставало слова, которое могло бы иметь подобный смысл.

А небо еще больше посветлело, и в нем ясно слышался разноголосый шум нескольких вихрелетов. Машины мчались к островку, окруженному серо-ливой водой, обгоняя друг друга и заливаясь на разные голоса. Вызванные по сигналу «тревога», обитатели станции спешили на первое свидание с жителями Венеры.

Венерианцы повернули головы к небу, но продолжали молчать.

Тогда Коробов понял, что и ему нужно сделать паузу. То, что видят сейчас эти волосатые существа с круглыми без век глазами, с жадно оттопыренными клапанами носа и ушей, со ступнями, похожими на лапы животных, то, что они воспринимают сейчас, гораздо больше того, что он смог бы передать им словами их языка, даже если бы владел полным их запасом.

Вихрелеты один за другим шумно, поднимая клубы песка, садились на тесный остров. Из них выбега-

ли люди в скафандрах, окрашенных в разные цвета. Рассветные сумерки смягчали краски, и фантастическая картина казалась нарисованной нежной пастелью.

Одним из первых на песок соскочил огромный широкоплечий Нгарроба. Думая, что все церемонии закончены, или просто забыв про них, он, обрадованный встречей с Лоо, бросился прямо к нему и сжал его в своих объятиях. Землянин, какой-нибудь нежный Гарги, тут же и погиб бы, вероятно, как шутил впоследствии сам индеец, но для Лоо стальные обручи африканца соответствовали самое большее легкому похлопыванию по плечу.

Счастливый, прекрасно настроенный, Нгарроба бросился жать руку Быру, стоявшему впереди остальных.

Коробов радостно рассмеялся. Нгарроба нашел то слово, которого не хватало Коробову, а заодно и способ его передачи.

Быр, осклабившись так, что рот раскрылся до ушей, действуя тоже скорее импульсивно, чем разумом, стиснул в ответ руку Нгарробе.

Это был самый опасный момент в жизни африканца, как признался он впоследствии.

«Я почувствовал, как кости у меня хрустят, — говорил он, — я напряг изо всей силы пальцы, чтобы они не оказались раздавленными в лепешку. Природа, отправляя этих ребят в долгий путь развития, снабдила их таким запасом сил и здоровья, что можно только позавидовать».

Нгарроба побледнел, что стало заметно даже сквозь прозрачный шлем. С большим трудом он удерживался, чтобы не скорчиться и не упасть на колени. Когда жим его страшного друга ослаб, Нгарроба собрался с силой и что было мочи двинул Быра по плечу. Рука Нгарробы отлетела, точно от кожаной боксерской груши. Быр снова осклабился. Африканец закрыл глаза, ожидая ответного удара, от которого он отлетит метров на двадцать. Но Быр, видимо, не сообразил дать такой ответ. Он только зажмурился, как кошка, у которой почесали за ухом. Тогда Нгарроба

дал ему еще два тумака, после чего оба почувствовали, что стали друзьями.

Эта сцена сняла все остатки напряженности. Неподвижные, словно скованные, фигуры венерианцев зашевелились.

— Ха, — произнесли несколько хриплых резких голосов.

Лоо поднял кверху дротик, и все замолкли.

Он протянул дротик Коробову, и тот взял его.

— Ха! — воскликнули единодушно венерианцы.

— По-видимому, что-то вроде посвящения в охотники, — сказал Сун-лин.

Быр уже протягивал свой дротик с древком, покрытым грубыми зарубками, Нгарробе.

— Ха! — снова воскликнуло стадо.

— Дело подвигается вперед, — заметил Гарги. — Отношения устанавливаются.

— Кто дежурный на станции? — спросил Коробов.

— Ив.

— Пусть передает на Землю.

— Репортаж идет, — сообщил Гарги.

С островка на станцию, а со станции на Землю летели сигналы. На далекой родной планете люди затаив дыхание следили на телеэкранах за тем, как первые венерианцы вручали их посланцам символ дружбы — свои дротики. Оружие, которому никогда не суждено будет отныне быть обращенным против человека.

— Лоо! — воскликнул Нгарроба. — Черт! Иди, я тебя еще раз обниму. Ты все-таки молодец! Решил задачу, над которой мы так долго бились!

Лоо наморщил нос.

— И-дем, — сказал он отчетливо.

И все рассмеялись.

планета жила своей жизнью. Люди работали, писали стихи, забивали голы на футбольном поле, слушали музыку, ходили и ездили в гости, воздушные лайнеры переносили тысячи пассажиров через океаны и материки. Казалось, ничто не изменилось, но в сознании каждого, где бы он ни находился, в самой глубине билось ощущение необычайного. И разговор, на какую бы тему ни зашел, невольно касался того, что всех интересовало.

Пассажиры одного из трансокеанских лайнеров узнали о начале события по табло в салоне: голубая линия маршрута, радовавшая глаз геометрической прямизной, вдруг изогнулась, и звездочка, обозначающая местоположение корабля, поползла по кривой.

В окнах виднелась все та же высотная, почти черная синь. Только солнце, задержанное невидимым фильтром, желтое и плоско-круглое, словно блин, передвинулось и торчало теперь не сбоку, а сзади. Земля внизу была затянута облаками.

— Теперь уж ни одна душа не проникнет в зону, — произнес седовласый пассажир. Он ни к кому прямо не обращался. — Только автоматы увидят, как это выглядит.

— Мы с вами тоже, — быстро откликнулся молодой человек с открытым взглядом, сидевший напротив. — Если захотим!

— Да, конечно, — согласился седовласый, искоса взглянув на собеседника. Что-то в лице юноши заинтересовало его. Пассажир решил продолжить разговор. — Это верно: мы можем видеть, что происходит на Венере, или на дне Тихого океана, или в кратере вулкана, не вставая с кресла. Наши глаза разбросаны по всей солнечной системе. Но вам не кажется, что одно дело — смотреть почти осязаемое, объемное, в натуральных красках изображение, представлять себя среди стада разъяренных слонов, слышать их дыхание и шелест ветра от их движения и совсем другое дело — подвергаться настоящей опасности, рисковать быть раздавленным или поддетым клыком, вдыхать пыль, поднимаемую стадом, пыль приключения? Ведь вулкан, на вид самый настоящий, мечущий пылающие бомбы, совершенно безопасен. Метеориты, нацеленные в вашу голову, когда вы буд-то бы стоите под открытым небом на Луне, бесплотны. Сознайтесь: вам хотелось бы самому побывать хоть раз на месте действительного происшествия?

— Один раз со мной это случилось. — Юноша вдруг посерьезнел. Он не замечал легкой иронии собеседника. — И, знаете, без этого приключения мне чего-то очень недоставало бы. Вы правы: настоящее

приключение, хотя бы одно, должно быть в жизни каждого. Я даже думаю, что характер людей прошлого века — я имею в виду тех, кто создавал общество, в котором мы все теперь живем, — складывался таким волевым и напористым именно потому, что на пути к осознанной цели их подстерегали многие приключения. Ведь даже прокладка дороги в тайге требовала в ту пору подчас самого настоящего героизма.

— А в наше время? — лукаво прищурил глаз его собеседник.

— Сами знаете, — вздохнул юноша. — Контроль безопасности трясется за благополучие каждого из нас от рождения и до глубокой старости. Приключения теперь...

— Исключены? Или почти исключены? А вам не кажется, что приключение сейчас происходит с целой планетой? И все население нашей Земли переживает его, потому что оно касается всех. Что-то я не слышал, чтобы раньше бывали происшествия такого масштаба!

— О, конечно! Но я имел в виду приключения, так сказать, личного плана.

— Личного? — собеседник юноши задумался. — Ну, так вот, представьте себе, я переживаю сейчас, да, да, в этот самый момент, сильнейшее приключение моей жизни. А в ней, знаете, многое бывало.

Юноша невольно обвел взглядом салон. Люди спокойно сидели в креслах: кто читал, кто смотрел в экран блок-универсала, кто поглядывал в окно.

Собеседник чуть насмешливо поглядел на юношу.

— Я — один из авторов математической завесы. Не понимаете? Ну, той самой, что заставила только что свернуть с курса наш лайнер.

— Математической?..

— Ну да, состоящей из цифр. Попросту говоря, наши счетно-решающие машины сообщают штурманам-автоматам цифры, поправки к курсу, — пассажир говорил сейчас деловито, — и самолеты обходят запретный район кратчайшими удобными путями.

Весь сложный транспортный механизм планеты продолжает бесперебойно действовать. Это гораздо выгоднее магнитной завесы или электрической, которые предлагались для этой цели. Те ведь просто образуют непроницаемый забор для самолетов, воздействуя на их приборы управления.

— А если... — юноша замялся. Он не знал, как лучше спросить. — Если какой-нибудь... Если какая-нибудь цифра...

Седовласый пассажир понимающе кивнул.

— Наш институт дал слово Контролю безопасности, что система абсолютно надежная. А я руководитель института. Значит, мое слово и моя совесть подвергаются сейчас такому испытанию, что стой я на поверхности Луны и сыпсья на меня самые настоящие метеориты, мне было бы гораздо легче. Вот почему я называю это приключением. Ведь что главное в настоящем приключении? Не погоня за острыми ощущениями, а испытание духа прежде всего. И это остается самым существенным и в тех случаях, когда человек подвергается особой опасности и когда от него требуются и сила, и выносливость, и физическая закалка. В ваши годы я не представлял себе так отчетливо этой общности.

Юноше показалось, что лицо его собеседника вдруг изменилось. Подбородок очертился тверже, западины щек стали заметнее, точно на них упала тень, все черты выглядели жестче.

— Идем на посадку, — объявил автомат, — на запасный аэродром «Новая Зеландия Третья». По новому, временному расписанию отсюда можно проехать...

2

Как всегда в последнее время, Костя и Оля встретились на берегу моря.

Мальчишки, игравшие на пляже, подняли страшный крик. Одни бегали по гальке в игрушечных скафандрах, другие, голые, бросались в воду и лихо

плыли, держа в руках дротики, — видимо охотясь на воображаемого зверя.

— Играют в экспедицию на Венере, — сказала Оля. — Вон тот, загорелый, наверное, Лео. А этот, в голубом скафандре, конечно, изображает Нгарробу.

— Чего ж ты хочешь! Следующие поколения мальчишек будут играть в перемещение планет, или в поворот земного шара, или...

Оля взглянула на Костю. Каменная беседка, в которой они сидели, напоминала о прочности, незыблемости и даже вечности.

— Все-таки это очень рискованно, — сказала она. — Опыт с целой планетой! С человечеством в конце концов.

— Ты и права и не права, — возразил Костя. — Опыт действительно грандиозный, — он положил руку на теплый от солнечных лучей парапет. — Климат Земли зависит от многих факторов. От характера ее поверхности — тут человек кое-что изменил, сместив горы, соединив материки, оросив пустыни. От морских течений и воздушных потоков — и тут человек вмешался и внес свои коррективы. Есть и такой существенный фактор — наклон земной оси к орбите. Раньше он считался неизменным и как бы выбрасывался из расчетов. Но вот оказывается, что теперь и это нам под силу. Ты же знаешь главное: по заданию Планового бюро сотни научных учреждений разработали комплексный план создания благоприятных природных условий на всей Земле. Зона, особо благоприятная для жизни, будет постепенно расширяться, пока она не охватит всю планету. План будет осуществляться в течение десятков лет. В него включается и изменение наклона земной оси.

— Но ведь если растают льды, — покачала головой Оля, — произойдет тысяча катастроф.

— Ничего не произойдет. Вот тут-то ты и ошибаешься. Нынешнюю сенсацию заметят только астрономы и вообще ученые, а не мы с тобой. — Костя рассмеялся. — Речь идет сегодня о смещении земной оси на ничтожную величину. Только тончайшие приборы

уловят разницу. Ведь это все лишь опыт. Хотя и с целой планетой.

— Мне не совсем ясно одно, — сказала девушка. — Почему именно сейчас поставлен опыт? Есть в этом какая-нибудь особая необходимость?

— Когда-нибудь же надо начинать. Не начинать — значит никогда не свершить. Человечество созрело для таких задач. Если хочешь знать, — добавил он, — нынешний опыт нужен для развития науки. Теоретическая мысль человечества в этой области подошла уже к такой ступени, что требуется конкретный опыт, иначе она не может развиваться дальше. Теория и практика человеческая здесь сошлись. Таковы масштабы деятельности человека сегодня — вот и все.

Они помолчали с минуту. Потом перешли к своим личным делам.

— Ну, а как твоя картина? — спросила она другим тоном.

— Это оказалось труднее, чем я думал. Знаешь, чего мне не хватало до сих пор? Зрелости. Обыкновенной человеческой зрелости. Я почему-то думал, что личный героизм присущ лишь прошлой эпохе, когда боролись за то, чем мы сейчас обладаем. Сегодня, когда я летел к тебе, я встретил одного человека, просто попутчика... И вот в случайном разговоре нечаянно он раскрыл передо мной целый мир приключений, присущих современному человеку в его повседневной жизни. Не только в космосе, но и на Земле тоже силы человеческие — нравственные и физические — проходят большие испытания. И я понял, что в моей картине недоставало главного. Раньше мне все представлялось очень ясно. Даже, пожалуй, слишком. Спокойная, как солнечный восход, картина: тайга, трасса, прорубленная среди заросших сопками сопок, уставшая машина и полный еще не растраченных сил молодой тракторист. Простой парнишка, протянувший руки к струе воды, которую льет из кувшина девушка... Получалось простое счастье двоих, извечно существующее и никогда не умирающее, чистое, как солнечный луч. Но ведь мои герои

не просто он и она, и их время не равнозначно всяким другим временам. В юноше и девушке там, в тайге, заключено будущее человечества. Значит, наше сегодня. Более того, и наше завтра тоже. Именно это-то и делает простого юношу и простую девушку, рядовых людей своей эпохи, героями! Но вот этой нити к нам, к нашим сегодняшним делам я и не сумел показать.

Он даже поник головой.

— Так хочется изобразить то легендарное время, ту героическую эпоху, когда день за днем строилось коммунистическое общество, — продолжал он тихо.

— Ты очень разбрасываешься, — с суровой заботой произнесла девушка. — Вместо того чтобы заняться чем-нибудь устремленно, меняешь профессию за профессией! Восемь месяцев работал в группе по проектированию планетного двигателя, а сейчас, когда начался эксперимент, разъезжаешь по всей планете. Наверняка ищешь новое «интересное занятие».

— То мое дело уже завершено. Теперь я должен на некоторое время отойти в сторону. Разъезжаю же я не зря. Хочется посмотреть еще раз на планету, окинуть взглядом объект, над которым проделывается такой опыт. В некотором роде с моим, пусть и маленьким, участием. И, конечно, я ищу нового приложения своих сил. Тут ты права. Академик Нестеров говорит, что настоящим художником может стать только человек, перепробовавший своими руками всяких человеческих дел, много испытывший в жизни. Чтобы отдать людям, надо иметь, — говорит он.

— А что еще говорит академик Нестеров?

Костя откинулся на спинку скамьи.

— Он говорит, что прописную истину наших дней — «каждый может стать Ломоносовым или Леонардо да Винчи» — нужно понимать глубоко, в историческом развитии. Что он имеет в виду? Гениальные одиночки, одновременно ученые и художники, люди многих направлений творческой мысли, долгое время служили исполинскими маяками в развитии

науки и культуры. Потом люди решили, что время Ломоносовых прошло. Наука, одна какая-нибудь отрасль ее требовала всей жизни человека, и этого было еще мало. Науки стали дробиться, и все равно человеческой жизни не хватало: ученый уходил, не свершив много из того, на что был способен. Ему просто не доставало времени: часов в сутках и самих суток. В то же время нарождались новые науки, они быстро развивались, и требовалось охватить их взглядом не только глубоким, но и достаточно широким. Некоторые склонны были видеть в этом противоречии кризис человеческого ума. Но ум человека разрешил это противоречие. — Костя остановился, оглядел горы на берегу, башню в форме километровой иглы на самой высокой вершине, окруженной снегом, станцию релейной связи, перевел взгляд на мальчишек на берегу и в раздумье продолжал: — Человек придумал машины, которые так же в несчетное число раз усиливают возможности человеческого мышления, как электронные микроскопы и радиотелескопы обостряют наше зрение. Работоспособность человека неизмеримо увеличилась. А ведь работоспособность — это девятая часть процентов гениальности, так по крайней мере всегда утверждали сами гении, — засмеялся он. — Конечно, тот один, сотый, процент играет огромную роль. Но ведь в распоряжении любого исследователя сегодня вся наука человечества в доступной и удобной для пользования форме и все лучшие умы, гении современности, которые либо придут ему быстро на помощь, либо разовьют его идеи на самом высоком уровне, если он сам не в состоянии это сделать. Ты понимаешь, что коллективная мысль, организация совместного творчества людей в масштабе целой планеты и полный простор для творчества всех людей в самых разных областях и делают каждого из нас подобным Ломоносову или Леонардо да Винчи. Мы как бы часть коллективного гения, все — и самые великие и самые скромные. Каждый может, а значит, и обязан развивать все свои способности! И у нас на все хватает времени. Извини за эту маленькую лек-

цию. Я, наверное, слишком долго думал над этим последнее время. И должен был высказаться. Вот почему, — добавил он, — у многих не одна профессия, не говоря уже о смежных специальностях. Даже тот, кто почти целиком отдается одной большой страсти, обыкновенно хоть крохотную частицу души оставляет еще какому-нибудь маленькому увлечению. И я вовсе не мечусь, я пробую себя. Пробую во всех областях, к которым у меня появляется интерес. В прошлом случалось, что люди обнаруживали у себя таланты на склоне лет. Сейчас, как ты знаешь, это рассматривается как серьезная вина самого человека.

— Ты так увлечен прошлым...

— Это помогает мне лучше понять настоящее.

Девушка помолчала.

— У Леонардо да Винчи, помнится, были и другие увлечения, — сказала она вдруг.

— Да, он увлекался очень многим. Воздухоплаванием, например. Потом... что ты смеешься?

— Ничего.

Теперь она смотрела на Костю лукаво, совсем как та девушка на эскизе его картины, что помогала умыться трактористу, и как та, что столько веков улыбалась на картине самого Леонардо.

Костя посмотрел на Олю.

— Я дурак! — произнес он убежденно. — Конечно, выражаясь языком прошлого, — добавил он, пытаясь еще шутить.

В его глазах отразилось чувство глубокого страха: несколько мгновений он смотрел на девушку, словно боялся, что ее сейчас отнимут у него. Губы его шевелились, но он не мог вымолвить ни слова.

— Нет, просто мальчишка, — возразила Оля. Она была проницательнее, чем он, хотя он и больше знал.

Она провела рукой по его волосам.

— Ты даже такой же растрепанный, как те мальчишки, что играют в экспедицию на Венере.

Эти слова вдруг напомнили им о другой, более близкой планете, той, на которой они жили.

— А вдруг что-нибудь произойдет не так? Смотри! — Девушка схватила Костю за руку. — Вода прежде доходила только до того камня, а сейчас он мокрый. Море перемещается...

Юноша внимательно посмотрел на камень. Интерес, удивление, потом легкое сожаление промелькнули на его лице. Он рассмеялся.

— Это прилив. Не волнуйся — там все рассчитали.

3

— Внимание, — сказал голос. На командном пункте стало тихо.

Легкий балкон, на котором сидели люди, опоясывал зал — пол его представлял собой экран объемного изображения. Казалось, они парят в воздухе над страной лилипутов. Впрочем, населения здесь не было. Человеческая нога не ступала да и не могла ступить на эти вершины и скользкие склоны. Горную страну выкопали из-под слоя льда толщиной в два, а где и в три километра, прорубив в нем каньон с отвесными стенами. На дне каньона длиной в добрую полусотню километров сверкали, выглядывая из тени, пики, а ниже темнели хребты, похожие на черных гусениц. В следующий момент создалось впечатление, что балкон поплыл: присутствующие как бы пронеслись над ледяным каньоном к тому месту, где он начинался. Здесь во льду был вырублен круг, в центре его располагалась широкая, похожая на заклепку, загнанную глубоко в тело планеты, рыжая, словно ржавая, гора. На склоне горы темнело овальное пятно.

Пятно вдруг засветилось. Казалось, там, внутри горы, кто-то раздувает пламя. Крупные искры вылетали из отверстия и проскакивали на несколько километров по ледяному ущелью, расширяющемуся к противоположному концу.

— Скальные обломки, — сказал кто-то.

Послышался легкий шум — грохот, приглушенный в тысячу раз. Потом гора вздрогнула. На худом

лице Манташева заиграл желвак. Вот он, миг, которого так ждали! Архимед тысячелетия назад сказал: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Человечество нашло, наконец, силу, способную сделать это, опираясь на самую планету. Реактивный двигатель, встроенный в тело материка около полюса, сдвинет земную ось.

Гора словно выстрелила. Из жерла на ее склоне выметнулся длинный огненный язык. Он занял почти половину каньона, потом стал вытягиваться. Словно желая избавить наблюдателей от жара бушующего пламени, ущелье отодвинулось и стало теперь видно во всю свою длину. Огненный язык все вытягивался и вышел за пределы ущелья. Его конец лизал воздух уже над поверхностью земли.

— Ну что ж, форсунка заработала, — с удовлетворением произнес Забелин. — С точностью до секунды.

— Что скажет Земля? — возразил Манташев. Желвак на его щеке продолжал шевелиться, как бы в такт каким-то невысказанным мыслям.

— Сто раз прикидывали!

— На счетных машинах. И на модели. А на планете ни разу.

— В конце концов опыт может быть приостановлен. Достаточно произнести слово «стоп». Контроль безопасности не дал бы согласия на производство эксперимента, если бы все не было сто раз подстраховано.

Ледяная броня возле ущелья таяла. Потоки воды хлынули в каньон. Клубы пара закрыли картину: в глубине волнующейся белой завесы лишь изредка появлялись и исчезали розовые пятна.

Забелин включил инфракрасный экран. Язык пламени стоял ровно, почти не шевелясь.

— Процесс идет нормально, — сказал он.

Все умолкли.

Стрелки на циферблатах, кривые на экранах осциллографов докладывали, что все идет как надо. Никто не смотрел на них; они фиксировали данные для истории. Если бы что-нибудь отклонилось от нор-

мы, автоматический контролер немедленно доложил бы.

Вынужденное бездействие казалось невыносимо томительным. Столько напряженной работы в течение многих лет было вложено в подготовку этого момента — и вот они сидят и смотрят картину на экране на положении простых зрителей.

— Да, — сказал Забелин, чтобы нарушить молчание. — Когда-то наш предок грелся у костра, поворачиваясь к огню стынущим боком. А сегодня мы беремся за земную ось и собираемся повернуть матушку Землю к Солнцу той ее стороной, которая, по нашему мнению, больше нуждается в тепле.

Манташев молчал. Конечно, замысел грандиозен. Ответственность, которую взяли на себя авторы проекта, и смелость человечества стоили одна другой.

Шли минуты и часы...

— Ну, вот и все, — почти разочарованно произнес один из собравшихся, откидываясь в кресле. — Вот так и будем сидеть пять суток.

Но тут один из приборов неожиданно произнес, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Материк сдвинулся с места!

Можно было и не глядеть на другие приборы, на разные голоса подавшие сигналы тревоги. Даже простой глаз видел, что гора, изрыгающая пламенный язык, медленно уходит вместе с каньоном и ледяным плато из поля зрения.

— Верните ее! — крикнул кто-то, не выдержав.

Манташев тронул рукоятку. Гора остановилась. Потом двинулась назад и заняла прежнее место.

— Нет, не на экране, а в действительности, — потребовал тот же голос. В нем прозвучали нервные нотки.

— Мы можем только выключить двигатель, — спокойно сказал Забелин.

Манташев взглянул на красный зрачок на пульте.

— Доложите обстановку, — потребовал он, склонившись к микрофону под зрачком.

Особый сверхприбор, наблюдающий за работой

всех прочих приборов, обобщающий их показания и делающий логические выводы, тотчас же сообщил:

— Оторвался кусок материка и движется под влиянием силы отдачи двигателя.

— Решение?

— Нет данных. Нужны измерения оторвавшейся части.

— Выключить двигатель мы можем, — все еще спокойно сказал Забелин. — Но вопрос: стоит ли?

— Ответ мы должны получить быстро, — озабоченно произнес Манташев. — Иначе... — он умолк.

4

Зрелищу нельзя было отказать в красоте. Чуть подсвеченная изнутри модель планеты с нежно-голубыми океанами и золотистыми материками вращалась в такт с ходом суток. Вокруг макушки Земли ползали жуки — то зеленые, то красные, меняя цвет при подходе к черте. Многие жуки, даже не приближаясь к запретной линии, заранее изменяли курс.

— Вы, собственно, зачем сюда явились? — спросил Свиридов. — Ваша математическая завеса действует как надо.

Седовласый человек с нервным лицом выглядел смущенным.

— А если какой-нибудь тупой автомат? — озабоченно произнес он.

— В тупости автоматов их сила, — возразил Свиридов. — Они не знают неповиновения.

— Но какая-нибудь отказавшая деталь...

— В аварийных устройствах все детали повышенной надежности. Наиболее ответственные дублируются. Вы позабыли азы Контроля безопасности? Я не узнаю вас. Что с вами?

Чернов вздохнул.

— Сам не знаю. Мне все кажется, что может произойти какой-нибудь нелепый случай. Один самолет с неисправной антенной, и...

— Самолеты с неисправными антеннами не вы-

пускаются в рейс. У них не запускаются моторы. Вы же знаете. Если в оборудовании хоть малейшая неисправность, стартовый автомат не срабатывает.

— Неисправности могут появиться в полете!

— Тогда срабатывает посадочный автомат. И это вы тоже знаете.

— А если...

— Хватит ваших «если», — рассердился Свиридов. — Для чего, по-вашему, мы сидим здесь? Чтобы обезопасить эти «если» и чтобы вы были спокойны. Вы и Контроль безопасности.

— Но один случай всегда может выпасть... Я должен допустить его просто как математик...

— Теория вероятностей на вашей стороне. На нашей стороне — техника. — Свиридов кивнул на стеклянную стену, за которой стояли две аварийные машины в полной готовности к вылету. — Восемь аварийно-спасательных станций подкарауливают этот ваш математический случай. Вы успокоились, дорогой друг? Вам нужно просто отдохнуть...

— Можно я посижу с вами? Сам не знаю, что со мной. Всего несколько часов назад я был совершенно спокоен. А сейчас...

— Ладно, — Свиридов повернулся во вращающемся кресле. — Устраивайтесь на диване. В конце концов мы с вами обеспечиваем вспомогательные операции. На главном направлении наступаем не мы. Вы ведь слышали, опыт идет совсем не так, как ожидали.

— Да, Антарктида сдвинулась. — Чернов уселся на диване. Глаза его машинально следили за цветными жуками на табло.

— Совет заседает непрерывно, — сказал Свиридов. — Собственно, сейчас нельзя даже просто прекратить эксперимент. Раньше считалось, что его могут приостановить в любой момент, а оказалось, что нет.

— А как же расчеты?

— Риск есть в любом опыте. Иначе это не опыт. До каких-то явлений наши цифры еще не дошли. Все считали, что Антарктида выдержит. Какую-то слаби-

ну в глубине недоглядели — примесь в породе, изменение в расположении кристаллов, мало ли что. Какой-то брак в работе природы. Ведь материк вовсе не монолитный, а сила приложена к Земле истинно космическая. Материк треснул, и кусок его там, где находится двигатель, пришел в движение. Теперь трудно сказать, что лучше: оставить оторвавшийся кусок Антарктиды там, где он есть, остановив опыт, или перенести в такое место, где его влияние на размещение массы Земли будет наименьшим. Вы знаете, сейчас планету взвешивают очень скрупулезно — приборы могут заметить чуть ли не ваши шаги по Земле. Представляете, какую приборы подняли панику! Счетные машины пересчитывают все заново. Но им нужны точные сведения об оторвавшемся куске материка.

— Роботы их дадут.

— Готовых автоматов для такой именно работы нет.

— Их надо изготовить.

— Боюсь, что просто не успеть.

Резкий звонок прервал разговор.

Свиридов поднял глаза к табло.

Два рубиновых жука пересекали красную линию.

Звонок умолк и тут же затрещал снова.

Еще два жука в другом месте словно шилом проткнули красную нить.

Звонок зазвенел в третий раз. Еще одна пара жуков решительно и прямо нацелилась на линию оборон.

Чернов приподнялся с места.

— Станция «Шесть»? — послышался голос начальника спасательной службы.

— Машины на старте! — откликнулся Свиридов. — Готовность к вылету — одна секунда.

— Обождите, — сказал Ван Гульден. — Это машины «Скорой помощи» пошли на задание. Что случилось? Ничего. Вернее, слишком многое... В общем через семь минут и к вам придут ученые, отдайте им машины. Ничего не поделаешь; только машины «Скорой помощи» снабжены устройством, позволяю-

щим проникать за математическую завесу. Ученые полетят к месту действия. Да, им необходимо там побывать. Самим. Продолжайте нести дежурство, — добавил он. — Получите запасную машину со станции «Восемь».

— Ну, — воскликнул Свиридов, поворачиваясь в кресле. — Вот случай, которого даже вы не сумели придумать! Кажется, сегодня работы хватит!

5

Машина шла на высоте двенадцати километров. Три слоя облаков отделяли наблюдателей от Земли.

— Видишь, меньше, чем на командном пункте, — пожаловался Манташев.

Действительно, после эффектного ощущения полета над Южным полюсом, которое создавали видоустройства командного пункта, когда людям казалось, что они парят в воздухе и могут переноситься в мгновение ока в любое место, реальный полет выглядел скучным. За окнами пустота. Табло в кабине самолета напоминало картину в рамке, повешенную на стенку.

— Как странно получилось! — подумал вслух Забелин. — Казалось, все абсолютно взвешено.

— Процент неведомого всегда велик там, где что-нибудь делается впервые, — возразил Манташев. — Вы думаете, первому полету человека в космос не предшествовали опыты без людей? Их было столько, сколько требовалось, чтобы получить достаточную уверенность, хотя риск все же оставался... То, что мы делаем, тоже опыт. Не на модели уже, как было до сих пор, а прямо на Земле. И, наверное, потребуется еще не один такой опыт, пока операция в окончательном виде не предстанет как абсолютно надежная. Ведь какая силища прикладывается! Земля ничего подобного еще не знала...

— Раз Контроль безопасности разрешил наш полет в зону, значит он считает положение достаточно серьезным.

— Он, как и все мы, считает, что немногие могут и даже должны рисковать в интересах миллионов. Кроме того, он исходит из принципа: человек не должен уступать без боя обстоятельствам. В этом залог безопасности людей; в том, чтобы они были сильные и смелые.

Он взглянул на табло.

— Повторим для ясности условия задачи. Выключить двигатель мы можем в любой момент. Здесь нет никакой проблемы. И если бы двигатель оставался на месте, а не кочевал вместе с оторвавшимся куском Антарктиды, никаких осложнений не произошло бы. Сейчас, выключив двигатель, мы не восстанавливаем статус-кво. Значит, возникает необходимость иметь возможность включить двигатель после остановки. То есть это уже не вулкан, а мотор, который мы включаем, выключаем и снова включаем, что раньше не предусматривалось. И возможности тут...

Он взглянул на Забелина.

— Я уже докладывал, — пожал тот плечами. — Двигатель не рассчитан на повторное включение. Он активно работает восемь часов в сутки. Мощность его за этот срок меняется. Наибольшая — когда реактивная отдача действует прямо в сторону поворота Земли. Остальные шестнадцать часов идет тихое горение, но с очень высокой температурой. Земля делает оборот, и двигатель снова начинает извергать мощную струю раскаленных газов. Это переключение нами не управляется. Просто горючее заложено перемежающимися слоями: активный слой, слой поддержания реакции. Это сделано именно потому, что включать его заново очень трудно. Камера должна охлаждаться месяца полтора. Только потом туда смогут проникнуть автоматы, чтобы установить новый запал и подвести провода на место тех, что сгорели. Там все накалено. Ведь это на самом деле вулкан, только в тысячи раз более сильный, чем настоящий. Заглушить его мы можем легко, впрыснув в жерло вещество, останавливающее реакцию. Ракеты стоят наготове.

Манташев покачал головой.

— С точки зрения механики самое неприятное, если возникнут биения. Ведь сошедший с места кусок материка нарушил равновесие земного шара. Он превратился в эксцентрик. В конце концов все, конечно, снова уравновесится, но чтобы это произошло, придется, может быть, подвинуться на какие-то метры, а то и километры и другим материкам.

— Пожалуй, лучше всего было бы вернуть отодранный кусок на прежнее место.

— Каким образом? Ваша форсунка ведь работает только в одном направлении.

Машину тряхнуло. Забелин больно стукнулся плечом о стенку кабины.

— Восходящие токи, — пояснил кто-то. — Уже очень разогрело макушку планеты.

Солнце на миг заглянуло в кабину, осветило взволнованные, напряженные лица.

Тысячи людей в разных местах планеты думали, вычисляли, искали решение. Заседание Совета ученых шло непрерывно. Никого, кроме председателя, в зале, разумеется, не было. Он обязан был в таких случаях сидеть на своем месте за столом президиума, вернее — за пультом диспетчера. На больших экранах, составляющих стены, можно было видеть ученых, занятых в своих лабораториях, у анализирующих машин, в глубинных шахтах, врезанных в тело планеты, в астрономических обсерваториях. Летевшие в самолете тоже занимали один из экранов. Находясь на месте события, они должны были представить не только данные приборов, взятых ими с собой вместо роботов, но и свои мысли для принятия решения.

Машину тряхнуло снова. На этот раз гораздо сильнее.

— Придется взять выше, — сказал Забелин.

— А я предлагаю — ниже.

Манташев говорил спокойно.

— Это безумие!

— Это необходимость.

Манташев не изменил тона.

— Поясните по крайней мере!

— да что тут пояснять.— Манташев говорил медленно, словно лениво. — Три пары самолетов с учеными на борту исследуют оторвавшийся кусок материка во всех направлениях, кроме центра. Центр предоставлен нам. В этом вся загвоздка. В конце концов здесь наш двигатель. Словом, мы должны спуститься ниже летающих автоматов и все прощупать непосредственно.

— Ну что ж, — Забелин думал не больше секунды. — Нам дано право решать.

Он продиктовал приказание.

Автоматы не удивляются и ничем не выражают своего отношения к тому, что слышат. С точки зрения электронного мозга приказание было безрассудным. Но люди всегда в чем-то существенно отличаются от своих технических созданий. Они позволяют себе даже не совсем логичные действия. Машина круто пошла вниз. Ее трясло и подбрасывало, словно на ухабах. Солнце исчезло. Лохматые полосы косо потянулись за иллюминатором. Потом забрезжил бледный свет. Затем опять серая стена возникла за окнами. Но свет, сменивший ее, имел уже розовый оттенок.

Когда машина пробила нижний слой облаков, ее отбросило в сторону. Клубы пара заволокли все вокруг. Создалось впечатление, что самолет снова вошел в тучи. Среди багрового тумана мелькнул огненный язык и исчез.

Плотные клубы пара залепили окна.

— Ничего не видно, — вздохнула прибористка.

— А тут нечего смотреть, — возразил Манташев. — Надо измерять. Мы находимся в зоне, в которой не летают даже роботы.

На экране в салоне и правда как на картине все казалось миниатюрным и неопасным. Однако когда машина пошла поперек огненного ущелья, порывом горячего воздуха ее вознесло так, что она вылетела в нижний слой облаков.

— Пойдем вдоль каньона, — сказал Манташев. — Поперечный разрез взять не удастся.

Пройдя вдоль ущелья во всю его длину, самолет

сделал несколько параллельных галсов. Чем дальше от пламени, тем спокойнее шла машина. Последний галс она проделала почти нормально.

— Теперь перекинемся на ту сторону.

Манташев всматривался в электрифицированную карту. Густые брови под широким лбом шевелились. Желвак на щеке опять заходил.

— Дайте-ка все данные о рельефе, — потребовал он у прибористки, — того района, где мы сейчас побывали. И о мощности льдов... Маловато, — сказал он разочарованно, взглянув на диаграммы. — Но, может быть, по ту сторону лучше. Не знаю, — обратился он к Забелину, — как будет обстоять дело с чисто инженерной стороны, я не берусь судить, но одно предложение я, кажется, сделаю. Только надо сначала обследовать зону по ту сторону пропасти.

— Скажите сейчас, — потребовал Забелин. — Как вам не совестно!

— Хорошо! — он схватил Забелина за руку. — Если наклон рельефа с той стороны ущелья достаточно...

Он не успел кончить. Машина, не сумев пересечь ущелье, скользнула вниз и, словно с горки, покатилась к пылающему языку, который занимал теперь весь экран, не вмещался в рамки.

«Вверх!» — хотел крикнуть Забелин, но тут же сообразил, что автоматы и сами это сделают, если это только возможно.

«Если эти дурацкие автоматы выбросят нас на парашютах, мы сгорим, — пронеслось в голове. — Они ведь не понимают, что выброс в этих условиях несет гибель. Сработают, как... как автоматы!»

— Отставить аварийный выброс! — крикнул он как можно громче.

6

— Номер шесть — приготовиться!

Чернов вскочил с места.

— Это вас не касается, — остановил его холодно Свиридов. — Вы здесь на правах гостя.

Губы Чернова шевелились. Он не замечал этого.

— Да что тут пояснять.— Манташев говорил медленно, словно лениво. — Три пары самолетов с учеными на борту исследуют оторвавшийся кусок материка во всех направлениях, кроме центра. Центр предоставлен нам. В этом вся загвоздка. В конце концов здесь наш двигатель. Словом, мы должны спуститься ниже летающих автоматов и все прощупать непосредственно.

— Ну что ж, — Забелин думал не больше секунды. — Нам дано право решать.

Он продиктовал приказание.

Автоматы не удивляются и ничем не выражают своего отношения к тому, что слышат. С точки зрения электронного мозга приказание было безрассудным. Но люди всегда в чем-то существенно отличаются от своих технических созданий. Они позволяют себе даже не совсем логичные действия. Машина круто пошла вниз. Ее трясло и подбрасывало, словно на ухабах. Солнце исчезло. Лохматые полосы косо потянулись за иллюминатором. Потом забрезжил бледный свет. Затем опять серая стена возникла за окнами. Но свет, сменивший ее, имел уже розовый оттенок.

Когда машина пробила нижний слой облаков, ее отбросило в сторону. Клубы пара заволокли все вокруг. Создалось впечатление, что самолет снова вошел в тучи. Среди багрового тумана мелькнул огненный язык и исчез.

Плотные клубы пара залепили окна.

— Ничего не видно, — вздохнула прибористка.

— А тут нечего смотреть, — возразил Манташев. — Надо измерять. Мы находимся в зоне, в которой не летают даже роботы.

На экране в салоне и правда как на картине все казалось миниатюрным и неопасным. Однако когда машина пошла поперек огненного ущелья, порывом горячего воздуха ее вознесло так, что она вылетела в нижний слой облаков.

— Пойдем вдоль каньона, — сказал Манташев. — Поперечный разрез взять не удастся.

Пройдя вдоль ущелья во всю его длину, самолет

сделал несколько параллельных галсов. Чем дальше от пламени, тем спокойнее шла машина. Последний галс она проделала почти нормально.

— Теперь перекинемся на ту сторону.

Манташев всматривался в электрифицированную карту. Густые брови под широким лбом шевелились. Желвак на щеке опять заходил.

— Дайте-ка все данные о рельефе, — потребовал он у прибористки, — того района, где мы сейчас побывали. И о мощности льдов... Маловато, — сказал он разочарованно, взглянув на диаграммы. — Но, может быть, по ту сторону лучше. Не знаю, — обратился он к Забелину, — как будет обстоять дело с чисто инженерной стороны, я не берусь судить, но одно предложение я, кажется, сделаю. Только надо сначала обследовать зону по ту сторону пропасти.

— Скажите сейчас, — потребовал Забелин. — Как вам не совестно!

— Хорошо! — он схватил Забелина за руку. — Если наклон рельефа с той стороны ущелья достаточен...

Он не успел кончить. Машина, не сумев пересечь ущелье, скользнула вниз и, словно с горки, покати-лась к пылающему языку, который занимал теперь весь экран, не вмещался в рамки.

«Вверх!» — хотел крикнуть Забелин, но тут же сообразил, что автоматы и сами это сделают, если это только возможно.

«Если эти дурацкие автоматы выбросят нас на парашютах, мы сгорим, — пронеслось в голове. — Они ведь не понимают, что выброс в этих условиях несет гибель. Сработают, как... как автоматы!»

— Отставить аварийный выброс! — крикнул он как можно громче.

6

— Номер шесть — приготовиться!

Чернов вскочил с места.

— Это вас не касается, — остановил его холодно Свиридов. — Вы здесь на правах гостя.

Губы Чернова шевелились. Он не замечал этого.

— Номер шесть... — повторял он как заклинание. — К вылету, к вылету...

— Номер шесть — к вылету, — слышалась, наконец, спокойная команда автомата. — Номер четыре — приготовиться!

Свиридов не успел ничего сделать.

Чернов, не рассуждая, не думая, потеряв власть над собой, бросился прямо к машине сквозь стеклянную перегородку. Стена исчезла, прежде чем он сделал шаг к ней. Дверца машины откинулась, словно внутри кто-то уже ждал его. Она захлопнулась, едва он вскочил в широкий зев; машина, получившая за эту неполную секунду все необходимые данные, без разбега взвилась в воздух. Если бы не автоматические захваты, мягко и крепко взявшие в свои объятия Чернова, он отлетел бы в угол. По аварийному вызову машина вылетает не так, как в патрулирование. Спинка кресла давила и давила на Чернова — даже пуля, если бы могла чувствовать, испытывала бы, вероятно, меньше ощущений, потому что, вылетев из дула, она мчится по инерции. Машина не прекращала разгона ни на мгновение, а когда это мгновение, наконец, наступило, Чернов почувствовал замирание сердца: машина падала вниз.

Он увидел скалы в клубах пара. В следующий момент Чернов уже стоял на узкой площадке рядом с поврежденной машиной испытателей. Он выскочил в скафандре, легком и охлаждаемом изнутри.

Чего ему здесь не хватало, так это инфракрасного видения. В клубах пара он вообще ничего не видел. По ногам выше колен била вода. В спину дул ветер. Сверху падал дождь не дождь — плотная липкая морось залепила шлем. Крик его, усиленный микрофоном, никто не услышал.

Вдруг что-то с размаху ударило его в лоб. Не будь он защищен упругим прозрачным шлемом, он не уцелел бы. Чернов упал, вода тотчас же с жадностью набросилась на него и поволокла по ледяному уступу, в сторону каньона. Там тысячи градусов температуры и сверхвысокие скорости пламенного языка.

Чернов с трудом приподнялся. Ветер и пар снова

обрушились на него. Он хотел уцепиться за крутой борт машины, к которой его прибило, но руки соскальзывали. Где-то в носовой части должно быть аварийное кольцо. Раза два его чуть не затянуло под машину. Кольцо убиралось в корпус с такой точной подгонкой, что не оставалось даже маленькой щели. В досаде Чернов пнул ногой в корпус машины, и тотчас же что-то стукнуло его по ноге. Нечаянно удар пришелся рядом с кольцом, и оно откинулось.

Нагнувшись, он вцепился в кольцо обеими руками. На миг Чернов показался себе сказочным силачом Ильей Муромцем: весь корпус машины повернулся, когда он потянул за кольцо. Но тут же корпус двинулся и потащил его за собой.

Продолжать держаться за кольцо значило только одно: идти к верной гибели. Зато выпустить кольцо — наверняка потерять машину. Счастливые случайности не выпадают дважды.

Чернов держал кольцо, тянувшее его в туман и мрак, и, сосредоточив всю свою волю, громко и отчетливо отдавал приказания спасательной машине. Она должна быть где-то рядом, если ее не сорвало в пропасть. Но вдруг прервется связь или аппарат не услышит, не поймет его?

— Трос! — приказывал Чернов. — Спасательный трос! На мой голос. — Он не мог указать в тумане другого ориентира. — Скорее!

«Бросаю», — равнодушно ответила машина.

Чернов пригнулся. Крюк ударился в металлический корпус прямо над его головой.

Чернов подхватил крюк и накинул его на кольцо.

— Тяни! — крикнул он.

Хватаясь за тонкую плетеную нить руками, Чернов дошел до своей машины. Он ухитрился залезть внутрь; там было почти по пояс воды.

— Вперед! — командовал он.

Перегруженная машина не двинулась с места.

— Вверх, — сказал Чернов. — Вертикально.

Словно перекормленный гусь, машина тяжело, с шумом и плеском оторвалась от воды. Она гудела и трепетала от напряжения, виса на одном месте. Трос,

соединяющий ее с другой машиной, мягко прогнулся. Не дожидаясь, пока самолет разлетится вдребезги, Чернов открыл донные люки, и вода устремилась через отверстия наружу.

По мере того как вес машины уменьшался, она держалась в воздухе все увереннее, наконец трос натянулся, и вот наступил момент, когда груз стронулся с места.

Чернов повел самолет низко, так, чтобы тяжелое тело, которое он тянул на буксире, плыло в воде, стекавшей в ущелье. Поднять в воздух потерпевшую аварию машину он не решался. Так он вел ее, как сома на удочке, пока не выволок на сухой лед.

Здесь он решил сделать передышку. Но едва он посадив свой самолет, как тотчас же рядом с ним, разбрасывая брызги льда, села другая спасательная машина. Оттуда вылез Свиридов, чрезвычайно разъяренный, и велел Чернову занять место пассажира. Сам он, быстро прицепив к пострадавшей машине второй трос, сел в переднее кресло.

Командуя сразу двумя машинами-тягачами, Свиридов ловко и уверенно завершил спасательную операцию. Через несколько секунд после прибытия на станцию пострадавших уже развозили по санаториям.

Когда заботы первой необходимости остались позади, Свиридов обернулся к Чернову.

— Послушайте, — сказал он свирепо, — вам нужно лечить нервы. Чего это вы бросились в спасательную операцию? Вы что, знаете это дело лучше других? Или не было на месте никого, кроме вас?

Чернов провел рукой по лбу.

— Я совсем не подумал, — смутился он. — Я так живо представлял себе все время, что может случиться с самолетом, если он окажется по ту сторону заветы, что когда слышался...

— С таким воображением, как у вас, — прервал его Свиридов, — нечего являться на спасательную станцию. Зачем вы пришли?

— Но я человек...

— Именно поэтому! Я бы не пошел в спасательную службу, если бы знал, что не гожусь для этого.

Вам надо было ехать в санаторий и ждать, когда все кончится.

— Это было бы мучение! — вырвалось у Чернова.

— Мучались бы вы один, — непримиримо возразил Свиридов. — Без всякой опасности для других.

— Но ведь я помог...

— Вы, — безжалостно объявил Свиридов, — чуть было не погубили экипаж потерпевшего аварию самолета и самого себя заодно. Неумелые действия хуже, чем... Что, я должен цитировать басни? А раз вы начали, я не мог уже ничего сделать. Пришлось вызывать спасательную машину с другой станции. Чистейшая случайность, что никто не погиб!

Лицо Чернова искривилось.

— Вы вправе думать обо мне что угодно, — прошептал он. — Я спасовал... Не выдержал...

— Чепуха! — Свиридов говорил грубым голосом. — Вы действовали молодцом! Как настоящий парень!.. Но глупо. А в нашем деле этого не полагается. Вот и все.

Он хлопнул Чернова со всего размаха между лопатками:

— Неразумный поступок в наш разумный век! Говорят, в прошлом к таким вещам относились снисходительнее. Но, понимаете, если мы не можем преодолеть все наши слабости, то мы по крайней мере обязаны их знать. И стараться не подводить других.

— Спасибо, — сказал Чернов. — Я действительно вел себя глупо.

— Я сам виноват, — возразил Свиридов. — Надо было отправить вас обратно, когда вы явились на спасательную станцию. Пожалел... У вас был такой замученный вид. Я поступил неправильно. И на вас сейчас зря обрушился. Сам во всем виноват, и самую главную глупость сделал я. Ладно! Хватит...

7

Манташев нарушил непереносимое условия работы участников любой ответственной экспедиции. Он обязан был думать вслух, чтобы каждая его мысль запи-

сывалась секретарем-автоматом. Его мысли принадлежали не ему, и он не имел права таить ход пусть даже неясных еще своих размышлений. Но никто не сказал ни слова по этому поводу. Заниматься моральной стороной дела сейчас просто не оставалось времени.

Аппараты записали последние слова Манташева. Машины произвели анализ измерений, сделанных с борта самолета. Члены Совета обменялись мнениями.

— Ясно одно, — сказал академик Матвеев. — Манташев думал о льдах, вернее — об их таянье, о скорости этого процесса. Почему иначе его интересовал рельеф местности? Он рассматривал всю тектоническую картину как гигантскую снеготаялку.

— Что может дать интенсивное таяние льда? — продолжил мысль главный гляциолог планеты. — Массы льда испарятся и рассеются в атмосфере. Если произвести этот процесс в достаточном масштабе, то вес того куска, что оторвался, заметно уменьшится...

— Зато климат планеты... — возразил главный климатолог Земли, — может измениться... В какой степени? Дайте исходные цифры, и я скажу.

— Цифры мы дадим, — вмешался руководитель инженерной группы. — Если вы хотите получить как можно больше льда и побыстрее, мы наколем с помощью взрывчатки такой ледяной щебенки. Скаты местности идут как раз в сторону ущелья. Значит, ледяные глыбы сами потекут навстречу огню. По сделанным нами расчетам можно будет...

Он назвал цифры. Тотчас же стали рассчитывать изменение массы оторвавшегося куска Антарктиды. Эти данные положили в основу определения взаимодействия «каменного плота» с упругой подстилкой. Еще одна группа исследователей выяснила роль, которую сыграет тяговое усилие искусственного вулкана, приложенное к этому плоту с учетом постепенного изменения его веса. Возникали все новые вопросы — на них искали ответа другие группы специалистов-ученых.

Прошло два часа. За это время поступило столько данных, что, если бы вздумали собрать их вместе, по-

лучилась бы целая полка толстенных томов. Но эти данные были проанализированы, обобщены машинами и доложены в виде нескольких конечных логических выводов. Ознакомившись с ними, председательствующий потребовал всеобщего внимания.

— Пришла пора, — сказал он, — вынести решение. — Он сделал паузу. — Прежде чем принять его, прошу ответить в свете самых новых данных на один последний вопрос: как скоро может быть двигатель включен после остановки и на сколько часов работы останется в нем горючего, если его выключить через двадцать одну минуту?

Инженер, заменяющий Забелина, тотчас же сообщил, что гора-форсунка прочна и непоколебима, а горение идет строго по графику. Общее время действия, таким образом, составит ожидаемые пять суток. Если остановить процесс сейчас, неизрасходованного топлива останется на 32 часа работы двигателя. Для создания сколько-нибудь значительных новых запасов горючего потребуется год. Когда можно снова включить двигатель? Для восстановления запального устройства при современной технике достаточно суток. Но проникнуть внутрь сопла после остановки двигателя даже автоматы смогут не раньше чем через месяц.

— Там все раскалено, — сказал он. — Огнестойкая футеровка, которую мы положили слоем в двадцать пять метров, почти вся обгорела. Я боюсь, что через несколько часов вообще может начаться неостанавливаемый процесс. Мы просто не сможем выключить этот вулкан. Он будет действовать, пока не израсходует все горючее.

Наступила короткая пауза.

С экранов Зала Совета люди, оторвавшиеся на миг от напряженного труда, смотрели друг на друга.

И тут академик Бобров, главный холодильный «бог», на глазах у всех хлопнул себя по лбу и сказал:

— А Манташев-то молодец! Теперь я понял его мысль... Знаете, о чем он думал? Об охлаждении вулкана. Да, да! Он думал не о «сжигании» льдов, не о превращении их в пар с помощью пламени вулкана,

а об охлаждении его жерла после выключения. Понимаете? Выключить двигатель, а льды вокруг раскрошить и подтолкнуть по естественным скатам местности, завалить ими жерло, испарить в конце концов горы льда, но охладить гору-форсунку. Тепло для образования пара будет отниматься от раскаленных пород. Скажите мне, сколько льда максимально вы сможете запахать в глотку вулкана, и я скажу вам, когда роботы смогут проникнуть туда, чтобы восстановить запалы.

Голоса загудели, и тут же восстановилась тишина. Участники Совета наклонились над письменными столами, протянули руки к пультам вычислительных машин, извлекали из электронной памяти автоматов формулы и коэффициенты, работали в полную силу человеческого ума.

Через пятнадцать минут стало известно, что, если сгребать лед в вулкан с окружающей территории с помощью направленных взрывов, на охлаждение потребуется всего шесть суток.

За пять минут до полудня председательствующий отдал распоряжение:

— Приостановить действие реактивного двигателя «Земля» в двенадцать ноль-ноль.

8

— Они сражались до последней минуты. Это был настоящий бой. Манташев пришел в себя только на третий день. На смену вылетели другие. Спасатели выхватывали из потока людей, находившихся на волосок от гибели. Некоторых спасали дважды. Одна девушка...

— Девушка?

Оля подняла глаза. Цветок ромашки в ее руке светился, как солнце с белыми лучами. Она покрутила плотный стебель.

— Да. Свиридов вытащил ее из разбитой машины. А потом разбился сам. Всех подобрали. Девушка даже не подозревала, что дважды попадала в ава-

рию. Она потеряла сознание от духоты, когда подлетали к вулкану. Нарушилась герметичность скафандра. В самом тяжелом состоянии Свиридов.

Костя остановился. Потом добавил:

— В физическом. А в моральном — Манташев.

— Ведь он придумал этот способ охлаждения!

— Да, но на четыре часа задержалось выключение двигателей планеты. Операция, в которой дорога каждая секунда. По его вине.

— Он же не хотел. Просто...

— В том-то и дело. Просто! Он не подумал, что его мысли в такой момент принадлежат не ему. Вернее, забыл. Конечно, привычка мышления чисто механическая: ученые обычно не спешат с выводами, пока не проверят их. Но ведь мозг, его работу тоже надо направлять. Он очень переживает. Свиридову легче. Он герой. Сотни людей ломают голову, как вернуть ему полную работоспособность.

— А Манташев?

— Его убеждают, что все в общем обошлось. Стараятся смягчить... Но он не может сам простить себе. Он считает, что не было бы последних самых опасных полетов, если бы решение выключить двигатель состоялось на четыре часа раньше. И не случилось бы аварий с машиной Свиридова.

— А авария с планетой?

— С планетой? Никакой аварии не было.

— Позволь, — удивленно спросила Оля. — А все эти меры? Экстренные заседания ученых? Полеты в опасную зону?

— Сейчас все окончательно выяснилось. Это было условие, поставленное Контролем безопасности. Так называемая «лула риска». Они договорились — Плановое бюро и Контроль безопасности, — что опыт ставится в безопасных масштабах, абсолютно безопасных, но возможные вредные последствия эксперимента преувеличивались в сто раз. Условно. Поэтому и работали так напряженно ученые, и люди вылетали, и спасатели действовали. Своего рода боевые учения. Иначе Контроль безопасности не давал согласия на производство опыта.

— И люди шли на риск?

— Ведь это первый опыт в истории Земли! Иначе просто нельзя. Без серьезной подготовки нечего и думать о таких вещах. В конце концов Контроль безопасности, который так трясется за здоровье каждого из нас, вовсе не думает воспитывать из людей трусов. Наоборот. Речь ведь идет и о подготовке людей. А без риска нет даже спорта.

— Но тогда Манташев...

— Ничего не меняется. Не выдержал испытания... Он это прекрасно понимает. Вообще в мужестве никому нельзя было отказать, — подытожил Костя. — Все, кого коснулось, оказались на высоте. Но кое-кому не хватило некоторых других качеств. В этом тоже заключался опыт.

— Скажи, — спросила девушка, — а ты хотел бы очутиться на месте Свиридова?

Костя очень долго не отвечал.

— Свиридов — герой, — сказал он наконец. — Ему можно позавидовать. Такое приключение... Кому же не хотелось бы! Но если хочешь знать, самый главный герой не он.

— Кто же герой?

— Дерзость, — сказал Костя. — Я облетел сегодня пол-Земли. И всюду видел памятники человеческому дерзанию. Обелиск в честь первого спутника Земли. Стометровые фигуры молодых преобразователей Сибири — кажется, что облака плывут прямо из рук юноши и девушки, а сопки шумят у их ног исполинским прибоем. Бронзовый листок календаря на Волге, русской реке, на крутом откосе — золотые цифры, первые годы коммунизма — в память о завершении полного преобразования огромного бассейна — от моря до моря. А города, построенные так, как об этом мечтали столетиями! Преображенные материки, рудники на дне океана, пассажирская станция «Москва — Луна». А первое постоянное поселение людей на Венере! Ведь этот городок, заброшенный на планету, бегущую вокруг Солнца по своей орбите, живущую своими законами, трижды приходилось переносить с места на место. Первый раз его

чуть не уничтожило извержение вулкана. И дважды еще потом люди спасались от землетрясений. Это ли не смелость! А какая дерзновеннейшая идея — ухватиться за земную ось и покачать немного всю планету!

Сейчас там к главному соплу пробурили боковой ход — вспомогательное сопло, — продолжал Костя, — и этот кусок тела планеты, оторвавшаяся часть Антарктиды, движется по сложной кривой. Но он не станет на прежнее место. О, человеку ничего не стоит поставить его назад! Но не обязательно сохранять Антарктиду такой, какой она была. Нечего ей оставаться сплошным мерзлым скально-ледяным континентом. Его, видимо, со временем растащат немного по кусочкам, раздвинут несколько — существует такая фантастическая, как говорили в старину, идея.

— А ось? А земная ось?

— Да, она сошла со своего места. И сдвиг, ничтожный сдвиг в тысячные доли градуса, останется. А ведь это, в сущности, и есть победа! Приборы, разбросанные по всем меридианам и широтам, констатируют изменения, близко совпадающие с расчетными. Зона наиболее благоприятных природных условий на нашей планете уже частично расширилась. Выходит, опыт удался! Это значит, что человек может управлять положением планеты в пространстве. Значит, со временем он сможет поставить ее под любым углом к орбите. Конечно, сначала будут долго изучать все последствия сегодняшнего поворота оси, сравнивать с расчетами, составлять новые, еще более точные прогнозы. Затем будут изменять ее положение постепенно — может быть, на один градус в десять, а то и в двадцать или тридцать лет, так же постепенно переделывая и всю поверхность Земли, пока планета не станет такой, какой ее хочет видеть человек.

Оля провела рукой по его волосам.

— Ты так возбужден... — Она посмотрела на него с восхищением.

— Я только теперь понял, — сказала она, — что значат эти тысячные доли градуса. Это власть над

планетой — не над отдельными ее частями вроде пустынь и тундры, а над планетой целиком. Огромная власть! Я понимаю тебя...

— Знаешь, я был в Зале Совета ученых. Эти люди, тысячи людей, напряженно мыслящих, обдумывающих и обсуждающих дерзкий эксперимент, в то время как миллионы следят за ходом дела и готовы прийти на помощь, эта коллективная мысль, эта коллективная дерзость, дерзость человечества — у меня мурашки пробежали по спине. Почему никто не напишет картины, где бы все это было передано?

Оля оглядела луг и реку. Круги пошли по воде. Рыба схватила стрекозу.

— Да, а как твоя картина?

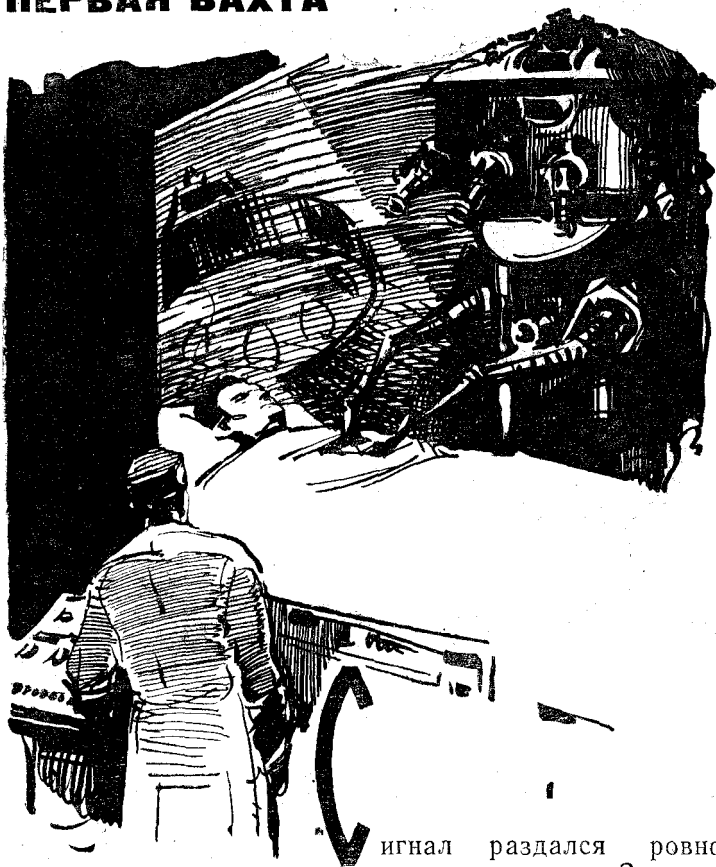
— Только не смейся. Я пишу заново. Нет, все остается. Вернее, почти все. И просека. И теплый луч. И живая вода. Люди — такие же простые. Но что-то не то. Неуловимое. Я поймал его наконец. — Костя счастливо засмеялся. — Для этого потребовалось три года.

Оля протянула ему руку. Он прижал ее к щеке.

Солнечное тепло его лица, зелень луга, сверкание воды... Небо с голубыми объятиями. Где это было? Не там ли, на картине Кости?

— Как ты назовешь картину?

— Созидатели.

Сигнал раздался ровно в восемь утра. Загудел зуммер, зажегся красный огонек. На табло появилось всего несколько цифр. Откуда пришел зов о помощи — цифры не сообщали. Только номер и дата, автоматически зафиксированная блок-универсалом: восемь часов вечера. Очевидно, поясное время. Значит...

Сергей подошел к глобусу и отсчитал меридианы. Как раз на противоположной стороне земного шара. Он провел пальцем по тонкой линии и вызвал Карибский центр здоровья.

— Мы приняли сигнал, — ответили ему. — Это здесь, близко.

Сергей уже не мог спокойно сидеть на месте. Его воображение рисовало картины того, что могло произойти. Что-то случилось внезапно — пострадавший не успел сказать ни слова. Путник в горах упал в пропасть? Дерево, гнившее десятилетиями, рухнуло и придавило случайного прохожего? Кто-то неосторожный забрел в болото и гибнет сейчас в трясине? Теряя сознание, несчастный сумел только коснуться кнопки тревоги в своем блок-универсале. Он был один.

Один ли? По универсальной системе ретрансляции сигнал в течение доли секунды дошел до всех станций здоровья земного шара. Теперь там, на островах Карибского моря, ищут того, кто подал зов о спасении. Блок-универсал будет посылать сигналы, пока его не засекут и не прилетят на помощь.

Сергей спохватывается. Пока он тут дал волю своему воображению, всемирная картотека здоровья уже отстучала всем центрам службы основные данные о потерпевшем. Сергей берет бланк, выпавший из щели пюпитра.

«Очень редкий случай болезни сердца, — читает он. — Осложнена аномалией в развитии блуждающего нерва и волокон симпатической нервной системы». Далее — подробное описание болезни и, наконец, вывод: неизлечима. Операция, связанная с заменой нервных волокон, существующими средствами хирургии пока невозможна.

Сергей сочувственно качает головой. Сейчас, когда инфекционные заболевания ликвидированы и люди даже простуживаются редко, подобные случаи особенно обидны. Чем можно помочь человеку в таком положении? Очевидно, у него отказало сердце. И все же Сергей запрашивает дополнительные сведения. Может быть, какой-нибудь намек на спасение! Ему очень жаль этого неизвестного. Зовут его Ансельмо. Возраст — девятнадцать лет! Живет на Кубе. Сергей пытается представить его себе. Тонкий хрупкий юноша с мягким подбородком? Или черно-

глазый живой малый, которому приходится все время напоминать, чтобы он двигался потише и не размахивал руками? А может быть, сидящий в кресле прирожденный инвалид, на минуту оставленный без присмотра?

Это первая вахта Сергея Воронова, дежурного по связи Сибирского центра здоровья. Должность как будто и не самая главная, но стажер чувствует себя на посту Человечества. Он должен незамедлительно что-то предпринять. Сергей читает дополнительные сведения об Ансельмо: рост, вес, телосложение, даже общее физическое развитие — все самое обычное, кроме этой проклятой редкостной аномалии.

Тысячам людей делают в крайних случаях замену сердца протезом. Это Сергей знает. Но, как видно, не в таких особо сложных случаях.

А в таких? В дополнительных сведениях он находит перечень имен. Это специалисты, которые могут что-то сказать по этому поводу. Четыре фамилии. Среди них — Козырев. Из Новосибирского института хирургии. Ну да, их Козырев! Его нужно сейчас же поставить в известность.

Сергей вызывает Ивана Павловича. У того круги под глазами. Крайне утомленный вид. Сергей вспоминает, что Козырев сегодня должен ехать в санаторий.

— Да, я знаю Ансельмо, — говорит Козырев. Он оживляется. — Если бы он прожил еще год! Мы спасли бы его. Четыре человека в разных странах ищут способ исцеления именно в таких случаях. Но пока безрезультатно. Что сообщают оттуда?

— Сердце остановится через два-три часа, — сообщают с места события. — Обострение болезни возникло внезапно. Больной лежал и читал книгу. Она выпала из рук. Решили, что он заснул. Но тут пришел сигнал... Он почувствовал себя плохо и успел нажать кнопку. Перевозить Ансельмо нельзя. Все, что допустимо, это осторожно поднять его и положить на операционный стол.

— Я посоветуюсь с коллегами, — озабоченно го-

ворит Козырев. Выражение его лица не сулит ничего хорошего. Он поспешно отключается.

Сейчас, пока везут по воздуху операционную, Козырев будет разговаривать с Варшавой, Алжиром и Гаваной. Сергей сообщает об этом в Карибский центр. Тем временем на месте происшествия уже оборудовали нормальный пост связи. Задача Сергея — обеспечивать связь между Сибирским центром здоровья и той точкой на Кубе, где произошел несчастный случай. Это не просто в таком деле.

Сергей включает левый экран. Он видит невысокие горы, скорее холмы, покрытые зеленью. Неподалеку в лучах заходящего солнца поблескивает озеро. Человек с подушкой под головой лежит в плетеном шезлонге под большим деревом в саду. Он выглядит моложе, чем представлял себе Сергей. Четкий профиль лица, на котором застыла какая-то детская растерянность.

Три человека в светлых комбинезонах хлопочут около больного. Они расставили с десяток приборов на движущихся подножках. Не подходя близко, чтобы не тревожить больного, приборы делают измерения с расстояния, меняют места, поворачивают к нему свои хоботы. Данные их наблюдений идут и в Гавану, и в Варшаву, и в Алжир. По всем звеньям Службы здоровья, включившимся в спасательную операцию. Издали приборы похожи на толпу любопытных. Вот среди приборов происходит какое-то оживление, нечто похожее внешне на суету. Видимо, кто-то затребовал дополнительные сведения.

В темнеющем воздухе показывается сооружение, похожее на огромный полупрозрачный колпак. Его осторожно опускают на площадку рядом с верандой. Вспыхивает сильный, но не слепящий, рассеянный свет. Итак, будут производить операцию: другого выхода нет, приходится рисковать.

Сергей может видеть внутренность операционной со всей ее технической оснасткой. Стандартный стол — перемещающийся в пространстве как угодно, чтобы дать самый удобный доступ хирургу. Хирургический робот — машина с четырьмя руками, со

сверкающими инструментами, автоматически поступающими из магазинов. Двадцать пар автоматических глаз, призванных следить за тем, как осуществляется программа операции, и передавать поправки исполнительным органам. Но нет ее, этой программы, которую нужно вложить в машину. Не продумал еще такую сложную, почти невозможную операцию во всех ее тонкостях человек.

И великолепную многорукую и многоглазую машину убирают. Люди откатывают ее в сторону, чтобы она не мешала.

Взамен вводят обыкновенного робота — с двумя руками; робот-копир, аппарат без соображения: все, что он может, — это с помощью радиоволн повторять движения человека, находящегося далеко, но зато уже делает это робот абсолютно точно.

Значит, операцию будет производить человек. Кто же? Сергей слышит спокойный голос Ивана Павловича. Юнша включает правый экран. Иван Павлович уже у себя, в Новосибирском институте, в операционной.

Значит, операцию поручили производить ему. Сергей удивлен. Ему кажется, что в мире что-то происходит не так. Есть много соображений «против». Он, Сергей, не поручал бы операцию Козыреву. Это слишком рискованно во многих отношениях. Козырев сегодня просто не в состоянии довести дело до конца. Но сейчас Сергею некогда размышлять.

— Пароль — жизнь! — слышит он команду оперирующего.

Сергей протягивает руку к пульту.

— Пароль — жизнь! — повторяет он.

В океане радиоволн, омывающих планету, океане, где есть свои приливы и отливы, бури и штилы, по этому сигналу освобождаются сейчас самые надежные каналы. Каждый импульс, означающий движение руки хирурга, будет дублироваться на разных частотах, чтобы не произошло ошибки в движении ножа в металлической руке робота там, на берегу тихого озера.

Сергей включает все пять каналов. Они как бы

невидимыми нитями свяжут руку хирурга с руками автомата так, что те будут работать в одном ритме. Стажер манипулирует рукоятками на пульте, пока все пять стрелок не останавливаются на заветной черте.

— Готово! — говорит он.

С Кубы ему отвечают: ♥

— Сигналы нормальные.

Сергей может наблюдать за ходом операции. Правда, это будет похоже на немое кино. О чем переговаривается Козырев с помощниками по ту сторону океана, Сергей не услышит. Он не должен отвлекаться от своих прямых обязанностей — следить за работой телемеханических и прочих многочисленных устройств. А Козырев, наоборот, должен забыть о технике, он должен думать только об операции. Так распределены между ними заботы.

Сергей окидывает взглядом аппаратуру: у него как будто все в порядке.

На экране слева он видит Ансельмо, уже усыпленного, лежащего на операционном столе.

На экране справа — Козырев. В легком рабочем комбинезоне, таком же, как у людей около Ансельмо, но в отличие от них — без маски и без перчаток, длиннорукий, чуть сутулый, с узким лицом, он стоит, словно раздумывая.

Полдюжины роботов окружают пустой операционный стол, выражая всем своим видом полную готовность выполнить любое приказание хирурга.

Козырев что-то сказал.

В ту же секунду оперируемый появился на столе Козырева. Сергей — сын своего века, однако он невольно переводит взгляд на левый экран, словно ожидая, что Ансельмо перенесется с Кубы в Новосибирский институт. Но нет, на левом экране юноша с закрытыми глазами по-прежнему лежит на операционном столе, и робот склонился над ним, занеся нож. По другую сторону оперируемого — оба местных хирурга неотступно следят за роботом. На правом экране такой же юноша лежал перед Козыревым, держащим скальпель. Это модель, объемное изобра-

жение оперируемого со всеми внутренними органами и тканями.

Операция началась.

Козырев прикасался скальпелем к тканям, иллюзорным, существующим только как изображение, и они рассекались, словно были частью тела человека. Он отдавал неслышимые Сергею распоряжения, и два ассистента, находящиеся за тридевять земель (Сергей видел их на левом экране), оттягивали ткани, зажимали сосуды, клали тампоны.

Роботы, окружавшие Козырева, не помогали оперировать. Они обслуживали самого Козырева: Один то и дело вытирал пот со лба хирурга. Другой время от времени подносил стакан с крепким чаем, и Козырев делал жадный глоток. Два робота подавали инструменты. Два еще держались, видимо, в запасе.

Козырев работал, стиснув зубы. Иногда он делал паузы. Иногда отдыхал. Чувствовалось, что ему очень тяжело работать.

Сергей с напряжением следил за Козыревым. Ведь он резал, в сущности, пустоту! Как легко ошибиться! Сергей, правда, знал, что нож хирурга не просто режет воздух, а испытывает сопротивление, в точности такое же, как если бы проникал в настоящие ткани. Его создает магнитное поле специально для того, чтобы хирург чувствовал себя в привычных условиях.

Он, Сергей, для того и сидит тут, чтобы техническая аппаратура работала исправно. Но эта искусственная плотность, отражаемая стрелками на циферблатах, как-то не внушала сейчас Сергею особого доверия.

«Почему все-таки он оперирует? — еще раз подумал Сергей. — Ведь Козырев болен...»

Как раз в этот момент Козырев выронил скальпель.

Сергей вздрогнул, увидев, что скальпель воткнулся острием в находящееся перед Козыревым изображение тела юноши. Нож упал в раскрытую для операции полость, пронзил какие-то ткани, — может

быть, задел нервы. Он застрял, утопившись более чем наполовину.

С большим трудом Сергей заставил себя повернуть голову влево. Он взглянул и вытер пот, обильно выступивший на лбу. Машина, копирующая малейшее мановение руки Козырева, не повторила последнего его движения. Робот не мог уронить инструмент. Инструменты не подавались ему, как Козыреву, а автоматически поступали из магазина и замыкались в металлической руке на автоматический же замок. Тут машина показала свое преимущество перед человеком с его нервами и способностью волноваться.

Один из роботов поспешно подал Козыреву новый инструмент.

Операция продолжалась.

Козырев вдруг остановился. Несколько секунд размышлял. Что-то сказал. Опять помолчал. Затем произнес одно слово.

Тотчас же тело юноши на столе перед ним стало полупрозрачным. Сохранялись даже цвета тканей, они стали только более блеклыми.

На левом экране ничего подобного не происходило. Просто одна из камер на стене операционной повернулась объективом к телу юноши.

Перед Козыревым находился уже не двойник Ансельмо, а человек с прозрачным телом. «Явное преимущество заочной операции», — заметил себе Сергей. Наклонившись, Козырев вглядывался в просвечивающие, словно цветное стекло, ткани. Видно, он на что-то решался.

Сергей видел, что губы Козырева шевелятся.

От стены отделился длинный рычаг с прозрачным диском. Козырев рассматривал вскрытую полость сквозь линзу. Затем решительно протянул руку и чуть тронул одну из рукояток на ободке линзы.

Сергей понимал, что наступил, может быть, самый решающий момент операции. Козырев рассматривает операционное поле под большим увеличением, а манипулятор уменьшал любое движение руки хирурга во много раз. Тонкий рычажок с микроскопическим ножом протянулся к телу юноши на столе перед

Козыревым. Робот там, за несколько меридианов, повторяет почти неуловимое движение ножа с величайшей точностью.

Сергей слышал свое бьющееся сердце. Потом он вдруг подумал, что, в сущности, не так все страшно. Ведь Козырев может применить магнитную защиту. Сделать так, что инструмент не пойдет дальше дозволенного, даже если рука хирурга будет готова совершить ошибку. Магнитное поле при желании можно отрегулировать так, что оно не пустит нож в ткани, запретные для него. Еще одно преимущество оперирования на «призраке»!

Но Сергей тут же сообразил, что самое трудное вовсе не в технике оперирования. Разумеется, управлять движением ножа Козырев может как угодно точно. Но он должен знать, куда направить нож. В сущности, эту задачу он и решает сейчас. Ведь до сих пор никто такой операции не делал.

Козырев снова остановился. На этот раз он раздумывал минут пять. На левом экране Сергей видел людей около Ансельмо. В волнении они сошлись вместе, широкая спина робота загораживала картину. Что-то произошло!

«Ведь терять нечего, — мучился Сергей, ерзая в кресле. — Ну же... Действуй!»

И вдруг Сергея словно обожгло. Он подумал, что если сейчас, в отчаянном цейтноте, когда каждая секунда уносит с собой, может быть, последний шанс на спасение, Козырев второпях сделает неверный шаг, а спустя время, анализируя операцию, поймет это, — каково ему будет тогда?

Хирургическая операция впервые предстала перед юношей не просто как искусство, которым можно залюбоваться и которое доставляет наслаждение, а как следующие одно за другим решения ума и сердца, ответственность которых человек в полной мере сознает в течение всего времени работы. Машина ничего этого не знает. Она не переживает неудачи. У нее нет чувства вины. И если вы попытаетесь ее ошибку вынести на ее собственный суд, она ни в чем не признает себя виноватой. Она обладает способно-

стями, которые вложили в нее создатели ее. Хорошо машинам.

Козырев что-то сделал. Совсем неуловимое. Потом отошел в сторону и опустился, почти упал в кресло, которое поспешно пододвинул один из роботов. Робот суетился, как секундант около боксера, в изнеможении добравшегося до своего угла. Козырев закрыл лицо руками.

Больной лежал на операционном столе безжизненный. Вдруг он исчез.

Сергей перевел взгляд налево. Два человека в светлых комбинезонах стояли около тела юноши в неподвижных позах.

— Отключайте запасные каналы, — услышал Сергей голос с Кубы.

— Как операция?! — воскликнул он.

— Люди сделали что могли, — ответил с того конца земного шара диспетчер Карибского центра. — Теперь работают машины.

Сергей видел людей и двух роботов — того, четверорукого пустили в ход. Эту часть операции, очевидно, лучше выполняют автоматы. Работа подошла к тому этапу, где начинаются уже проложенные рельсы.

— Значит, Ансельмо спасен?

— Ничего не известно, — ответил диспетчер. — Когда поставят протез и включат его, станет ясно, будет ли он жить.

Робот что-то делал четырьмя руками. Методичные движения, сверканье инструментов. Машина, она не волнуется.

Козырев встал и принялся ходить из угла в угол.

Сергей подключился к линии, связывающей Козырева с людьми на Кубе. Но там тишина.

— Включаем! — раздался вдруг голос.

Громко зазвучал метроном.

Козырев мог включить экран и наблюдать. Он не сделал этого. Просто остановился и чуть наклонил голову. Звуки метронома стали глуше. На них наложился новый звук, неритмичные, неровные по тону. Это билось сердце Ансельмо.

Козырев сел в кресло и продолжал слушать.

Звуки менялись в тонах. Разобраться в этих тонкостях Сергей уже не мог. Он следил за выражением лица Козырева.

Тот сидел, подавшись вперед, положив ладони на колени, весь вниман.

Вдруг тень светлой улыбки прошла по его лицу.

Сергею показалось, что вздохнули сразу на всех континентах. Ведь, конечно, и в Гаване, и в Варшаве, и в Алжире, и в десятке других пунктов слушали вместе с Козыревым.

Козырев подождал еще с полминуты и, повернув рычаг связи, сказал в микрофон Сергею:

— Прибавьте напряжение.

Так, — сказал Козырев. — Хорошо.

...Где-то там, на противоположном конце земного шара, созданное людьми сердце бьется в нормальном ритме, которого не знало больное сердце Ансельмо. Ему не просто продлили существование. Он будет жить новой, настоящей человеческой жизнью. Он сможет получить все, чего был лишен из-за того, что родился обделенным природой.

Сергей готов ликовать на весь мир. Но тут он вспоминает историю с Козыревым, и настроение его падает. Конечно, он еще молод и некоторые критерии жизни только вырабатывает. Но, на его взгляд, Гавана, Варшава и Алжир могли бы и не взваливать тяжесть ответственности именно на Козырева. Этот упавший скальпель стоит до сих пор перед глазами Сергея. И Козырев, с какой бы точки зрения ни взглянуть, имел полное основание... Хотя, впрочем, что значат все основания и права в таких случаях?! Он, Сергей, на месте Козырева поступил бы так же. Но что он, Сергей, должен сделать сейчас на месте Сергея?

Он вызывает Варшаву. На экране появляется худощавый человек с большой залысиной. Сергей узнает знакомого по фото хирурга Консовского.

— Я видел только что операцию, — говорил Сергей. И задает вопрос прямо в лоб: — Скажите, почему поручили делать ее Козыреву?

Брови Консовского чуть-чуть поднимаются.

— Козырев был необходим сегодня...

— А если бы?

— Что если бы? — спокойно переспросил хирург.

— С Козыревым случилось что-нибудь?

Консовский секунду разглядывает юношу.

— Вы что, не знали, что Ансельмо оперировал не один Козырев? — удивляется он. — Вы недавно работаете в Службе здоровья?

И затем терпеливо поясняет:

— Изображение Ансельмо передавалось в Гавану, Варшаву и Алжир. И мы работали вместе с Козыревым. Он больше нас продвинулся в теоретической разработке задачи, он первоклассный хирург и поэтому делал самое трудное. Но когда нужно было, мы подменяли Козырева, а последние пять минут перед самым решающим ходом работали без него. Козыреву необходимо было дать отдохнуть и собраться с мыслями. И те хирурги, что находились непосредственно у Ансельмо, тоже принимали участие в работе. Вообще такую операцию не в состоянии осуществить один человек! Ведь мы, в сущности, решали научную проблему...

Теперь, наконец, Сергей начинает понимать, что означали паузы в работе Козырева. Операция шла непрерывно! И если бы случилось что-нибудь с Козыревым, его тут же подменили бы. Служба здоровья сделала все, что можно, чтобы спасти Ансельмо.

Но что она сделала для Козырева?

2

Ответ на этот вопрос мог дать только Савостьянов, руководитель Сибирского центра здоровья.

К нему и направился Сергей, закончив вахту.

— Я не понимаю, — горячо заговорил Сергей. — Раньше были доноры, которые жертвовали кровь для спасения других. Наука ушла вперед, и заменитель крови изготавливается искусственно. Сегодня Козырев отдал часть своей жизни Ансельмо.

И люди согласились с этим! Ведь всем отлично известно, что у Козырева сердечная болезнь. Состояние его, может быть, даже более безнадежное, чем было у Ансельмо. Он проводит в санатории две недели каждого месяца. Но разве это выход? Где серьезная, настоящая забота о Козыреве? Как об Ансельмо! Неужели нельзя было избавить Козырева от такого тяжелого испытания?

Савостьянов задумывается.

— Как об Ансельмо... А вы знаете, в чем заключалась ошибка с Ансельмо? — спрашивает он.

Сергей удивлен. Ему казалось, что с Ансельмо все обошлось исключительно удачно.

— Там была ошибка?

— Да. — Савостьянов говорит твердо. Глаза его смотрят прямо в глаза Сергея. — Козырев хотел выиграть время, чтобы найти способ исцеления Ансельмо. И он прописал Ансельмо абсолютный покой. Ансельмо сказали: не двигайся, не волнуйся, не думай ни о чем. Ему определили жизнь без всяких стимулов. И сердце его ослабело! В этом и заключалась ошибка. Будь у Ансельмо цель в жизни, какая-то определенная задача, посильная для него, — я убежден: он прожил бы еще год без операции.

Очевидно, удивление не сходило с лица Сергея.

— Вы сомневаетесь? — спросил Савостьянов и продолжал: — Что такое жизнь? — Савостьянов положил руку на плечо Сергея. — Для кибернетической машины — постепенное изнашивание ее частей. Биологическая жизнь — обмен, питание клеток... А жизнь человека? — Савостьянов отнял руку, сжал пальцы в кулак. — Все ее богатое содержание! Прежде всего человеку нужно счастье работы. И у него должна быть цель! Такая цель, что ради нее можно рисковать или даже жертвовать жизнью. Козырев потому и занялся новыми областями хирургии, связанными с деятельностью сердца, что хотел смягчить участь больных, считающихся, подобно ему, безнадежными. В этом для него смысл жизни, главный ее стимул. Продлить Козыреву жизнь — пусть даже в биологическом смысле — можно, только не

выключая его из жизни общечеловеческой. Вот почему я высказался за то, чтобы он участвовал в сегодняшней операции. Конечно, я наблюдал с помощью приборов за Козыревым во время операции не менее пристально, чем он за состоянием Ансельмо. И роботы дежурили, чтобы сразу прийти на помощь Козыреву, прежде чем кто-либо из людей успел бы перешагнуть порог операционной.

Открытия свалились на Сергея одно за другим. Оказывается, Козырев для Савостьянова своего рода Ансельмо. И Савостьянов борется за жизнь Козырева своим методом.

— А риск все-таки оставался? — тихо спросил Сергей.

— Оставался, — признал Савостьянов. — Но, — он пожал плечами, — что ж поделаешь. Другого выхода, в сущности, ведь и не было. Козырев, как вы сами понимаете, знал, что он больше других может сделать для спасения Ансельмо. Представьте, с каким сознанием жил бы он, если бы операция без его участия окончилась неудачно. Вы могли бы со спокойной совестью обречь человека на это?

— А если бы операция прошла неудачно при его участии?

— Сегодня многое было поставлено на карту, — сказал Савостьянов. Он на минуту задумался. Сергей заметил, что рука его чуть вздрагивает. Да, сегодня, кажется, многим пришлось поволноваться. — Но я не жалею о жизни. И, между прочим, продолжительность жизни людей на нашей планете увеличивается от года к году. Десятки различных и всем известных факторов способствуют этому. Вы не найдете среди них только одного — ничегонеделанья. Мы не машины... Словом, я не обещаю вам жизнь без забот. Ну, что, вы не раздумали работать в Службе здоровья?

— Нет, — твердо ответил Сергей. — Мне начинает нравиться.

«Хорошо машинам, — вспомнил он. — Нет, людям интереснее...»

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Танталусом	3
Последний пилот	30
Непредвиденное испытание	47
Прораб вселенной	75
Возвращение круглоголовых	112
Исчезновение Лоо	143
Пыль приключений	178
Первая вахта	209

Сапарин Виктор Степанович

СУД НАД ТАНТАЛУСОМ

Научно-фантастические
рассказы

М., «Молодая гвардия», 1962,
стр. 224.

Редактор *А. Строев*

Художник *И. Ушаков*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Н. Михайловская*

А09409 Подп. к печ. 29/IX 1962 г.
Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7(11,48).
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 115 000 экз.
Зак. 1404. Цена 48 коп.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 26.

